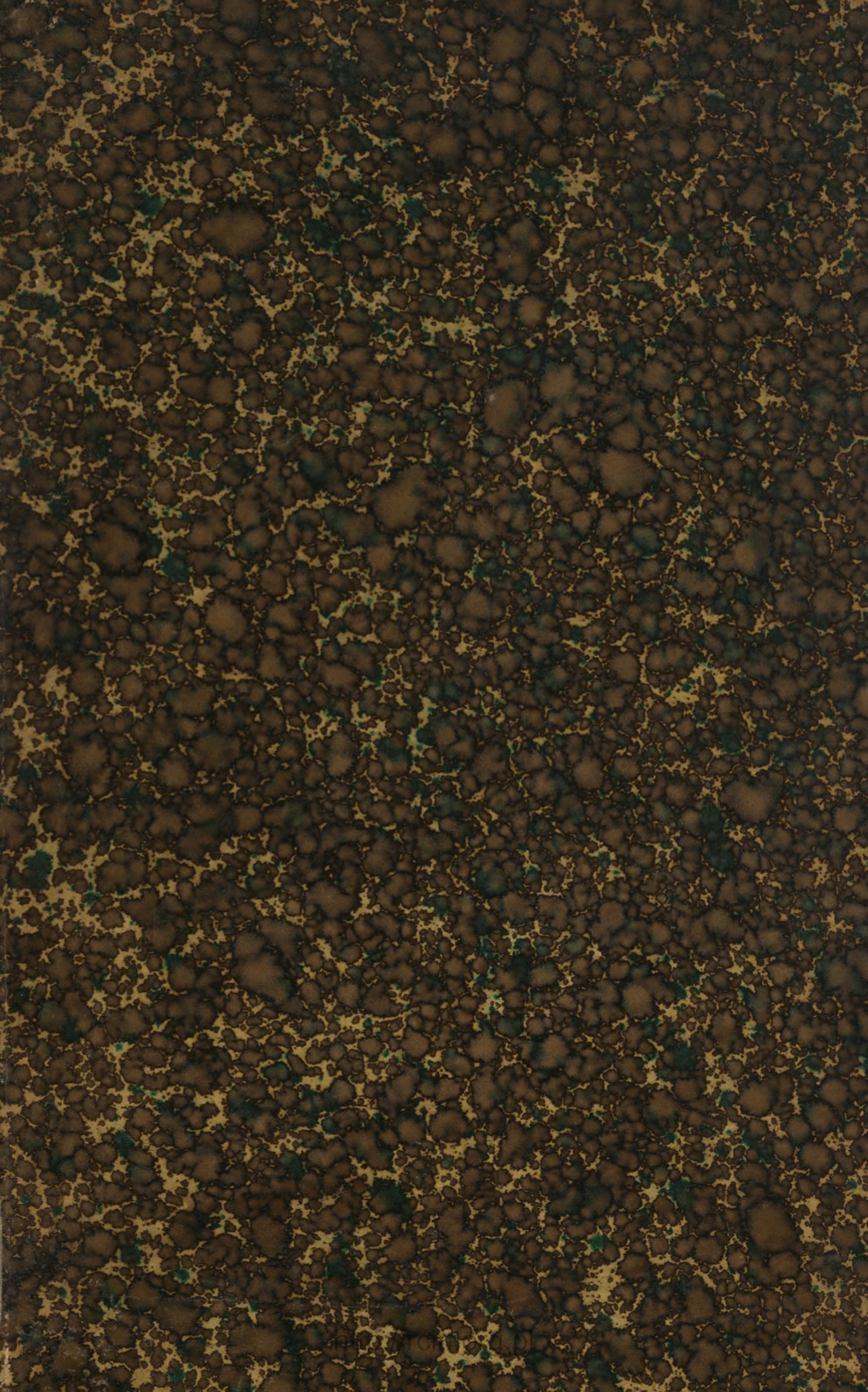

http://rcin.org.pl

Egz. archiwalny IBL

http://rcin.org.pl

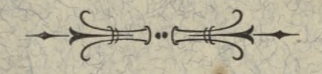
http://rcin.org.pl

Л. К. Козаковскій.

СКАЗАНІЕ

О

ВАЛЬТАРИ АКВИТАНСКОМЪ.

КІЕВЪ.
Типографія Императорскаго Университета св. Владиміра
Акціон. О-ва печатн. и издат. дѣла Н. Т. Корчакъ-Новицкаго, Мерингов. ул.
1902.

http://rcin.org.pl

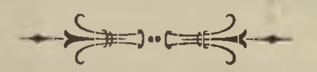
http://rcin.org.pl

Л. К. Козаковскій.

СКАЗАНІЕ

О

ВАЛЬТАРИ АКВИТАНСКОМЪ.

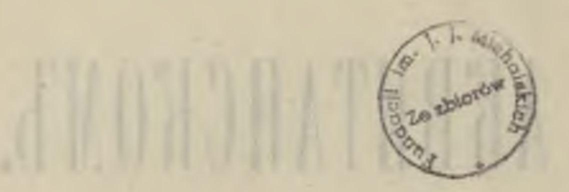

INSTYTUT
BADAŃ LITERACKICH PAN
BIBLIOTEKA
00 330 Warszawa, ul. Nowy Świat 72
Tel. 26-68-63

КІЕВЪ.
Типографія Императорскаго Университета св. Владиміра
Акціон. О-ва печатн. и издат. дѣла Н. Т. Корчакъ-Новицкаго, Мерингов. ул.
1902.

http://rcin.org.pl

Ze zbiorów

Печатано по опредѣленію Совѣта Императорскаго Университета Св. Владиміра.
Оттискъ изъ Университетскихъ Извѣстій за 1902 г.

6204

http://rcin.org.pl

ВВЕДЕНІЕ.

Германскую сагу о Вальтари Аквитанскомъ мы знаемъ по слѣдующимъ памятникамъ:

англо-саксонское стих. въ рукописи IX в.,

латинская поэма X в. „Waltharius",

написанная на латинскомъ языкѣ хроника Новалезскаго монастыря—XI в.

Къ XIII в. относятся слѣд. памятники: средне-верхне-нѣмецкое стихотвореніе и древне-сѣверная Тидрексага.

Кромѣ того указанія на сагу о Вальтари находятся и въ другихъ герм. сагахъ.

Существуютъ свидѣтельства, что сага о Вальтари и подругѣ его Гильдегундѣ была извѣстна въ Польшѣ. Это слѣд. памятники: написанная на лат. яз. хроника XIII в. (такъ наз. Богухвала), польская хроника (Kronika Swiata) Бѣльскаго XVI в. и Herby rycerstwa polskiego Папроцкаго—также XVI в. (1567 г.).

Это распаденіе извѣстій относительно разсматриваемой саги само собою намѣтило 2 части въ настоящей работѣ. Именно, первая содержитъ изслѣдованіе германскихъ памятниковъ, при чемъ я пытаюсь намѣтить черты первоначальнаго вида германской саги. Изъ всѣхъ ея памятниковъ самымъ старшимъ, дошедшимъ до насъ въ законченномъ видѣ, является написанная на латинскомъ языкѣ поэма X вѣка „Waltharius manu fortis". Въ виду этого я отклоняюсь отъ хронологическаго порядка при разсмотрѣніи названныхъ памятниковъ:

Новалезскую хронику, какъ не дающую ничего новаго относительно генезиса саги, но имѣющую спеціальный интересъ (сказаніе

http://rcin.org.pl

о монахѣ—воинѣ), я выдѣляю въ особую главу въ концѣ 1-й части работы.

Во второй ея части я занимаюсь разборомъ данныхъ у польскихъ хронистовъ о сказаніи „Walgerz Wdały". При этомъ я обращаюсь къ вопросу о родинѣ приводимой здѣсь повѣсти о невѣрной женѣ, наблюдая ея отраженія въ русскихъ былинахъ, юго-славянскихъ пѣсняхъ и западно-европейскихъ повѣстяхъ.

Конечной цѣлью работы служитъ выясненіе отношеній между германской сагой и польскимъ сказаніемъ о Вальтари и Гильдегундѣ.

---

http://rcin.org.pl

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

Сага о Вальтари Аквитанскомъ дошла до насъ въ различныхъ рукописныхъ памятникахъ, древность которыхъ не оставляетъ сомнѣній относительно древности самой саги. Кромѣ этихъ отдѣльныхъ свидѣтельствъ, правда, большей частью отрывковъ неизвѣстнаго цѣлаго, и поэтически-обработанной поэмы на латинскомъ языкѣ, въ подтвержденіе того, что Вальтари былъ очень популярнымъ героемъ, мы находимъ упоминаніе о немъ во многихъ германскихъ сагахъ позднѣйшаго образованія; въ нихъ исторія Вальтари упоминается обыкновенно, какъ нѣчто хорошо извѣстное, случившееся ранѣе событій, излагаемыхъ въ этихъ сагахъ. Наша сага не принадлежитъ къ числу великихъ эпическихъ цикловъ, но представляетъ собою остатокъ многочисленныхъ пѣсенъ, имѣвшихъ сюжетомъ отдѣльный подвигъ одного какого-либо героя [1]). Не смотря на то, что поэма „Waltharius" носитъ на себѣ черты начитанности поэта-монаха въ древнихъ (лат.) авторахъ, у которыхъ онъ заимствуетъ многія выраженія, а иногда и цѣлыя строки, и усвоила отпечатокъ монашеско-христіанскихъ воззрѣній автора,—въ ней достаточно ясно проглядываетъ удивительная эпическая сила вмѣстѣ съ чертами глубочайшей древности. Съ другой стороны, авторъ, б. м. невольно, воспроизводилъ иногда современную ему эпоху, что, въ свою очередь усиливаетъ интересъ, представляемый сагой, какъ культурно-историческаго памятника. Духовенство X и XI в. не от-

---

[1]) Нѣкоторыя изъ такого рода сагъ, какъ о Haim'ѣ, Witig'ѣ, Wieland'ѣ очень ранняго происхожденія—VIII, а м. б. и VII вѣка (Koberstein. Gesch. d. D. Nationallit. 46—48.

http://rcin.org.pl

носилось нетерпимо къ сюжетамъ нѣмецкой народной пѣсни и старой языческой саги: въ тиши монастырей ученые монахи съ любовью обрабатывали эти любопытные отголоски старины въ народной или художественной формахъ по-латыни. Сюда относятся: Waltharius, Ruodlieb (баварск.), Ekbasis Captivi (изъ латарингск. преданій) и многіе меньшіе отрывки не столь древнихъ сагъ. Эти стихотворенія были посредствующими звеньями между умирающей старо-германской и расцвѣтающей средне-верхне-нѣмецкой поэзіей. „Waltharius" является послѣдней блестящей вспышкой высокой поэзіи героической старины, тогда какъ „Ruodlieb", моложе его на одинъ вѣкъ, открываетъ рядъ фантастическихъ романовъ среднихъ вѣковъ [1]).

Сага о подвигахъ аквитанскаго витязя Вальтари была изложена въ видѣ поэмы латинскимъ гекзаметромъ однимъ изъ монаховъ Сенъ-Галленскаго монастыря въ X вѣкѣ [2]). Этотъ монастырь бенедиктинскаго ордена издавна отличался своею ученостью. Въ „Casus'ѣ S-ti Galli", начатомъ аббатомъ Ратпертомъ и доведеннымъ Эккегардомъ IV [3]) до 975 года, изложено культурное состояніе этой обители въ IX — X вѣкахъ. Здѣсь воспитывались моло-

---

[1]) A. Koberstein. Geschichte der Deutschen Nationalliteratur. Leipzig. 1872, стр. 42.

R. Kögel. Gesch. d. Deutsch. Litt., т. I, 1, стр. 277.

[2]) Я пользовался слѣд. изданіями текста лат. поэмы:

Edélestand du Méril. Poésies populaires latines antérieures au donziéme siécle. Paris. 1843, p. 313—377.

L. G. Provana. Waltharius... ex red. cod. r. b. Bruxellensis.

Aug. Taurinorum 1848 (in Monumenta Historiae Patriae Scriptorum. T. III).

San-Marte. Walther von Aquitanien. Magdeb. 1853.

R. Peiper. Ekkehardi Primi Waltharius. Berolini. 1873.

Scheffel und Holder. Waltharius latein. Gedicht des X Jahrh. Stuttgart. 1874.

Althof. Walthariі Poesis. Leipzig. 1899.

Указанія на литературу см.: Wegweiser zur Deutsch. Litteraturgeschichte. I Theil, стр. 38—40. v. Dr. Phil. I. Fath. Würzburg. 1899.

Тамъ-же списокъ переводовъ на нѣм. яз. за исключеніемъ Winterfeld'a 1900 г.

[3]) Онъ былъ историкомъ добраго стараго времени и любителемъ латинскихъ школьныхъ стиховъ (умеръ около 1060 года); онъ взялъ на себя продолженіе монастырской исторіи (довед. Ратпертомъ до 883 года). Національный юморъ и культурно-историческое описаніе отличаютъ его Casus S-ti Galli. Его преданія очень богаты во время возникновенія Waltharius'a. Старые монахи много ему разсказывали о современныхъ имъ событіяхъ. Онъ самъ говоритъ, что излагаетъ событія—ut a senibus, qui tunc aderunt, audivimus.

Учитель Эккегарда IV—Ноткеръ Labeo былъ племянникомъ и ученикомъ Эккегарда I-го, о которомъ онъ разсказываетъ въ „Casus'ѣ".

http://rcin.org.pl

ные люди, которые готовились не только къ духовной, но и свѣтской карьерѣ. Одинъ изъ учителей монаховъ школы при сен-галл. монастырѣ былъ Геральдъ, имя котораго стоитъ въ прологѣ „Вальтаріуса“ въ трехъ рукописяхъ. Въ заголовкѣ пролога есть надпись: „Poesis Geraldi de Gwaltario“. Затѣмъ слѣдуетъ посвященіе этой поэмы епископу Эрхамбальду (Erchambaldus, Ercamboldus, Erchenbaldus). Въ посвященіи есть слова:

„Praesul sancte Dei nunc accipe munera servi,
Quae tibi decrevit de larga promere cura
Peccator fragilis Geraldus nomine vilis“.

Такая надпись могла дать поводъ считать Геральда авторомъ поэмы.

Но, между тѣмъ, въ 9-й главѣ „Casus'a, Эккегардъ IV говоритъ, что Эккегардъ I-й [1]) „scripsit et in scholis metrice magistro vacillanter quidem, quia in affectione, non in habitu erat puer, vitam Waltharii manu fortis, quam Magontiae positi Aribone archiepiscopo iubente pro posse et nosse nostro correximus“. Къ этому можно прибавить свидѣтельство Anonimi Melliciensis de scriptoribus ecclesiasticis c. 70 (ed. Fabricius. Hamb. 1853 pag. 153): Ekkegardus monachus monasterii Sancti Galli, acuti satis ingenii gesta Waltharii metro conscripsit heroico...“ [2]).

Хотя здѣсь не указывается, какой именно Эккегардъ написалъ gesta Waltharii, но мѣсто это вполнѣ удобно сопоставить съ приведеннымъ свидѣтельствомъ „Casus'a“.

Изъ изложенныхъ свидѣтельствъ ясно, что и Геральдъ, и Эккегардъ I-й, и Эккегардъ IV имѣли какія-то отношенія къ сложенію „Waltharius'a“.

Изъ словъ Эккегарда IV-го, что Эккегардъ I-й написалъ metrice magistro жизнь Вальтари, очевидно, что послѣдній былъ ученикомъ сен-галленской школы и, согласно правиламъ обученія того времени, исполнялъ работы по версификаціи на заданныя учителемъ темы. Многіе изслѣдователи [3]) заключаютъ, что такимъ учи-

---

[1]) Въ 957 г. онъ былъ деканомъ монастыря. Умеръ 14 января 973 г. Въ отличіе отъ другихъ Эккегардовъ онъ называется „Деканомъ“ или „Старшимъ“ (Deutsche Nationallit. 317 ff.; Schef. и Hold., стр. 12 ff.; Kögel. Gesch. d. Deutsche Litt. B. 1, стр. 241).

[2]) Peiper. LIV—LV.

[3]) Напр., Scheffel (Scheffel u. Holder. „Waltharius. lat. Gedicht d. X Jahrhunderts“. Stuttgart. 1874, стр. 107—8); Kögel (Gesch. d. Deutsch. Litt. Th I. B. 1, стр. 227); Meyer v. Knonau S. 286; Learned („The Saga of Walther of Aquitaine“. 1892, стр. 180) и др.

http://rcin.org.pl

телемъ Эккегарда I былъ Геральдъ, нѣсколько старшій его современникъ—ab adolscentia usque ad senilem vitae finem semper scholarum magister (Casus cap. 74). (Mon. Germ. II. 114) [1]). Насколько мало основательно это мнѣніе, можно видѣть уже изъ того, что, во 1-хъ: годы рожденія и смерти Геральда неизвѣстны и во 2-хъ: онъ былъ преемникомъ въ учительствѣ Эккегарда I-го, а слѣдовательно, не могъ быть его учителемъ (Peiper „Ekkegardi Primi Waltharius" LXVII; Athof W—ii Poesis, стр. 30; San-Marte; Koberstein стр. 49; Gerwinus, 88). Болѣе вѣроятно, что Геральдъ былъ соученикомъ Эккегарда I-го; все участіе перваго въ „Walthariusѣ" ограничивается лишь прибавленіемъ пролога и, быть можетъ, кое-какими, весьма незначительными, поправками. Althof („W—ii Poesis" стр. 22—23) утверждаетъ не безъ основанія, что Геральдъ вовсе не касался текста, но отправилъ его съ прологомъ Эрхенбальду. Мнѣніе это надо принять лишь съ тѣмъ ограниченіемъ, что Геральдъ, считавшій себя спеціалистомъ въ версификаціи и языкѣ, какъ опытный учитель, не могъ выпустить въ свѣтъ произведеніе юныхъ лѣтъ своего сотоварища не въ томъ видѣ, какой онъ считалъ наиболѣе совершеннымъ, т. е. по своему „posse et nosse", какъ это сдѣлалъ позже Эккегардъ IV-й. Эккегардъ I еще въ юности обнаружилъ дарованія и поэтическій талантъ, занимаясь историческимъ, мірскимъ и религіознымъ матеріаломъ: его біографъ, авторъ Casus'а, упоми-

[1]) О жизни Геральда сообщаетъ „Casus S-ti Galli": онъ былъ сотоварищемъ по монастырю Эккегарда I-го. Будучи субдіакономъ, онъ учительствовалъ и стяжалъ себѣ славу опытнаго національнаго проповѣдника. Затѣмъ онъ достигъ должности настоятеля церкви св. Отмара (Mon. Germ. II. 136). Вмѣстѣ съ Эккегардомъ I, своимъ другомъ, онъ былъ вовлеченъ въ большія непріятности, виной которыхъ былъ аббатъ Кралогъ: послѣдній вѣроломно ослѣпилъ учителя монаст. школы монаха Виктора, друга Геральда и Эккегарда I-го. Двоюродный братъ несчастнаго Виктора, страсбургскій епископъ Эрхенбальдъ, выписалъ его къ себѣ въ качествѣ учителя школы „et urbem suam doctrinis ejus floridam fecit". Этотъ Эрхенбальдъ (род. ок. 937 г. въ г. Страсбургѣ) уже 27 лѣтъ былъ епископомъ,—человѣкъ преданный королю и церкви, не лишенный поэтическаго дарованія и съ любовью занимавшійся собираніемъ книгъ. При Оттонѣ III онъ былъ назначенъ какъ „episcopus comes" Страсбурга. Онъ умеръ 11 окт. 991 года на 54 г. жизни (Necrol. ecclesiast. Argent. fol. 12).

Scheffel весьма правдоподобно дѣлаетъ выводъ изъ отношеній Виктора къ Геральду и Эккегарду I-му, именно, что покровитель Виктора Эрхенбальдъ, еписк. страсб., могъ знать и читать ихъ работы и, быть можетъ, по совѣту Виктора, испросилъ себѣ списокъ „Walthariusʼa", который ему прислалъ Геральдъ, присоединивъ свое посвященіе: Эккегардъ I, какъ деканъ монастыря, былъ очень занятъ его дѣлами или, если просьба относилась ко времени послѣ 973 года, не былъ уже въ живыхъ (Scheffel und Holder, стр. 131—132).

http://rcin.org.pl

наетъ его секвенцы, антифоны и о томъ, что юношеской его работой былъ „Waltharius“. Имя Геральда въ прологѣ, на ряду съ упомянутымъ указаніемъ Эккегарда IV въ Casus'ѣ, поставило изслѣдователей въ затрудненіе, какъ напр., Я. Гримма. Невѣроятно, однако, чтобы Геральдъ, извѣстный за человѣка справедливаго, выдавалъ чужое произведеніе за свое. (Schef. и Hold. стр. 134). Наконецъ, слова посвященія вовсе не даютъ повода заподозрить Геральда въ такихъ притязаніяхъ: надпись „Poesis Geraldi de Gualtario“ (въ брюсельск. рукоп.) не относится къ цѣлому произведенію, но лишь къ прологу, такъ какъ за нимъ въ нѣкоторыхъ рукописяхъ стоитъ новое заглавіе: „Versus de Uualtario (Парижск. XI в.) или „Liber Waltarij“ (Трирск. XVI в.).

Принявъ мнѣніе Гримма, что посвященіе Геральда относилось къ страсбургскому епископу Эрхенбальду [1]), (965—991) Шеффель отвергаетъ утвержденіе Peiper'а (pag. LXII), будто слова Геральда въ прологѣ „pontificem summum“ могутъ относиться лишь къ архіепископу; поэтому де и посвященіе относится къ Эрхенбальду, архіепискому Майцкому (1011—1020). Я полагаю, что въ данномъ случаѣ слово „summus“ не опредѣляетъ „summum pontificem“ терминологически, какъ архіепископа, но служитъ лишь epitheton ornans. При такомъ предположеніи вовсе нѣтъ надобности въ поправкѣ Пейпера. Мой взглядъ поддерживаетъ еще одно выраженіе пролога, относящееся къ тому же Эрхенбальду—„sanctus sacerdos“, которое по Пейперу должно было-бы обозначать пресвитера, если только быть послѣдовательнымъ. Очевидно эти выраженія „summus pontifex“ и „sanctus sacerdos“ употребляются Геральдомъ для украшенія обращенія, чтобы избѣжать слова „episcopus“, которое было-бы слишкомъ обычнымъ, прозаическимъ.

Сан-Марте и Коберштейнъ (стр. 99) предполагаютъ, что между современникомъ Геральда Эккегардомъ I-мъ и Эрхенбальдомъ Страсбургскимъ были извѣстныя связи. При этомъ названные ученые, съ которыми соглашается и Пейперъ [2]), утверждаютъ, что прологъ не могъ принадлежать автору поэмы въ виду различія языка этихъ частей; соображеніе это подтверждается еще тѣмъ обстоятельствомъ, что въ прологѣ (ст. 20) говорится о преклонномъ возрастѣ автора, тогда какъ въ концѣ онъ сравнивается съ молодой цикадой, еще не покинувшей гнѣзда.—Изслѣдователи также согласны и въ томъ,

---

[1]) См. также у Kögel'я: Gesch. d. Deutsch. Litt. I, 277 и Pauls Grundriss. II. B. I, стр. 82. Kögel und Brückner.

[2]) Peiper LVI; Althof: „Waltharii poesis“, стр. 30.

http://rcin.org.pl

что Эккегардъ IV исправилъ работу Эккегарда I-го по порученію майнцкаго архіепископа Арибо. Согласіе это основано на несомнѣнномъ свидѣтельствѣ Эккегарда IV въ Casus'ѣ. Однако, мы не имѣемъ достаточно данныхъ утверждать, носитъ-ли слѣды корректуры Эккегарда IV сохранившійся у насъ текстъ, такъ какъ тѣ-же слова и выраженія (за немногими исключеніями) находимъ и въ текстахъ съ именемъ Геральда (парижск., брюссельск. и трирская рукописи), о которыхъ можно разсуждать съ большей увѣренностью, какъ думаетъ Peiper[1]; именно, онъ утверждаетъ, что нѣкоторые кодексы безъ пролога (карлсруевскій и штутгартск.) сохранились въ видѣ, какой приняли послѣ передѣлки Эккегарда IV[2]). Peiper полагаетъ, что Геральдъ (очевидно, какой то другой, не современникъ и учитель Эккегарда I-го, но одинъ изъ многихъ священниковъ того-же имени[3]), послалъ „Вальтарія" съ посвященіемъ майнцкому архіеп. Эрхенбальду уже послѣ того, какъ Эккегардъ IV редактировалъ его для Арибо. Основаніе для такого взгляда Peiper видитъ въ томъ, что Эккегардъ IV не упоминаетъ объ исправленіи Геральдомъ текста поэмы, что непремѣнно сдѣлалъ-бы, если-бы зналъ объ этомъ[4]). Не знать-же онъ не могъ, такъ какъ столь извѣстная поэма Эккегарда I-го съ замѣтками Геральда (если таковыя были) должна была сохраниться въ библіотекѣ сен-галленской обители. Мнѣніе Пейпера въ данномъ случаѣ я рѣшительно отвергаю, въ виду того, что связь между Геральдомъ (соврем. Эккегарда I) и страсбургскимъ епископомъ Эрхенбальдомъ выяснена вполнѣ достаточно, благодаря отношеніямъ ихъ обоихъ къ монаху Сен-галлен Виктору, ослѣпленному Кралогомъ. Поэтому вовсе нѣтъ надобности вмѣстѣ съ Пейперомъ предполагать, будто до редактированія Эккегарда IV-го, „Waltharius" никѣмъ не былъ исправленъ. Молчаніе-же о предшествовавшемъ пересмотрѣ Геральда можетъ быть объяснено тѣмъ, что послѣдній послалъ поэму въ Страсбургъ, снабдивъ ее посвященіемъ и сдѣлавъ по своему усмотрѣнію кое-какія измѣненія, которыя, какъ выше сказано, были настолько незначительны, что Эккегардъ IV не считалъ нужнымъ объ этомъ упоминать.

---

[1]) стр. LX.

[2]) стр. LXII.

[3]) Въ послѣднее время тщательный пересмотръ рукописей „Waltharius'a" Althof'омъ даетъ ему поводъ положить въ основаніе брюссельскій текстъ Althof Waltharii poesis. стр. 33—41.

[4]) Peiper LXI.

http://rcin.org.pl

Указывая на трудность задачи сдѣлать германца хорошимъ латинистомъ, (Casus cap. 9), Эккегардъ лично былъ не всегда свободенъ отъ германизмовъ. Причины этого состоятъ въ томъ, что латинскій языкъ того времени вообще не отличался правильностью [1]). Свидѣтельство Эккегарда IV [2]) обвиняетъ въ этомъ, какъ указано, плохихъ учителей и неспособность нѣмца къ латыни. Подъ способомъ исправленія Эккегарда IV-го, его „posse et nosse“ (см. Casus 9), Шеффель вмѣстѣ съ Dümmler'омъ (Haupts Zeitschr. NF. II. 3—1—78) понимаетъ высокопарность слога и замѣну обычныхъ словъ рѣдкими, какъ онъ самъ пишетъ объ этомъ брату Иммо. (Sch. и Hold. 128).

Вообще вопросъ о степени участія въ исправленіи текста Эккегарда IV еще открытъ. Такъ Heinzel („Walthersage“) полагаетъ, что мы имѣемъ его обработку, а W. Meier (стр. 385) и Dümmler (Ekk. IV v. St. Gall. Zs. стр. 4) справедливо считаютъ это недоказаннымъ и готовы видѣть, главнымъ образомъ, лишь руку Эккегарда I-го. Что касается лат. языка, которымъ написана поэма, то онъ не отличается правильностью, хотя, очевидно, что авторъ хорошо былъ знакомъ съ латинскими классиками и отдавалъ большое предпочтеніе Вергилію, у котораго онъ заимствуетъ цѣлыя строки и очень часто отдѣльныя выраженія.

Пейперъ, тщательно составившій списокъ мѣстъ въ нашей поэмѣ, гдѣ встрѣчаются заимствованія у Вергилія и другихъ лат. авторовъ [3]), признаетъ неудовлетворительнымъ мнѣніе Сан-Марте (стр. 6) и Гейдера (149) относительно того, что вергиліанскія заимствованія принадлежатъ Эккегарду IV, а не I-му. Я, становясь на сторону Пейпера, полагаю, что, хотя извѣстенъ фактъ пользованія Эккегардомъ IV въ нѣкоторыхъ его произведеніяхъ Вергиліемъ [4]),

---

[1]) Dümmler. „Ekkegard IV v. St. Gall“. Zs. 14. 4. доказываетъ, что стиль его гораздо хуже, чѣмъ въ „Waltharius'ѣ“, почему и нѣтъ основаній все хорошее въ стихотвореніи приписывать на его счетъ.

[2]) „Casus“ гл. 9: ... barbaries enim et idiomata eius (т. е. Эккегарда I-го) Teutonem adhuc affectantem repente latinum fieri non patiuntur. Unde male docere solent discipulos semimagistri dicentes: „Videte quomodo disertissime coram Teutone aliquo proloqui debeat, et eadem serie in latinum verba vertite“ (Mon. Germ. II. 117.

[3]) См. его Index locorum vergilianorum, additis paucis aliorum poetarum versibus, pagg. 81—98.

[4]) Peiper pag. LX (прим.). Эккегардъ IV даже въ Casus'ѣ употребляетъ вергиліанскія выраженія: experto credite 120.2. 129.8 (Walth. 529),—fusi per herbas (G. II, 527); vino et somno indulgent (A. IX, 165); 106, 45,—somno vinoque sepultus (A. II, 265; Walth. 358) 110, 25 и 145, 98,—fama volans (Walth. 17) 121, 23 (A. I, 26, 113, 9. A. II. 407; 116, 17. A. IV. 469: 135, 17 etc.

http://rcin.org.pl

тѣмъ не менѣе, отсюда нельзя вывести заключенія, будто это заимствованіе было недоступно юношѣ Эккегарду I-му: изучая старательно классическихъ авторовъ и преклоняясь по обычаю времени предъ Вергиліемъ, юношѣ было очень естественно стараться блеснуть своей начитанностью при исполненіи школьной работы.

Очень удачно толкованіе Strecker'a (Bemerkungen zum Waltharius" стр. 19 Dortmund 1899) относительно находимыхъ въ разныхъ рукописяхъ цитатъ изъ Вергилія, которыя въ отдѣльныхъ текстахъ представляютъ разночтенія, именно: писцы-монахи, зная прекрасно Вергилія, какъ самъ авторъ, встрѣчая въ поэмѣ стихъ или выраженіе, заимствованное изъ Вергилія, у котораго подобное мѣсто встрѣчается въ разныхъ варіантахъ, м. б. даже невольно, вспоминали эти параллели или какъ разъ не ту, которою воспользовался Эккегардъ. Это могло случаться очень часто, и, такимъ образомъ, уже окончательно нельзя выдѣлить руку Геральда и Эккегарда IV-го. Я нахожу умѣстнымъ привести по Нейперу нѣсколько слишкомъ очевидныхъ заимствованій Эккегарда I-го въ его „Вальтаріи" изъ Виргилія, хотя должно признать, что Нейперъ иногда случайное совпаденіе выраженія поэмы, съ какимъ-либо у Вергилія, принимаетъ за заимствованіе. Къ этимъ совпаденіямъ слѣдуетъ отнести, напр., въ 66 стихѣ—Attollens oculos—сопоставленіе съ A. IIII. 688: oculos... attollere.

vociferatur—II. 679: talia vociferans.

57: compellat съ I 581: II. 280.

63. qui foedera firment—XII. 212: firmabant foedera.

84: trepidare favore—II. 685: Nos pavidi trepidare metu.

120: fugam molitur - II. 108: fugam... moliri etc.

Съ другой стороны, безъ сомнѣнія, многія выраженія и даже цѣлыя строки вставлены въ поэму цѣликомъ изъ Вергилія и другихъ классич. и средневѣк. авторовъ. Напр.

W. 45: quadrupedum cursu tellus concussa qemubat—A. III. 542, X 892.

123: reqia coujunx—II. 783.

211: sequitur quos cetera pubes—V. 74.

222: cui post amplexus et oscula dulcia dicit—I 787 cum dabit amplexus et oscula dulcia figit.

304: Postquam epulis absumpta quies mensaeque remotae—I. 46: postquam exempta fames epulis mensaeque remotae.

328: Stat sonipes ac frena ferox spumantia mandit—IIII 135.

390. Nec placidam membris dat cura quietem—III—5.

517: Numquam hodie effugiet—III 49: Numqam hodie effugies.

http://rcin.org.pl

529: experto credite, quantus in clipeum surgat, quanta vi torqueat hastam—XI. 283 experto credite, quantus in clipeum adsurgat, quo turbine torqueat hastam.

728—729 изъ V. 496—497 etc.

Strecker („Bemerk. z. W-s“ 21) еще увеличиваетъ этотъ списокъ и пытается доказать, что многія мѣста въ „Waltharius'ѣ“, считавшіяся изслѣдователями указаніями на тѣ или другія картины или факты германской старины, должны потерять это специальное значеніе, такъ какъ выраженія въ поэмѣ, дававшія поводъ для подобныхъ толкованій просто объясняются заимствованіемъ изъ Вергилія. Такая точка зрѣнія можетъ, конечно, устранить нѣкоторыя заблужденія [1]), родившіяся на почвѣ пристрастія къ отыскиванію національныхъ реминисценцій, но едва-ли можетъ считаться исключительно правильной: авторъ, въ своемъ вольномъ переводѣ нѣмецкаго оригинала (хотя-бы дошедшемъ до него въ прозаической формѣ на лат. яз., какъ полагаетъ Kögel), въ виду очевидной любви къ Вергилію, могъ считать достоинствомъ передать извѣстныя мѣста оригинала подходящей по содержанію строфой, выдернутой изъ Вергилія, если не буквально, то передѣлавъ такъ, что сохранились отдѣльныя слова въ прежней разстановкѣ. Такой пріемъ въ значительной мѣрѣ облегчалъ подборъ словъ, требуемыхъ метромъ и не мудрено, если Эккегардъ, въ силу того-же тяготѣнія къ Вергилію, надѣляетъ своихъ героевъ римскимъ вооруженіемъ и дѣлаетъ набѣги въ область классической старины, упоминая о Пандарѣ, тартарѣ, паркахъ etc.

Все это, однако, не даетъ права говорить о заимствованіи цѣлыхъ мотивовъ, какъ это дѣлаетъ Strecker (Bem. z. W.) [2]), такъ какъ встрѣчающіяся на каждомъ шагу черты германской древности доказываютъ, что поэтъ лишь испестрилъ свою поэму вергиліанскими лоскутами, черпая изрѣдка и у другихъ поэтовъ, находя даже въ библіи орнаменты годные для его поэмы.

Напр., W.v. 19: сравненіе числа войскъ Аттилы съ морскимъ пескомъ и звѣздами. Срв. Genes. XXII. 17. Во всякомъ случаѣ ясно, что это не можетъ служить въ ущербъ самобытности содержанія. Авторъ пользуется также и своимъ знаніемъ Овидія, Боэція, Пру-

---

[1]) Напр., толкованіе ст. 1000—3, гдѣ герой уподобляется дубу, простирающему вершину до облаковъ, а корни далеко вглубь земли: Klemm и др. видѣли здѣсь дерево герм. миѳол. Игдразиль (Эдда) и т. п. (ср. Klemm. Attila nach der Geschiche, Sage und Legende. Leipzig. 1827).

[2]) Срв. Kögel und Brückner in Pauls Grundriss. II. B. 1901, стр. 86.

http://rcin.org.pl

денція, Павла Діакона и др. Эккегардъ I и въ болѣе зрѣлые годы любилъ черпать изъ Вергилія, какъ это видно изъ его Sequentia de Constantino [1]).

Обращаясь къ содержанію поэмы Эккегарда I-го „Waltharius manu fortis", мы видимъ образчикъ нѣмецкой героической саги изъ цикла Аттиллы и вормскихъ королей, превращенной подъ перомъ духовнаго лица въ поэму, не лишенную мѣстами христіанской окраски. Не смотря, однако, на латинскій гекзаметръ, не смотря на ученность автора-монаха, его благочестивое настроеніе, сообщаемое и дѣйствующимъ лицамъ поэмы, „Waltharius"—почти единственный представитель средней переходной формы между былиной, въ родѣ пѣсни о Гильдебрантѣ и литературно-обработанной поэмой, въ родѣ „Нибелунговъ" [2]). Истинно-германскій героизмъ, свирѣпые воинскіе нравы, языческіе отголоски и многое другое въ подобномъ родѣ дало поводъ раннему издателю [3]) „Waltharius'a" считать поэму болѣе древней, чѣмъ она есть на самомъ дѣлѣ. Удивительная эпическая сила и духъ героической пѣсни проходятъ сквозь тяжелую латынь нашей поэмы [4]). Даже въ описаніяхъ поединковъ, рядъ которыхъ, казалось, могъ-бы утомить читателя, все полно жизни, новизны и красокъ. Дѣйствующія лица поэмы, извѣстныя очень хорошо героической сагѣ, выведены съ опредѣленными чертами характеровъ, соотвѣтственно духу времени, и разсказъ ведется свободный отъ чудесъ, волшебства, шапокъ невидимокъ, чудовищъ, великановъ и всякихъ сказочныхъ прикрасъ, какими наполнены прочія саги искусственнаго эпоса.

Аттила, король гунновъ, задумалъ походъ на западъ; прежде всего ведетъ онъ свое безчисленное войско въ землю франковъ, которыми правилъ король Гибихъ. Не надѣясь силой отразить враговъ, онъ рѣшаетъ заплатить гуннамъ дань и, вмѣсто своего малолѣтняго сына, отдать въ заложники знатнаго юношу Гагена.

Бургундскій король Геррикъ, къ границамъ котораго подошелъ Аттила, выдалъ ему свою дочь Гильдегунду. Альфере, король Аквитаніи, отдаетъ своего сына Вальтари (1—95). При дворѣ Ат-

---

[1]) Morel. Lat. Hymnen. n 389 v. 15. ardenter optato fruitur inconvulso bravio A. III. 619: optata luce fruatur. W. 512 optata fruitur requiete etc.

[2]) Вс. ист. литер., подъ ред. Корша. II, 169 (Кирпичниковъ).

[3]) Fr. Christ. Fischer. „De prima expeditione Attilae, regis Hunorum in Gallis ac de rebus gestis Waltharii, Aquitanorum principis, carmen epicum saeculo VI in lucem productum". Lips. 1780.

[4]) Gervinus. 89—90. Geschichte der Deutschen Dichtung. Leipzig. 1853.

http://rcin.org.pl

тилы юные заложники воспитывались, какъ его собственные дѣти, отличаясь успѣхами въ ратныхъ дѣлахъ и наукахъ. Гильдегунда-же до того понравилась царицѣ, что ей она поручила наблюденіе за сокровищницей. Когда умеръ Гибихъ и сынъ его Гунтеръ вступилъ на престолъ, Гагенъ бѣжалъ на родину (128). Супруга Аттилѣ Оспиринъ, боясь, чтобы и Вальтери не послѣдовалъ его примѣру, совѣтуетъ мужу женить его на знатной гункѣ. Вальтари отказывается, говоря, что семейныя дѣла будутъ отвлекать его отъ службы. Однажды, вернувшись увѣнчанный лаврами изъ похода гунновъ, Вальтари предлагаетъ Гильдегундѣ бѣжать съ нимъ на родину: оба они знали, что съ дѣтства были обручены ихъ родителями. Разсѣявъ подозрѣнія дѣвы, принявшей его слова за насмѣшку, Вальтари открываетъ ей планъ бѣгства. Онъ велитъ ей похитить изъ сокровищницы гунновъ два ящика съ золотыми запястьями, приготовить 4 пары башмаковъ въ дорогу, вооруженіе, провизію и рыболовную снасть: черезъ 7 дней онъ устроитъ пиръ и, когда гунны перепьются, убѣжитъ вмѣстѣ съ нею (286). Такъ все и случилось, какъ желалъ Вальтари. Нагрузивъ на боевого коня взятыя сокровища, витязь даетъ поводья въ руки Гильдегундѣ, а самъ въ полномъ вооруженіи идетъ, готовый къ бою. Двигаются они по ночамъ, а днемъ скрываются въ лѣсахъ, опасаясь погони (358). На утро, поздно проснувшись, Аттила зоветъ Вальтари, но нигдѣ не могли найти его. Въ то же время, Оспиринъ, подождавши Гильдегунду, которая должна была по обыкновенію принести платье, догадалась о бѣгствѣ ея съ Вальтари. Аттила въ большомъ волненіи. Тѣмъ временемъ бѣглецы уходятъ впередъ (400). На слѣдующее утро Атитла догадался послать погоню за бѣглецами, но никто не посмѣлъ выступить противъ Вальтари, зная его ловкость и силу. Между тѣмъ бѣглецы, подвигаясь впередъ непроходимыми путями, на 40-ый день достигли Рейна близъ Вормса. За перевозъ Вальтари заплатилъ рыбой, пойманной въ другой рѣкѣ. Эта рыба попала на столъ Гунтера, который, допрашивая перевозчика, понялъ изъ словъ Гагена, что это идетъ Вальтари съ Гильдегундой. Гунтеръ рѣшаетъ, что сокровища, которыя они везутъ, должны принадлежать ему. Не смотря на увѣщанія Гагена, онъ ѣдетъ въ погоню съ 12 дружинниками, приказавъ и Гагену (въ томъ числѣ) слѣдовать за ними (488). Придя къ Вогезамъ, Вальтари здѣсь нашелъ пещеру съ узкимъ проходомъ, гдѣ удобно было переночевать и отдохнуть. Витязь ложится на землю, положивъ голову на колѣни Гильдегунды, поручая ей сторожить и разбудить его въ случаѣ приближенія враговъ (512). Увидя облако

http://rcin.org.pl

пыли вдали, Гильдегунда разбудила Вальтари. Онъ узнаетъ франковъ и между ними—Гагена. Только его онъ опасается изъ этой дружины. Начинаются переговоры: Вальтари предлагаетъ, какъ выкупъ дороги, 100 золотыхъ запястьевъ, но Гунтеръ требуетъ всѣхъ сокровищъ, коня и дѣвицу. Гагенъ совѣтуетъ согласиться на предложеніе Вальтари, не ожидая ничего добраго отъ предстоящей битвы: онъ видѣлъ зловѣщій сонъ. Гунтеръ смѣется надъ Гагеномъ, называя его трусомъ. Оскорбленный Гагенъ удаляется на сосѣдній холмъ и остается свидѣтелемъ битвы, гибельной для дружины Гунтера (690). Молча смотритъ Гагенъ на избіеніе его товарищей, но, когда 6-мъ вышелъ его племянникъ, онъ сталъ просить его отказаться отъ боя. Все напрасно—и юноша палъ (914). Пало еще три витязя. Тогда Гунтеръ униженно молитъ Гагена спасти его честь и отмстить за убитыхъ. Чувство долга оказывается сильнѣе чувства вѣрности дружбѣ, и Гагенъ рѣшаетъ напасть на слѣдующій день изъ засады на Вальтари, когда онъ покинетъ свой укрѣпленный лагерь (1129). Вальтари на утро выступаетъ въ дальнѣйшій путь, захвативъ 8 лошадей убитыхъ враговъ и навьючивъ ихъ снятымъ съ послѣднихъ оружіемъ. На путниковъ вновь нападаютъ Гунтеръ и Гагенъ. Происходитъ неравный бой двухъ противъ одного. Сильнымъ ударомъ меча Вальтари отрубилъ ногу Гунтеру (1308) и бросился на Гагена, но мечъ его сломался о шлемъ витязя. Этотъ, улучивъ удобный моментъ, отрубилъ ему правую руку. Лѣвою тогда хватаетъ Вальтари гуннскую саблю, висѣвшую у него на боку и лишаетъ Гагена глаза и челюсти съ 6 зубами (1395). Сраженіе прекратилось. Гильдегунда вышла изъ лѣса, гдѣ скрывалась во время битвы, и перевязала раны героямъ. Вальтари велитъ ей дать вина. Недавніе враги обмѣниваются шутками, подсмѣиваясь надъ ранами другъ друга. Затѣмъ всѣ разъѣзжаются—франки въ Вормсъ, а Вальтари съ подругой на родину (1446).

Принятый съ почестями, Вальтари женился на Гильдегундѣ и 30 лѣтъ правилъ своимъ государствомъ. Войны его и побѣды отказывается описывать „притупленный стиль“ автора поэмы. Заключается поэма благословеніемъ автора, который призываетъ имя Христа.

---

http://rcin.org.pl

ГЛАВА ВТОРАЯ.

1.

Самый старшій памятникъ нашей саги относится къ IX вѣку. Это найденные въ 1860 году профессоромъ Верлауффомъ два отрывка англо-саксонскаго стихотворенія о Вальдере [1]). Первый издалъ эти отрывки копенгагенскій профессоръ Георгъ Стефенсъ въ томъ же году съ примѣчаніями и другихъ ученыхъ. Эта находка подтвердила мнѣніе относительно существованія пѣсенъ о Вальтари, одна изъ которыхъ служила образцомъ Эккегарду при составленіи его „Вальтарія".

1-ый отрывокъ, состоящій изъ 32 строкъ, содержитъ рѣчь, обращенную къ Вальдере (Valdere) какимъ то лицомъ, въ которой его убѣждаютъ не падать духомъ, такъ какъ настоящій день долженъ принести ему смерть или громкую славу (1—10). Далѣе, это-же лицо говоритъ о храбрости Вальдере, который не только никогда не уклонялся отъ битвы, но, напротивъ, всегда искалъ ее (10—22). Изслѣдователи полагали, что говорящее лицо здѣсь Гильдегунда, но Гейнцель [2]) основательно считаетъ его однимъ изъ соратниковъ Вальтари, который видѣлъ его прежніе подвиги своими глазами въ гунскихъ рядахъ на войнѣ.

Въ 24—25 ст. сказано: Не заботься о мечѣ: у насъ для защиты есть лучшее изъ сокровищъ.

---

[1]) Съ текстомъ англо-сакс. фрагментовъ я ознакомился главнымъ образомъ по изданіямъ: Scheffel и Holder, стр. 170—174.—R. Wülcker. Bibliother der Angelsächsischen Poesie. Kassel, 1883, гдѣ подробно указана литература, стр. 407—410, равно какъ и въ его-же: Grundriss. zur Gesch. der Angelsächs. Litteratur. Zweite Hälfte. Leipzig, 1885, стр. 315—318. Болѣе новыя пособія указаны мною въ подстрочныхъ примѣчаніяхъ. Новѣйшее изд. текста съ 2-мя фотогр. снимками см.: F. Holthausen: Die Altenglischen Waldere-Bruchstücke. Göteborg. 1899.

[2]) Стран. 6.

http://rcin.org.pl

Это выраженіе Гейнцель находитъ весьма непонятнымъ, такъ какъ В. долженъ былъ знать и цѣнить свой мечъ тѣмъ болѣе, что это былъ Мимингъ. Выходъ изъ этого затрудненія Гейнцель находитъ въ предположеніи, что В. лишь передъ предстоящей битвой получилъ Мимингъ, а раньше сражался другимъ оружіемъ.

Быть можетъ онъ лишился меча въ послѣднемъ сраженіи, какъ это находимъ въ Waltharius'ѣ (ст. 1374 сл.), когда мечъ Вальтари сломался о шлемъ Гагена. Гейнцель заключаетъ здѣсь, что такъ говоритъ—воинъ обладатель Миминга, который ссудилъ имъ Вальдере для битвы [1]). Воинъ этотъ—Гагенъ [2]).

Заключается отрывокъ побужденіемъ къ сраженію съ Гунтеромъ.

Такое объясненіе устранило бы противорѣчіе между отважной рѣчью Гильдегунды въ отрывкѣ и робостью ея, которая такъ очевидна въ „Waltharius'ѣ", и оставило бы Гагена вѣрнымъ Вальтари, какъ этотъ ожидалъ (см. W. 1239 и сл.).

Во 2-мъ отрывкѣ (состоящемъ изъ 31 строки) сперва говоритъ Гунтеръ (1—10), который хвалитъ свой мечъ и разсказываетъ его исторію (4—10). Мечъ этотъ былъ знаменитый Мимингъ. Гунтеръ полагаетъ, что онъ у него хорошо сохраняется, на самомъ же дѣлѣ онъ оказывается въ рукахъ у Вальтари.

Этотъ отвѣчаетъ на слова Гунтера, говоря, что онъ ошибся въ разсчетѣ и Гагенъ не побѣдилъ его до сихъ поръ (10—19).—Гейнцель отсюда заключаетъ, что Гагенъ обманулъ ожиданія Гунтера и не только не сражался съ Вальтари, но укралъ для него мечъ у короля. Далѣе, Вальтари указываетъ на свое прекрасное вооруженіе и выражаетъ надежду, что Богъ посылаетъ побѣду тому, кто заслужилъ ее своей отвагой.

---

[1]) Мотивъ о томъ, что одинъ витязь даетъ мечъ другому (именно Мимингъ), находимъ въ Thidreks (с. 47, 221),—Битерольфѣ (9302 и сл.); Гильдебрантъ даетъ мечъ Дитриху. Гейнцель, стр. 7 примѣчаніе.

[2]) Съ Гейнцелемъ соглашается Learned (The Saga of Walter of Aquitaine, Baltimora. 1892, стр. 180), находя, что упоминаніе о прежнихъ битвахъ неумѣстно въ устахъ женщины. Если принять, что это Гагенъ, то рѣчь его къ Вальтари о достоинствахъ Миминга, храбрости Вальтари и умѣніи его владѣть мечемъ, становится вполнѣ понятной. Положеніе изображаетъ такимъ образомъ моментъ, когда Гагенъ отказывается сражаться съ Вальтари и даетъ ему мечъ Миминги, предоставляя ему кончить бой съ Гунтеромъ. R. Wülcker (Grundriss. z Gesch. d. Angelsächs. Litteratur. 2 Hälfte. Leipzig 1885) и Althof („Ueber eing. Stellen im W-s") настаиваютъ на томъ, что говорящее лицо—Гильдегунда (стр. 78); но такая мотивировка создаетъ противорѣчіе между робостью ея въ „W-s'ѣ" и отвагой здѣсь.

http://rcin.org.pl

Разсмотрѣвъ очень тщательно эти отрывки въ порядкѣ, установленномъ Стефенсомъ, Гейнцель приходитъ къ слѣдующимъ выводамъ относительно представленія англо-саксонскаго поэта о Вальдере:

Вальтари приходитъ съ сокровищами въ страну короля Гунтера. Этотъ требуетъ у него всѣхъ сокровищъ, Вальтари предлагаетъ часть ихъ. Начинающееся сраженіе есть заключеніе ряда поединковъ и находится здѣсь въ томъ же положеніи, какъ въ Waltharius'ѣ. Витязь бьется мечемъ съ противниками и въ побѣдоносномъ сраженіи ломаетъ свой мечъ. Тогда Гагенъ, на котораго Гунтеръ возлагаетъ большія надежды, долженъ сражаться съ Вальтари, но онъ этого не дѣлаетъ и даетъ своему старому товарищу прославленный мечъ Мимингъ, украденный имъ у Гунтера [1]). По Гейнцелю все случилось въ одинъ день, когда Вальтари изображенъ усталымъ отъ предшествовавшихъ сраженій [2]).

Открытіе англо-сакс. отрывка въ рукописи IX в. дало поводъ предполагать очень раннее знакомство въ Англіи съ сагой о Вальтаріи. Такъ, Binz [3]) относитъ появленіе саги къ концу VII вѣка въ виду того, что имена главныхъ дѣйствующихъ лицъ были тамъ рано излюблены [4]).

Надо думать, однако, какъ доказалъ Kögel [5]), что англо-сакс. стихотвореніе принадлежало къ большому замкнутому эпосу о Вальтари, причемъ наши фрагменты Valdere—не суть части оригинальнаго англо-сакс. стихотворенія, но переработка верхне-нѣмецк. образца первой $^1/_2$ VIII вѣка [6]). Мы не находимъ болѣе свидѣтельствъ о распространеніи въ Англіи этой саги, тогда какъ сходство въ со-

[1]) Гейнцель 13 стр. Такую-же ситуацію находитъ и Learned, стр. 177 (The s. of W. of Aquit.

[2]) Kögel (Gesch. d. Deutsche Litt., т. I, ч. 2, стр. 323). Онъ названъ headuwerig—утомленъ битвою. Heinzel, ibid.

[3]) Beitrage zur Gesch d. Deutsch. Sprache и Lit. XX, 1895, стр. 219.

[4]) Binz (стр. 219) указываетъ, напр., на имена духовныхъ лицъ: Waldharius, Ualdere и т. п., а изъ женскихъ онъ находитъ лишь два раза: Hildizyd и одинъ разъ: Hildizip. Также встрѣчалось имя: Ælfere. Это пока все, что даетъ поводъ Binz'у надѣяться на открытіе со временемъ англо-сакс. оригинала саги; но вѣдь этого мало, чтобы утверждать о столь раннемъ появленіи и распространеніи ея въ Англіи.

[5]) Rud. Kögel. Gesch. d. Deuts. Lit., т. I, ч. 1, стр. 235—241. Pauls Grundriss. XIV Absch. Heddens. o. Symons, стр. 698 слл.

[6]) Къ этому мнѣнію приходитъ и R. Wülcker въ его „Grundriss zur Gesch. d. Ang-sachs. Litt.“. Leipz. 1885, стр. 317 слл., соглашаясь съ Мюллеромъ и усматривая продолжительную независимость англо-сакс. преданія.

http://rcin.org.pl

держаніи и расположеніи „Valdere“ и лат. „Waltharius'a“,—какъ это указано Kögel'емъ въ его прекрасномъ изслѣдованіи [1]),—даетъ поводъ полагать, что отрывки Valdere—части большóго цѣлаго, остатокъ эпоса о Вальтари, имѣвшаго видъ подобный тому, къ какому пришелъ оригиналъ Эккегарда I-го, пройдя по промежуточнымъ стадіямъ.

Сравнивая англо-саксонскіе отрывки съ „Waltharius'омъ“, Kögel находитъ сходство даже въ характерѣ стиля, отмѣчая, что герои ведутъ длинныя рѣчи, и событія развиваются въ совершенно эпическомъ спокойствіи и широтѣ, тогда какъ, напр., въ пѣснѣ о Гильдебрантѣ изложеніе отличается энергичнымъ ходомъ впередъ и избѣгаетъ замедленій [2]). Такимъ образомъ, соглашаясь съ Kögel'емъ, мы приходимъ къ мысли, что германскій эпосъ о Вальтари VIII вѣка является восточно-германской эпопеей [3]), болѣе старой, тѣмъ „Беовульфъ“ [4]).

Средне-верхне-нѣмецкое стихотвореніе извѣстно во 2-хъ отрывкахъ въ рукописи XIII в.

1-ый, Grazer Fragment, изданъ Вейнгольдомъ (въ Mittheilungen d. hist. Vereins v. Steinmark 1859), затѣмъ Мюлленгофомъ (Zeitschr. 12.280 f.) и Schönbach'омъ (Zeitschr. 25.151). Гейнцель [5]), вновь разсмотрѣвши этотъ отрывокъ, признаетъ слѣдующій порядокъ разсказа:

Гагенъ приходитъ къ Этцелю и королевѣ, предлагая гуннамъ подарки; онъ подслушиваетъ разговоръ между Вальтари и Гильдегундой, въ которомъ она жалуется, что Вальтари ее покинулъ, и что она согласна бѣжать съ нимъ. Гагенъ выходитъ къ нимъ и говоритъ юношѣ съ намеками на содержаніе рѣчи Гильдегунды, что совѣтуетъ имъ сочетаться бракомъ: онъ самъ былъ свидѣтелемъ обрученія ихъ (еще въ дѣтствѣ).—Вальтари огорченъ, что до сихъ поръ этого не зналъ [6]).

---

[1]) Althof (въ „Ueber einige Stellen im W-s und. die ang-säch. Waldere—Fr.“ Weimar. 1899), расходясь съ Kögel'емъ относит. нѣкоторыхъ подробностей, признаетъ также близость общей ситуаціи „Waltharius'a“ и „Valdere“.

[2]) Kögel. Gesch. d. D. Lit. I, 1, стр. 241.

[3]) Ibid.

[4]) Learned (The Saga of. Walther of. Aquit.) видитъ въ Valdere нижне-нѣмецкую (саксонскую) версію популярной формы германской саги,—формы, являющейся въ „Waltharius'ѣ“.

[5]) Стр. 14—15.

[6]) Въ Waltharius'ѣ Вальтари и Гильдегунда объ этомъ знаютъ.

http://rcin.org.pl

2-ой отрывокъ средне-верхне-нѣмецкаго стихотв., т. наз. Вѣнскій, отличается по внѣшности отъ перваго длиною строфъ. Цитируя по изданію Массмана (Haupts Zeitschr. 2. 216 ff.), Гейнцель находитъ здѣсь слѣд. ситуацію:

Вальтари и Гильдегунду сопровождаютъ триста мужей Гунтера уже послѣ того, какъ они прибыли въ Вормсъ и были обезпечены защитой Гунтера; въ мѣстности между Рейномъ и Мецомъ они встрѣчаютъ Фолькера, который съ 60-ью воинами присоединился къ нимъ, чтобы сопровождать до Лангреса. Отсюда (но, вѣрнѣе, изъ Вормса) Вальтари посылаетъ людей къ своему отцу Alker'у возвѣстить о своемъ возвращеніи.

Гейнцель утверждаетъ, что въ содержаніи этого стихотворенія почти невозможно допустить битву съ гуннами въ виду того, что онъ приглашаетъ на свадьбу Аттилу, чего не могло бы быть въ случаѣ похищенія сокровищъ и избіенія гунновъ. Но, такъ какъ въ строфѣ I. 13 сказано, что Вальтари перебилъ много гунновъ, то Гейнцель допускаетъ, что упоминаніе о битвѣ съ гуннами есть интерполяція. Вообще, первоначальный видъ стихотворенія подвергся передѣлкамъ, что видно изъ противорѣчій въ повѣствованіи и географическихъ несообразностей [1]). Въ этомъ мнѣніи Гейнцеля утверждаетъ еще то обстоятельство, что наша запись памятника относится къ XIII вѣку, когда производились сильныя преобразованія древняго матеріала эпоса [2]).

Разобравши содержаніе средне-верхне-нѣмецкаго отрывка, Гейнцель находитъ въ немъ слѣдующія характеристическія черты: Вальтари изъ Лангреса и Гильдегунда, въ качествѣ плѣнныхъ, находятся при гуннскомъ дворѣ. Когда Гагенъ, находящійся тамъ же, готовится къ отъѣзду съ разрѣшенія Этцеля, у Вальтари созрѣваетъ планъ тайно присоединиться къ нему. При этомъ оказывается, что Гильдегунда любитъ Вальтари и изъ разсказа Гагена выясняется, что она обручена съ нимъ еще въ дѣтствѣ; онъ рѣшаетъ взять ее съ собою и жениться на ней. Влюбленная пара бѣжитъ, присоединившись къ Гагену и его свитѣ. Для облегченія бѣгства Гильдегунда опаиваетъ гунновъ. Гейнцель полагаетъ, что битвы по пути съ людьми Этцеля не было [3]), такъ какъ не было повода къ

---

[1]) Для герцогства на востокъ отъ Лотарингіи съ одной стороны и для древняго королевства съ главн. гор. Вормсомъ—съ другой, употреблено названіе—Burgund. Лангресъ-же считается главн. гор. Испаніи.

[2]) Гейнцель, 17—18 стр.

[3]) Heinzel. Walthersage, стр. 27.

http://rcin.org.pl

ней—похищенія сокровищъ. Однако, въ виду указанія на нее въ отрывкѣ (строфы 12—13), онъ допускаетъ, что, если битва и была, это не была борьба одного противъ многихъ, но Гагенъ и его свита принимали въ ней участіе. Во всякомъ случаѣ не было битвы съ Гунтеромъ у Вормса.

Я не могу считать интерполяціей упоминаніе о битвѣ съ гуннами, такъ какъ фактъ ея нисколько не противорѣчитъ содержанію, намѣчаемому Гейнцелемъ. Ученый, однако, выражаетъ предположеніе, которое почему то считаетъ сомнительнымъ, именно, если битва была, то въ ней участвовалъ лишь простой людъ изъ гунновъ. Погоня могла быть вызвана однимъ бѣгствомъ Вальтари даже безъ похищенія сокровищъ; происшедшая битва между гуннской дружиной и Вальтари и избіеніе первой не стоитъ въ противорѣчіи съ дальнѣйшимъ изложеніемъ, гдѣ говорится о приглашеніи витяземъ Аттилы на свадьбу. Примиреніе могло состояться путемъ подарковъ со стороны Вальтари [1]); Аттила же, потерявъ людей, посланныхъ въ погоню за витяземъ, могъ удовлетвориться пеней за нихъ, такъ какъ не лишился никого изъ знатныхъ.

Что битвы съ Гунтеромъ не было, это вытекаетъ изъ покровительства, оказываемаго имъ Вальтари и Гильдегундѣ, а во-вторыхъ,—изъ приглашенія на свадьбу.

Дальнѣйшее изложеніе средне-верхне-нѣмецкаго стихотв. слѣдующее:

До Вормса Гагенъ и его дружина—спутники и защитники влюбленной пары,– отъ Вормса до Лангреса (куда были посланы нѣкоторые изъ людей Гагена въ качествѣ вѣстниковъ о свадьбѣ) ихъ сопровождали люди Гунтера и Фолькеръ со своей дружиной.— Тогда въ Лангресѣ устраивается свадьба, на которую приглашены Гунтеръ и Этцель.—Нѣкоторыя черты содержанія средне-верхне-нѣмецкаго стихотворенія находятъ себѣ соотвѣтствіе въ другихъ сагахъ.

Сюда относится, напр., представленіе о томъ, что Этцель отпускаетъ Гагена въ то время, какъ Вальтари и Гильдегунда бѣгутъ. Такое же положеніе въ пѣснѣ о Нибелунгахъ (1694 изд. Лахмана), но здѣсь же (въ ст. 2281) говорится объ участіи Гагена въ битвѣ

---

[1]) Какъ это находимъ въ др.-сѣв. Тидрексагѣ; такого-же мнѣнія держится и Learned, стр. 183: онъ не считаетъ лишнею 13 строфу фрагмента и видитъ здѣсь ясное указаніе на битву съ гуннами, о которой упомянуто въ Thidreksaga'ѣ: въ приглашеніи этомъ звучитъ отголосокъ примиренія между Аттилой и Эрманрихомъ послѣ битвы (Thidr-s. 244).

http://rcin.org.pl

при Васгенштейнѣ, слѣдовательно изображается положеніе, описываемое въ „Вальтаріусѣ“ и „Вальдере“.

Въ „Waltharius'ѣ“, какъ и въ средне-верхне-нѣмецкомъ стихотв., Гунтеръ знаетъ о намѣреніи Вальтари бѣжать: Вальтари дружески съ нимъ простился (1241 ст.) и надѣялся, что этотъ будетъ сопровождать его отъ Вормса до родины. Кромѣ того, Гагенъ радостно привѣтствуетъ извѣстіе о бѣгствѣ Вальтари.

По средне-верхне-нѣм. отрывку Гагенъ дѣйствительно сопровождаетъ Вальтари до Вормса отъ страны гунновъ.—Подвиги Вальтари на гуннской службѣ извѣстны, кромѣ средне-верхне-нѣмецк. стихотворенія, и Waltharius'у, и Вальдере.—Объ опаиваніи гунновъ, какъ средствѣ, облегчившемъ бѣгство Вальтари и его подругѣ, упоминается въ Waltharius'ѣ, средне-верхне-нѣмецкомъ стихотвореніи и Битерольфѣ. Въ отрывкѣ англо-сакс. стихотв. нѣтъ повода объ этомъ говоритъ, хотя и здѣсь происходитъ бѣгство во время пира, раннимъ утромъ. Послѣднія обстоятельства наводятъ Гейнцеля на мысль [1]), что и здѣсь было опьяненіе.

Эти совпаденія отдѣльныхъ фактовъ саги о Вальтари въ различныхъ памятникахъ ведутъ, конечно, къ одному ихъ общему первоисточнику.

Оба фрагмента представляютъ остатки средне-верхне-нѣмецкаго эпоса о Вальтари и Гильдегундѣ, при чемъ вѣроятно составляютъ часть одной средне-верхне-нѣмецкой поэмы, содержаніе которой возстановлено Гейнцелемъ. (Сюда, однако, надо прибавить эпизодъ битвы Вальтари съ людьми Аттилы, преслѣдовавшими бѣглецовъ). Единственный аргументъ противъ такого мнѣнія—это явное различіе структуры строфъ обоихъ фрагментовъ. Но, по основательному предположенію Learned'а [2]), различіе это не можетъ служить доказательствомъ принадлежности фрагментовъ разнымъ поэмамъ, такъ какъ, если бы у насъ была цѣликомъ вся поэма, то весьма возможно, мы нашли бы въ ней и третью строфическую форму народнаго эпоса.

Въ древне-сѣверной Тидрексагѣ XIII в. встрѣчается разсказъ о Вальтари и Гильдегундѣ въ нѣсколько иномъ видѣ, чѣмъ мы знаемъ его до сихъ поръ. Сраженіе съ преслѣдователями и здѣсь, какъ въ Waltharius'ѣ, главный пунктъ, но мѣсто его и лица другія. Кровное родство Högni съ Гунтеромъ здѣсь не упоминается, равно

[1]) Стр. 21.
[2]) Learned. The Saga of W. of Aquit., стр 183.

http://rcin.org.pl

какъ и Гунтеръ, Вормсъ, бургунды, франки и Аквитанія: въ сѣверной сагѣ Вальтари оказывается племянникомъ туземнаго Ерменриха (Ermenreich, Jörmunrek) и родина его—Италія. Этцель и жена его Гельха или Герка названы ихъ сѣверными и средне-верхненѣмецкими именами, при чемъ Этцель—центръ героическаго цикла; Гагенъ и Вальтари не связаны кровавымъ союзомъ дружбы, а Гильдегунда—дочь ярла Греціи; нѣтъ названія мѣста сраженія.— Вотъ содержаніе этого эпизода Вилькина—саги:

Аттила, король von Susat, послалъ королю Ерменриху von Pulien своего племянника Osid'a съ 12 рыцарями; Ерменрихъ, съ своей стороны, отправляетъ къ нему сына своей сестры Вальтари von Waskastein, которому было 4 года. Черезъ 2 года послѣ его прибытія, туда же пріѣхала Гильдегунда, дочь ярла Иліаса изъ Греціи. Молодые люди очень любили другъ друга, но Аттила объ этомъ не зналъ. Однажды, когда у Аттилы были гости, Вальтари, нѣжно взявъ за руку Гильдегунду, повелъ съ ней тайную бесѣду [1]); онъ предлагаетъ ей бѣжать, спрашивая, какъ долго она еще будетъ служить королевѣ. Она отвѣчаетъ: „Господинъ, не смѣйся надо мной, такъ какъ отъ меня далеко теперь мои родные“ [2]). Вальтари успокаиваетъ ее, указывая на свое и ея родство и знатное происхожденіе. Тогда она признается, что полюбила Вальтари съ перваго взгляда, хотя была очень мала. „Поэтому, я пойду за тобой, куда хочешь“ [3]). Онъ велитъ ей на слѣдующій день на восходѣ быть у воротъ [4]), взявши съ собою столько золота, сколько можно поднять обѣими руками: „ты вѣдь знаешь всѣ сокровища Герки“ [5]). Они тайкомъ убѣгаютъ. Узнавши объ этомъ, когда бѣглецы были уже далеко, король посылаетъ въ погоню 12 мужей [6]), приказывая привезти золото и голову Вальтари [7]). Увидя враговъ, витязь приготовляется къ битвѣ. Гильдегунда говоритъ ему: „Горе! ты одинъ

---

[1]) Подобнымъ образомъ въ Waltharius'ѣ (ст. 226)—virginaeque manum propria constrixit.

[2]) Въ Waltharius'ѣ подобная сцена развивается съ тѣми же подробностями (ст. 237): „Quid lingua simulas, quod ab imo pectore damnas?“

[3]) Vestrum velle meum solis his aestuo rebus.
Praecipitat dominus seu prospera, sive sinistra,
Eius amore pati toto pectore praesto (257 слл.).

[4]) Въ поэмѣ тоже—послѣ пира.

[5]) ... bina mediocria scrinia tolle,
Donec vix unum releves ad pectoris imum (267).

[6]) Срвн. 12 мужей Гунтера въ Walth.

[7]) Waltharius, 403 и слл.

http://rcin.org.pl

идешь противъ 12; скачи назадъ и береги свою жизнь“ [1]. Онъ утѣшаетъ ее, говоря, что много бился на своемъ вѣку и это его не пугаетъ. Сраженіе длится до ночи: убито 11 рыцарей, одинъ Гагенъ спасся бѣгствомъ. Вальтари пошелъ за женой и стали они въ лѣсу жарить спину дикаго кабана, которую съѣли до костей. Между тѣмъ выскакиваетъ Гагенъ съ поднятымъ мечемъ, намѣреваясь убить юношу, но Гильдегунда предупредила его. Тогда Вальтари, вскочивъ, бросилъ въ Гагена хребетъ кабана съ такою силой, что тотъ упалъ на землю съ разорванной щекой и выбитымъ глазомъ [2]. Онъ вскочилъ на коня и ускакалъ въ Susat, гдѣ разсказалъ обо всемъ Аттилѣ. Вальтари съ подругой поѣхалъ на югъ къ Ерменриху, которому изложилъ свои приключенія. При помощи подарковъ Ерменриха Аттила опять вернулъ имъ свое расположеніе.

(Далѣе идетъ разсказъ, какъ В. состязался въ метаніи копья и камней съ Дитлибомъ, пришедшимъ къ Ерменриху, при чемъ былъ побѣжденъ и проигралъ свою голову, которая служила закладомъ. Ерменрихъ его выкупилъ. Позднѣе онъ былъ сдѣланъ намѣстникомъ города убитаго ярла von Rimstein и, наконецъ, сражался на сторонѣ Гибиха противъ Дитриха и былъ убитъ Wildeber'омъ).

Изъ содержанія приведеннаго эпизода Вилькина—саги съ очевидностью слѣдуетъ, что въ поэмѣ Эккегарда обнаруживается знакомство съ сѣверной сагой. Совпаденія могли произойти, благодаря близкому родству послѣдней съ той нѣмецкой пѣснью, которая служила образцомъ Эккегарду. Предположеніе, не черпана ли сѣверная сага изъ нѣмецкой пѣсни, тогда только можетъ быть принято или отвергнуто, когда будетъ рѣшенъ вопросъ, какой изъ двухъ эпизодовъ древнѣе, битва ли съ бургундами, какъ это видимъ въ эккегардовой поэмѣ, или битва съ гуннами, какъ представляетъ сѣверная сага.

При сходствѣ многихъ подробностей обоихъ изложеній, это различіе является самымъ существеннымъ и должно служить опорнымъ пунктомъ при опредѣленіи первоначальнаго вида саги.

---

[1]) Walthar., ст. 552 сл.

[2]) Въ Wath. Гагенъ тоже лишается глаза, но при другой обстановкѣ. Это мѣсто дало поводъ Гримму и Сан-Марте толковать остроту В-ри надъ Гагеномъ (Walth. 1436): „ты будешь избѣгать свиного мяса“ такъ, будто тамъ есть намекъ на этотъ эпизодъ. Гейнцель справедливо считаетъ это объясненіе неправильнымъ: въ Walth. насмѣшка имѣетъ въ виду беззубость Гагена, а не боязнь свиной кости потому, что ею выбитъ глазъ.

http://rcin.org.pl

Въ „Битерольфѣ“, относящемся къ началу XIII в., находятся указанія на содержаніе нашей саги.

Вальтари здѣсь называется королемъ Испаніи, который пришелъ отъ гунновъ (575) и упоминается о бѣгствѣ его съ Гильдегундой, переходѣ черезъ Рейнъ и сраженіи съ витязями (616 и 703). Нельзя выводить изъ этого разсказа, что рѣчь идетъ о битвѣ съ бургундами, такъ какъ Вальтари съ ними въ дружбѣ; но онъ гунновъ ненавидитъ, слѣдовательно авторъ здѣсь подразумѣваетъ сраженіе съ послѣдними. Вальтари разсказываетъ Битерольфу, что онъ унесъ золото Этцеля и бѣжалъ отъ него съ Гильдегундой (4797, 4845, 6275 и др. на ту же тему). Въ стр. 9902 Вальтари обозначается, какъ сынъ Альфере (то же въ 10111), а въ 10492 онъ—мужъ Гильдегунды, которая говоритъ Рюдигеру, мужу Аттилы, что она напоила дружину короля (12632).

Въ „Розенгартенѣ“ Вальтари—одинъ изъ 12 воиновъ Гибиха на турнирѣ въ Вормсѣ; назыв. онъ von dem Wasgenstein. Здѣсь упоминается славная битва его у Рейна.

Въ „Нибелунгахъ“ говорится о событіяхъ, изложенныхъ, главнымъ образомъ, въ Waltharius'ѣ, какъ случившихся раньше, нежели описываемыя здѣсь. Кромѣ того изображены и другія ситуаціи: Этцель говоритъ, что зналъ Гагена и отца его Aldrian'a (который называется у насъ Hagatien), когда этотъ пришелъ къ нему съ бургундами (1693); онъ знаетъ о Вальтерѣ von Spâne, который бѣжалъ отъ него съ Гильдегундой, тогда какъ Гагена онъ отпустилъ (1696). Когда Гильдебрандъ и Гагенъ идутъ въ послѣдній бой, первый напоминаетъ Гагену о битвѣ при Васкаштейнѣ и Вальтари.

Въ Alpharts Tod и Dietrichs Flucht о Вальтари упоминается мало—von Lengez Walther и Hagen der Starche, а въ Schacht von Raben—Walther von Lengesaere, какъ витязь Аттилы и другъ Дитриха.

Lengres и Lengesaere взяты очевидно изъ ср.-верхне-нѣмецкаго стих., гдѣ Lengres—резиденція Альфере, отца Вальтарія. Приведенные примѣры, которыхъ можно подыскать гораздо больше, свидѣтельствуютъ, насколько прочно были закрѣплены въ героической сагѣ извѣстныя намъ изъ эккегардовой поэмы приключенія Вальтари и Гильдегунды, а также и то обстоятельство, что Вальтари былъ весьма популярнымъ героемъ. Сюжетъ поэмы, такимъ образомъ, является не принадлежащимъ Эккегарду, какъ и почти всѣ подробности ея, которыя мы видѣли разбросанными въ различныхъ памятникахъ или собранными въ связные разсказы, какъ напр., въ сѣверной сагѣ. Все это не оставляетъ сомнѣній, что Эк-

http://rcin.org.pl

кегардъ въ своей школьной работѣ былъ занятъ почти исключительно переложеніемъ въ латинскомъ гекзаметрѣ извѣстной нѣмецкой пѣсни о Вальтари, сынѣ аквитанскаго короля, и его приключеніяхъ.

Между всѣми разсмотрѣнными здѣсь памятникахъ саги о Вальтари существуетъ связь по единству темы и по сходству отдѣльныхъ чертъ содержанія, удержавшихся во всѣхъ или нѣкоторыхъ изводахъ саги, не смотря на ихъ видимую разрозненность по мѣсту и времени сложенія и записей. У Гейнцеля (на стр. 60—61 приводится рядъ параллелей [1]), которыя очень наглядно показываютъ сходство мотивовъ въ отдѣльныхъ памятникахъ саги.

Обрученье Вальтари и Гильдегунды въ дѣтствѣ: Walth. 80 сл., 229, ср.-в.-нѣм. ст.; Graz. фр. 1. 2. стр. 1.

Военныя доблести Вальтари въ странѣ гунновъ: W. 160 слл. 568. Waldere 1. 12 сл.л. Thidr. c. 243.

Вальтари и Гагенъ друзья при гунискомъ дворѣ (W. 466 сл. 123 сл.; Waldere 2. 4; ср.-в.-н.; Graz. fr. 1. 2, стр. 1, Nibel. 1735. 2281. Битер. 770.

Гильдегунда присматриваетъ за комнатой Гельхи (Оспиринъ): W. 113. 201.; Thid. c. 242.

Признаніе Гильдегунды въ любви къ Вальтари: W. 248 сл.; Thidr. c. 242. Ср.-в.-нѣм. ст.; Graz. 2. 2. ст. 1.

Она думаетъ, что Вальтари смѣется надъ ней, прося ея руки: W. 235 сл.; Thidr. c. 242.

Вальтари не желаетъ бѣжать безъ нея: W. 254. Ср.-в.-нѣм. ст.; Graz. 1. 2. стр. 2.

Побѣгъ уладился, благодаря опьяненію гунновъ: W. 280 сл.; Thidr. c. 242, 243.; Ср.-в.-нѣм. ст.; Вѣн. фр. 1, стр. 1.; Biter. 12633 ff.

Вальтари и Гильдегунда сами напоили ихъ: W. 280 сл.; Ср.-в. нѣм. ст. Вѣн. фр. 1. стр. 1. Biter. 12633.

Во время бѣгства у Аттилы были похищены драгоцѣнности: W. 263 сл. Thidr. c. 242, 243.

Путешествіе на одной лошади: W. 326 сл. Thidr. c. 243.

Ловля птицъ и рыбы или охота во время путешествія: W. 326 ff., Thidr. c. 244.

Переправа черезъ Рейнъ на пути въ Галлію: Walth., Waldere, ср.-в.-нѣм. ст.

Гильдегунда предостерегаетъ Вальтари о непріятеляхъ: W. 536, 1213; Thidr. c. 243, 244.

---

[1]) У него онѣ приведены по другому поводу.

Ze zbiorów

http://rcin.org.pl

Битва происходитъ, не смотря на неравенство силъ противниковъ: W. 672 сл. Waldere 1. 13. Thidr. c. 243, ср.-в.-нѣм. ст. Вѣп. 1. стр. 13.

Въ борьбѣ съ Вальтари Гагенъ лишается глаза: W. 1393, Thidr. c. 244.

Многія сходныя подробности, по справедливому замѣчанію Гейнцеля (61 стр.), ускользаютъ отъ насъ, благодаря тому, что англо-сакс. и средне-верхне-нѣмецкое стихотворенія намъ извѣстны лишь въ отрывкахъ.

Приведенныхъ здѣсь совпаденій вполнѣ достаточно, чтобы заключить о томъ, что онѣ ведутъ насъ къ одному древнѣйшему источнику,—повѣствованію о бѣгствѣ Вальтари изъ гуннской неволи, увозѣ имъ невѣсты и сраженіи съ преслѣдователями, которыми первоначально были гунны.

2.

Я говорилъ уже о существующемъ предположеніи, что въ основѣ поэмы Эккегарда лежала германская сага, которую онъ перевелъ на латинскій языкъ гекзаметромъ по порученію учителя; при этомъ онъ кое-что прибавилъ отъ себя. Въ латинской обработкѣ Эккегарда эпическая основа германской саги оставила свои глубокіе слѣды, какъ и нѣмецкій ея языкъ, мѣстами сквозящій черезъ гекзаметръ.

Какъ Эккегардъ I-й, такъ и Эккегардъ IV-й, воздержались отъ „охристіанизированія“ „Waltharius'а“, что служитъ доказательствомъ ихъ уваженія къ преданію. Слѣды христіанства въ поэмѣ суть вставки, м. б. непроизвольныя, со стороны переводчика, которыя могутъ быть легко выдѣлены. Я. Гриммъ, говоря о сохранившихся въ обработкѣ Эккегарда чертахъ языческой старины, заключаетъ, что поэтическое произведеніе столь стройнаго, послѣдовательнаго содержанія, не могло быть измышленіемъ какого-либо монаха; оно должно было уже раньше жить, какъ нѣмецкая пѣсня въ народѣ. Прямое указаніе на устный источникъ Гриммъ видитъ въ выраженіяхъ—narrant (ст. 78) referunt (688) и особенно въ послѣднемъ: haec est Waltharii poesis, служащемъ, по его мнѣнію, только переводомъ съ нѣмецкаго: das ist Walthaeries liod. Съ Гриммомъ соглашается и франц. ученый Дюмериль [1]). Шеффель (стр. 115) приво-

---

[1]) Edelst. du Méril. Poésies populaires latines intérieures au douzième siècle. Par. 1843.

http://rcin.org.pl

дитъ цѣлый рядъ выраженій (по Гримму и Гейдеру) въ нашей поэмѣ, которыя могутъ быть поняты только изъ нѣмецкаго языка: Pulcherrima gemma parentum v. 74—das schönste Kleinod der Eltern; vestrum velle meum v. 257—dein Wille ist mein Wille; vix erupit cras v. 402—Kaum brach der morgende Tag an;—laudabilis heros v. 427—der „lobeliche Recke"; quia tali vixi (470)—weil ich solches erlebte; Hunos, inquit, habemus (543)—hier haben wir die Hunnen; mortem gustare v. 870—den Tod kosten; o, paluire vires foliis v. 1351—o, Hagdorn grün im Laube.

Эти и многія другія подобныя выраженія, по мнѣнію названнаго ученаго, не только обнаруживаютъ родной нѣмецкій языкъ автора, но и указываютъ на нѣмецкій оригиналъ, которымъ онъ пользовался въ своей переработкѣ саги въ латинскую поэму. Уландъ [1]) посредствомъ параллелей доказалъ, что весьма многое въ нашемъ стихотвореніи согласуется со стилемъ нѣмецкихъ героическихъ пѣсенъ.

Напр., Вальтари пытается отклонить Гагена отъ сраженія и обѣщаетъ ему: (v. 1263) „rutilo umbonem conplebo metallo";—подоб. образомъ Кримхильда обѣщаетъ (Nibel. v. 2882) „golt das rôte in dën schilden tragen". Или: v. 192 „fulmineos promunt enses clipeosque revolvunt—въ Ortnit'ѣ 1039: „wie balde der Lamparter den schilt zu rucken warf, er nam zu beiden henden sîn liehtes wafen so scharf. 728: Гадавартъ требуетъ у Вальтари щитъ, этотъ ему отвѣчаетъ: (806—809).

Объ остальномъ я молчу, но свой щитъ уберечь позабочусь;
Вѣрь мнѣ, должникъ я его за хорошую, вѣрную службу:
Часто собой онъ меня закрывалъ;—отъ враговъ защищая,
Самъ принималъ тѣ удары, что мнѣ причинили бы раны.

Въ народной пѣснѣ о Гильдебрандѣ почти тѣ же самыя слова сынъ говоритъ отцу: „Dein harnisch und dein grünen schild mustu mir hie auffgeben".

Отецъ отвѣчаетъ: „mein harnisch und mein grüner schild, die thaten mich offt ernehrn, ich traw Christ vom himmel wol, ich wöl mich dein erwern" [2]).

---

[1]) Schriften zur Gesch. deutsch. Sage und Dichtung, I, 1865, s. 430 f.).

[2]) Koberstein (Gesch. d. D Nationallit), стр. 49, полагаетъ, что ближайшимъ источникомъ автора была вѣроятно цѣлая нѣм. пѣсня; особенно высокое основаніе для этого дала находка 2-хъ отр. англо-сакс. стихотворенія.

http://rcin.org.pl

Совершенно германскимъ является упоминаніе о щитахъ и оружіи, ярость Вальтари, съ какою онъ рубитъ голову Рандольфу за отсѣченный послѣднимъ пучокъ волосъ (v. 979 W.). Послѣ окончанія битвы, израненные герои пьютъ вино, обмѣниваясь грубоватыми шутками. Эту заключительную сцену, впрочемъ, Гейнцель (стр. 24) считаетъ не старо-германской, какъ другіе изслѣдователи, но относящейся къ изображенію нравовъ X вѣка. Онъ приводитъ рядъ примѣровъ подобныхъ насмѣшекъ надъ полученными ранами (Biter. и др.). Съ своей стороны, я полагаю, что презрѣніе къ ранамъ черта старо-германская, удержавшаяся въ нравахъ народа и позже.

Во всякомъ случаѣ, можно полагать съ увѣренностью, что, не смотря на отклоненія автора отъ оригинала, для изображенія ли чертъ современной ему дѣйствительности, или для подражанія Вергилію [1]), въ цѣломъ старая германская сага нашла полное свое выраженіе въ Waltharius'ѣ.

Столь очевидныя доказательства существованія нѣмецкой саги, послужившей оригиналомъ для обработки ея въ видѣ поэмы „Waltharius", подали поводъ нѣкоторымъ изслѣдователямъ обвинять Эккегарда, какъ переводчика, въ ошибкахъ и недосмотрахъ. Такъ напр., Гейнцель (на стр. 22) считаетъ недосмотромъ переводчика, что Вальтари и Гильдегунда пришли къ Рейну vespere tum mediante, тогда какъ въ 347 ст. и 419 стихахъ сказано, что они двигались только по ночамъ. Но, не проще ли, думаю я, понимать это мѣсто такимъ образомъ, что путники, приблизясь наканунѣ къ Рейну (пусть ночью), на 40-ый день вечеромъ спѣшили переправиться черезъ рѣку уже по тому одному, что ночью ихъ никто не перевезъ бы. Далѣе Вальтари идетъ ночью до Вогезовъ, гдѣ и остановился. Въ этотъ же день утромъ перевозчикъ отнесъ рыбу Гунтеру и въ теченіе дня онъ съ дружиною прискакалъ къ пещерѣ Вальтари. Все это согласуется съ предшествовавшимъ и послѣдующимъ изложеніемъ.—Другой изслѣдователь саги—Kōgel (стр. 322) считаетъ вставкой Эккегарда сцену (ст. 1157—67) похоронъ враговъ, убитыхъ Вальтари, такъ какъ по старо-германскому обычаю побѣдители возили съ собой головы убитыхъ враговъ, какъ трофеи. Относительно этого мѣста, какъ и нѣкоторыхъ другихъ, носящихъ слишкомъ сентиментальный

---

[1]) Напр., изображеніе смерти друзей Трогунта и Такаста (1021 ff.) напоминаетъ эпизодъ съ Низомъ и Эвріасомъ A IX. 1207. Под. образ. и смерть Натавриста (1846) напоминаетъ Палласа—X, 474.

http://rcin.org.pl

характеръ, можно думать, что они должны быть отнесены на счетъ авторскаго произвола Эккегарда, или являются проблесками будущаго рыцарства и смягченія свирѣпыхъ нравовъ германской старины. Сюда, конечно, относятся благородное поведеніе Вальтари относительно его подруги, нѣжныя обращенія витязей другъ къ другу, какъ Гагена къ его племяннику, слезы его, сентиментальныя слова Вальтари къ Гагену передъ битвой. Съ другой стороны, проклятіе Гагеномъ золота, черты христіанской морали и коекакія намеки на бенедиктинскій монашескій уставъ (какъ это указано Гейдеромъ) всецѣло принадлежатъ Эккегарду [1]. Вообще надо думать, что иногда онъ значительно сокращалъ повѣствованіе своего оригинала, что, напр., видно въ заключительныхъ 6 стихахъ поэмы, гдѣ онъ суммируетъ происшествія 30-лѣтняго царствованія Вальтари, и, съ другой стороны, переходилъ границы оригинала, дѣлая вставки свои собственныя и заимствуя нѣкоторыя выраженія у латинскихъ авторовъ. Во всякомъ случаѣ „Waltharius“ не есть только переводъ съ нѣмецкаго, но искусная обработка матеріала, заимствованнаго изъ народной поэзіи, какъ справедливо утверждаютъ авторитетные изслѣдователи W. Meyer и Kögel [2]), Althof [3]) и друг., именно,—что Эккегардъ главнымъ основаніемъ своего труда имѣлъ германскую сагу, можетъ быть слышанную имъ лично, либо записанную кѣмъ нибудь; Kögel допускаетъ даже, что это былъ прозаическій разсказъ скорѣе на латинскомъ, чѣмъ на нѣмецкомъ языкѣ, хотя для послѣдняго мнѣнія нѣтъ положительныхъ данныхъ.

---

[1]) Kögel, стр. 331 слл.
[2]) Walthatii Poesis. Leipzig. 1899 г., стр. 44—45.
[3]) См. Pauls Grund. II. B. 1. 1901 г., стр. 85 и 86

http://rcin.org.pl

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

Дѣйствующія лица нашей саги, упоминаемыя въ различныхъ ея изводахъ, носятъ популярныя имена, принадлежащія не рѣдко лицамъ несомнѣнно историческимъ. Дѣятельность этихъ лицъ, игравшихъ значительныя роли въ современныя имъ эпохи, стала достояніемъ не только исторіи, но и героической саги, сообщавшей имъ своеобразную окраску, въ зависимости отъ условій, въ какія онѣ были поставлены къ той или другой народности.

Сказанія о наиболѣе популярныхъ личностяхъ переживали другія, возникшія въ разное время,—раньше и послѣ ихъ образованія,—и даже принимали въ себя эти послѣднія, на долю коихъ выпадало лишь прибавить лишній эпизодъ къ повѣствованію о жизни прославляемой личности. Народное сказаніе, возникшее изъ опредѣленныхъ историческихъ элементовъ, мало справляется съ хронологіей и дѣйствительной исторіей; историческихъ лицъ одной эпохи оно ставитъ въ соприкосновеніе съ другими. принадлежащими иному времени, и окружаетъ ихъ дѣятельность вымыслами, сквозь которые едва пробивается истинный обликъ воспѣваемаго лица и дѣйствительныхъ событій его жизни.

Обращаясь къ сагѣ о Вальтари, мы наблюдаемъ, что имена нѣкоторыхъ лицъ, занимающихъ въ ней то или другое положеніе, знакомы какъ исторіи, такъ и германской сагѣ. Къ числу такихъ именъ, имѣющихъ историческій характеръ, относятся Эрманрихъ, Дитрихъ, Аттила, жена его Гельха, Гибихъ и Гунтеръ.

Готскій король Эрманрихъ, какъ извѣстно по описанію Іорнанда, прославился своими побѣдами надъ многочисленными народами, которыми и правилъ какъ своими подданными. Очевидно, что уже Іорнандъ заимствовалъ отчасти свой разсказъ изъ хорошо уже развитой саги объ Эрманрихѣ. За Іорнандомъ и Амміаномъ Марцел.,

http://rcin.org.pl

давшими все же исторически вѣрное описаніе, говорили позднѣйшіе историки, Flodoardus, Эккегардъ, Saxo Grammaticus etc.; ихъ изложеніе сильно окрашено средневѣковыми преданіями и болѣе принадлежитъ сагѣ, чѣмъ исторіи объ Эрманрихѣ. Съ этимъ послѣднимъ въ сагахъ часто смѣшивается, можетъ быть по сходству именъ, одинъ изъ римскихъ консуловъ (465 г.) Herminericus и Hermeric, предводитель свевовъ въ 411 году [1]).

Теодорихъ I Остготскій (род. въ 454 г., ум. 526), исторію котораго излагаютъ Іорнандъ, Procosius и Anonimus Volesius, 30 лѣтъ мирно правилъ Италіей послѣ извѣстныхъ войнъ; онъ былъ смѣшиваемъ съ Теодорихомъ I-мъ Вестготскимъ (убитымъ въ Каталаунской битвѣ) и Теодорихомъ II-мъ, королемъ вестготовъ, павшимъ отъ руки своего брата Эврика [2]).

Король гунновъ Аттила, особенно подробно описанный Прискомъ, Кассіодоромъ, Іорнандомъ и др., оставилъ наиболѣе глубокій слѣдъ въ германской сагѣ.

Въ исторіи упоминаются двѣ изъ многочисленныхъ женъ Аттилы Kreca (Cerka) и Ильдико; первое имя напоминаетъ весьма Erka и Helcha нашей саги. Названіе жены Аттилы—Оспиринъ въ „Waltharius'ѣ“ оказывается особенностью этой версіи саги о Вальтари.

Гибихъ (Gibicho, Gibico) въ Lex Burgundionum (VI в.) названъ въ числѣ бургундскихъ королей и отъ него выводится народъ, какъ отъ родоначальника [3]). Въ „Битерольфѣ“, „Розенгартенѣ“ и „Роговомъ Зигфридѣ“ (но не въ „Нибел.“) онъ—отецъ Гунтера и король франковъ какъ въ „Waltharius'ѣ“. Въ сѣверныхъ сагахъ онъ называется Gjuki, и родъ его божественнаго происхожденія. Англо-сакс. стихотв. называетъ его „Gifica, король Бургундіи“.

Гунтеръ (Guntharius, Günter) въ сѣверныхъ пѣсняхъ, какъ и въ „Waltharius'ѣ“,—сынъ Гибиха. Исторія знаетъ бургундскаго короля Gundicarius'a, современника Аэція и Аттилы; его договоръ съ Аэціемъ, побѣдившимъ его въ 435 г., приводится въ хроникѣ Проспера Аквитанскаго подъ 435 г. Павель Діаконъ сообщаетъ, что король Бургундовъ Gundicarius былъ разбитъ Аттилой въ 436 г. [4]).

---

[1]) См. Learned. The Saga of Walther of Aquitaine (The Hystorical elements of Saga), стр. 158—159.

[2]) Learned, 160.

[3]) San-Marte.

[4]) Learned, 164 (Libell. de episc. Mettens. и Hist. Miscella).

http://rcin.org.pl

Къ этому историческому королю былъ привязанъ король франковъ Гунтеръ съ резиденціею въ Вормсѣ—лицо вымышленное. Хотя германскій эпосъ часто смѣшиваетъ и соединяетъ въ одно бургундовъ, нибелунговъ франковъ и рейнскихъ франковъ, въ „Waltharius'ѣ" соблюдается строгое различіе между франками, бургундами и аквитанами. Это, очевидно, указываетъ на то время, когда эти три сосѣднихъ государства не были еще поглощены франкскимъ.

Итакъ, мы видимъ, что Гибихъ и сынъ его Гунтеръ относятся къ историческимъ королямъ Бургундіи, но наша сага помѣщаетъ обоихъ въ Вормсъ, называя ихъ королями франковъ (но въ англ.-сакс. стих. Гунтеръ wine Burgenda); это перемѣщеніе, по мнѣнію Kögel'я и Brückner'a (in Pauls Grundriss. B. II. 1. 1901 г., стр. 83) явилось потому, что позднѣе было непонятно, какъ Вальтари могъ встрѣтиться съ бургундами у Вогезовъ.

Гунтеръ въ „Waltharius'ѣ играетъ роль короля-разбойника, для котораго выше всего стоитъ жажда добычи; при этомъ онъ слабъ и трусливъ, какъ признаетъ Вальтари (Walth. 1412—1415). Въ другихъ сагахъ Гунтеръ является владѣтелемъ Розенгартена, грозящимъ всѣмъ, кто осмѣлится переступить его границы (см. Bieterolf 285 ff), требуетъ большую плату (Rosengart ed. W. Grimm 829), подаетъ поводъ къ поединкамъ, о которыхъ говорится въ Bieter. (v. 7610 ff.). Весьма возможно, что первоначально онъ имѣлъ миѳическія черты и демоническій характеръ, болѣе полнымъ выразителемъ котораго является Гагенъ.

Эти историческія справки даютъ историческій фонъ для саги о Вальтари, покрытый легендарными наслоеніями, изъ которыхъ выникаютъ историческіе элементы, наблюдаемые въ событіяхъ или лицахъ, принявшихъ въ сагѣ въ значительной степени легендарную окраску. При этомъ одни изъ дѣйствующихъ лицъ носятъ имена, принадлежащія исторіи, другія—легендѣ; но дѣянія тѣхъ и другихъ,—особенно при условіи какихъ-либо отношеній въ сагахъ между собою,—равно являются результатомъ вымысла, рисующаго на исторической канвѣ самые прихотливые узоры, не стѣсняясь рамками времени, мѣста и дѣйствительной характеристики героевъ. При анализѣ саги историческія имена и названія даютъ нить къ историческому первообразу извѣстной картины; но при открытіи достаточныхъ основаній для историческаго отождествленія однихъ лицъ и событій саги, остаются все же совершенно темными другія, о которыхъ ничего не говорятъ дошедшія до насъ историческія данныя и гдѣ рѣшительно преобладаетъ легендарный элементъ. При подобныхъ условіяхъ отыскать историческую основу личности,

http://rcin.org.pl

дѣйствующей въ сагѣ, весьма затруднительно, а нерѣдко и невозможно. Впрочемъ, попытки въ этомъ отношеніи иногда удаются, но по большей части страдаютъ предвзятой мыслью, такъ какъ историческія основы часто совершенно затемняются благодаря смѣшенію именъ, лицъ и событій изъ различныхъ эпохъ историческаго, героическаго и миѳическаго прошлаго народовъ.

Въ сагѣ о Вальтари лица, принадлежащія преданію это—Гагенъ, Гильдегунда, отецъ ея—Геррикъ, Альфере и сынъ его Вальтеръ, или Вальтари.

Гагенъ, въ Эддѣ—Högni, братъ Gunnar'a; Вилькина и Нифлунга саги считаютъ его сыномъ Alb'a, силой овладѣвшаго супругой отца Гагена—Альдріана. Этого не знаетъ „Waltharius", называя отцомъ Гагена Hagatien'a.

Въ эпосѣ онъ является представителемъ злого начала: въ „Нибелунгахъ" онъ убиваетъ Зигфрида,—въ „Waltharius'ѣ" измѣняетъ названому брату и научаетъ Гунтера напасть на него изъ-за угла (стихи 1115 сл. Walth.),—въ „Кудрунѣ" онъ убиваетъ жениховъ своей дочери и называется „дикимъ" и „свирѣпымъ".

Гейнцель полагаетъ, что перевозчикъ въ „Розенгартенѣ" (W. Grimm v. 818—822),—злой Нортпрехтъ, первоначально, быть можетъ, былъ Гагеномъ (Нибел. стр. 1510 ed. Lachmann); онъ требуетъ, какъ плату за перевозъ, правую руку или ногу (ср. Laurin. d. Kl. Roseng.). Гагенъ обладаетъ страшной силой, желѣзной волей и преданностью тому, кому онъ служитъ: онъ задумываетъ и исполняетъ дѣло мести Брунхильды и хвалится этимъ вдовѣ Зигфрида, которой вредитъ и дальше, отнимаетъ у нея кладъ и погружаетъ его въ Рейнъ. Ненависть къ ней всего сильнѣе въ немъ, и онъ умираетъ, не открывши тайны клада. Я не рѣшаюсь, подобно Гейнцелю, сближать Гагена нашей поэмы (и саги) съ историческимъ Аэціемъ, въ виду отсутствія, какъ я полагаю, достаточныхъ для этого данныхъ. Говоря о представителяхъ римской Галліи во время сложенія саги о Вальтари, Гейнцель [2]) находитъ, что ими (судя по франкской таблицѣ народовъ) были въ прямой генеалогической преемственности: Alaneus, Papulus, Egetius (Aetius), Egegius (Aegidius) и Siagrius „per quem Romani regnum perdiderunt".

Изъ нихъ первое мѣсто въ эпосѣ занимаетъ выдающійся въ исторіи Аэцій, который, какъ полагаетъ Гейнцель, носилъ имена

---

[1]) Uber die Walthers, стр. 85.
[2]) Ib., стр. 74.
[3]) Müllenhoff. Germania antiqua, s. 163.

http://rcin.org.pl

Hagathiu и Hagano, которыя перешли и на отца его и на сына,—въ нашей поэмѣ это Hagathien и Hagano. Данныя для такого отождествленія Гейнцель видитъ въ родствѣ названныхъ именъ,—пребываніи Аэція у гунновъ въ качествѣ заложника и бѣглеца,—пребываніе его сына также въ качествѣ заложника,—въ историческомъ положеніи Аэція, сначала какъ друга, а потомъ какъ врага гунновъ, враждебныхъ къ бургундамъ (эти помогали Аэцію въ войнѣ противъ Аттилы въ 451 году),—въ германизированіи Аэція, благодаря его женитьбѣ на готкѣ королевскаго рода,—въ дипломатіи Аэція, которую можно было принять за трусость Hagathiu, въ приписываемомъ Аэцію участіи въ мнимомъ убійствѣ Аттилы рукою Hildico; наконецъ и Гагенъ и Аэцій—оба храбрые полководцы [1]).

По мнѣнію Гейнцеля, положеніе Гагена при дворѣ франкскаго короля въ качествѣ совѣтника, отражаетъ событіе въ жизни Аэція, когда онъ, будучи врагомъ гунновъ, оказался другомъ бургундовъ. Кромѣ того, Аэцій въ дѣтскіе годы, будучи заложникомъ у Алариха (по Merobaudes'у), назывался сыномъ его [2]).

Я полагаю, что, если-бы сага наша сохранила воспоминаніе объ Аэціи, исторія котораго яко-бы послужила для нея основой, то она сохранила бы имя этого героя, не приспособляя его къ имени Гагена; теперь же только путемъ филологическихъ домысловъ Гейнцеля можно увидѣть ихъ сходство. Между тѣмъ Гагенъ, весьма популярный въ эпосѣ, въ представленіяхъ сагъ принялъ миѳологическую окраску и чуть-ли не образъ злого демона. Послѣднее признаетъ самъ Гейнцель. Но характеръ Аэція ни въ чемъ, кромѣ вѣрности своимъ недостойнымъ повелителямъ [3]), не совпадаетъ съ эпической характеристикой Гагена. Увлекаясь сопоставленіями, Гейнцель [4]) готовъ допустить даже, что представленіе въ эпосѣ о Гагенѣ, какъ сынѣ демона (Alb'а см. выше), овладѣвшаго матерью Гагена,—тоже основано на представленіи объ Аларихѣ, какъ демонѣ, овладѣвшемъ матерью Аэція—Гагена. Такимъ образомъ, указаніе на хорошія „отцовскія" отношенія Алариха къ Аэцію, заставляетъ Гейнцеля вдаваться въ столь произвольныя догадки, будто эпосъ считалъ Аэція—Гагена сыномъ Алариха. Что до заложничества Гагена и Аэція, то вѣдь это былъ не единичный случай, но обычай и право. Если Аэцій былъ болѣе замѣтнымъ заложни-

---

[1]) Гагенъ въ „Нибел".—Scharmeister. Heinzel, 76.

[2]) См. панегрикъ Аэцію. Tert. Consulat. v. 134 ff. у Гейнцеля, стр. 76.

[3]) Heinzel, 79.

[4]) Ibid.

http://rcin.org.pl

комъ и бѣглецомъ гуннскимъ, то все-же нельзя утверждать, что именно онъ, а не множество другихъ дали поводъ къ сложенію разсказовъ (а потомъ и саги), о пребываніи заложниковъ и плѣнниковъ у гунновъ и о бѣгствѣ ихъ отъ этихъ. Дружба Гагена съ бургундами, ради которой Гейнцель вспоминаетъ о пребываніи у нихъ Аэція[1], удовлетворительно объясняется близостью его къ роду франкскихъ королей. Въ „Waltharius'ѣ“ не говорится прямо о родствѣ Гунтера и Гагена, но тотъ фактъ, что онъ былъ отданъ въ заложники вмѣсто королевскаго сына, указываетъ на близкое родство съ королевскимъ домомъ (какъ въ пѣснѣ о Нибел.). Сюда-же, я думаю, относится и происхожденіе Гагена „de germine Trojae“ (Walth. v. 28). Это выраженіе дало поводъ нѣкоторымъ изслѣдователямъ нашей саги[2]) вспомнить о легендахъ, выводившихъ происхожденіе франковъ отъ троянцевъ. Такимъ образомъ, если авторъ „Waltharius'а“ нашелъ въ своей сагѣ упоминаніе о Троѣ (м. б., von Tronge Hagen“), то онъ, зная эти легенды, не колеблясь перевелъ: de germine Trojae“, обозначая этимъ родство Гагена съ королев. домомъ и не объясняя этого подробнѣе. Выраженіе—veniens de germine Trojae, конечно, въ данномъ случаѣ указываетъ не на названіе мѣста родины Гагена, но на троянское происхожденіе рода его.

Въ другихъ сагахъ, напр., въ „Нибелунгахъ“, „Klage“, „Biterolf“, „Dietrichs Flucht“, Roseng. C. и D. и шведской обработкѣ Тидрекс., встрѣчаемъ опредѣленіе—Hagen von Tronje. Гейнцель[3]) доказалъ тождественность названія Tronja съ дер. Кирхгеймъ на основаніи древнихъ грамотъ и хартуляріевъ, прямо объ этомъ говорящихъ. Эта д. Кирхгеймъ—Tronja, бывшая, можетъ быть, резиденціей каролинговъ, и—навѣрное—меровинговъ, принадлежала къ владѣніямъ Гунтера вмѣстѣ съ другими, упоминаемыми въ Waltharius'ѣ городами: главн. Вормсомъ, Шпейромъ, Страсбургомъ. Относительно родины Гагена—Tronja позже стала толковаться, какъ тождественная съ Кирхгеймомъ, въ виду прикосновенія его къ Гунтеру, владѣтелю этой мѣстности: первоначально-же въ древнѣйшихъ сагахъ,—Tronja указывало на трояно-франкскія легенды. Со-

---

[1]) Если Гагенъ, напр., въ Тидрекс., изображается на службѣ у Аттилы и врагомъ Вальтари, то все таки это не заставляетъ въ немъ видѣть Аэція, такъ какъ саги и другихъ любимыхъ героевъ своихъ рисуютъ на службѣ у Аттилы.

[2]) Klemm. „Attila nach der Geschichte, Sage und Legende“. Leipzig. 1827, стр. 724; San-Marte—„Walther v. Aquitanien“. Примѣч. къ 28 стиху. Kögel. Gesch. d. D. Litt., стр. 281, I. 1.

[3]) 80 сл. Съ доказат. о тождественности Tronje—Кирхгеймъ соглашаются. Kögel, стр. 280, I. 1 и Learned, стр. 169 (The Saga of W. of Aq.).

http://rcin.org.pl

вершенно справедливо къ послѣднимъ относитъ Сан-Марте[1]) упоминаніе о Пандарѣ, какъ предкѣ Веринарда (v. 728) и названіе Гагена „одноглазымъ Сикамбромъ“ (v. 1435)[2]).

Существуетъ еще одна попытка отождествленія Гагена съ историческимъ лицомъ: Именно, Learned указываетъ на имѣющаго подобное имя Aigina'у[3]) (Aighina, Aighinus). Важнѣйшіе доводы для этого слѣдующіе:

1) Aigina называется Фредегаромъ—„благородный саксъ“;

2) онъ принималъ участіе въ бургундско-франкскомъ нападеніи на васконцевъ;

3) владѣніе его франкской областью объясняетъ происхожденіе Гагена изъ Troja;

4) положеніе Aigina'ы, какъ защитника аквитанской границы, можетъ объяснить то, что Гагенъ былъ свидѣтелемъ при обрученіи Вальтари и Гильдегунды;

5) жестокій характеръ Aigina'ы служилъ-бы соотвѣтствіемъ мрачной личности Гагена въ „Нибел.“.

Приводя эти данныя, Learned самъ указываетъ, что такое отождествленіе зиждется на слишкомъ нетвердомъ основаніи, чтобы считать его вполнѣ основательнымъ (стр. 168).

Единственный выводъ, какой можно добыть изъ сопоставленій Гагена съ Аэціемъ и Aigina'ой, сдѣланъ Learned'омъ, именно, что историческій фонъ доставилъ достаточно матеріала для развитія подобныхъ легендарныхъ личностей, и сага нерѣдко связываетъ въ нихъ то, что намъ извѣстно о лицахъ историческихъ. Такимъ образомъ, складываются эпическіе элементы характеровъ, весьма различные относительно времени и даже мѣста.

Героиня саги о Вальтари называется *Гильдегундой* (въ „Walth.“ для стиха Hilgunt); въ этомъ образѣ кроткой и нѣжно-любящей дѣвушки трудно найти соотвѣтствіе съ германскими валькиріями, какъ это дѣлаютъ нѣкоторые изслѣдователи, начиная съ Я. Гримма.

---

[1]) Примѣч. къ ст. 728.

[2]) Еще въ VI в. происхожденіе Меравинговъ выводилось отъ Сикамбровъ. Сюда б. м. относится преданіе у Sigbert'a von Gembleuos о томъ, какъ Антеноръ съ 1200 челов. пришелъ на границу Панноніи и основалъ городъ Sikambia. Народъ умножился и пошелъ далѣе въ Галлію.—Епископъ Ремигій при крещеніи Хлодовега назвалъ его Sikamber'омъ.

[3]) Главные факты изъ его жизни слѣд.: въ 626 г. Aigina, какъ владѣтель, охранялъ границы франковъ по берегамъ Гаронны противъ васконцевъ. Въ 635 г. онъ велъ отрядъ бургундовъ противъ васконцевъ (Learned, стр. 167).

http://rcin.org.pl

Частыя варіаціи эддовыхъ Hildr и Gunnr (Hiltia и Gundia въ древне-германской формѣ) дали поводъ и нашей Гильдегундѣ приписывать миѳологическій характеръ.—Сан-Марте, приводя различныя саги съ именами героинь—Gildr, или Gilda, видитъ въ нихъ общую черту, именно,—демоническія натуры, частью въ волшебной силѣ, частью въ скрытомъ покровительствѣ, какимъ пользуются возлюбленные ихъ герои, которые, побѣдоносно сражаясь со своими преслѣдователями, удерживаютъ за собою добычу. Онѣ подаютъ витязямъ подкрѣпляющее питье и перевязываютъ имъ раны; послѣднія свойства этихъ дѣвъ, находящіяся въ „Waltharius'ѣ“ вмѣстѣ съ дѣвственностью Гильдегунды и пѣсней ея надъ спящимъ Вальтари (W. v. 1181), дали поводъ San-Marte и Kögel'ю [1]) считать это отзвукомъ представленій нашей саги о Гильдегундѣ, какъ о валькиріи. Такое сопоставленіе, по моему мнѣнію, не можетъ быть допущено, такъ какъ этихъ внѣшнихъ признаковъ еще очень недостаточно тѣмъ болѣе, что характеръ ея чисто человѣческій безъ демоническаго начала; у нея нѣтъ ни лебединой рубашки, ни прочихъ необходимыхъ аксессуаровъ валькиріи. Напротивъ, Гильдегунда въ нашей сагѣ отличается робостью, какъ это видно въ „Walth.“ и „Thidreks.“, гдѣ она совѣтуетъ Вальтари бѣжать, видя приближеніе враговъ. Kögel, совершенно неправильно признающій говорящее лицо въ англо-сакс. фрагментѣ за Гильдегунду, впадаетъ отсюда и въ другую ошибку, видя въ ней воинственный духъ отважной героини [2]).

Имя дѣвы, какъ весьма распространенное, сага могла принять и безъ этого сближенія; такъ—имя Hilde постоянно употребляется въ бургундско-франкской исторіи меровингскаго періода и въ сагахъ съ нимъ связанныхъ: вспомнимъ Клотильду, Брунхильду и т. п.; то же и въ мужскихъ именахъ,—Хильдебертъ и др.—Подобнымъ образомъ популярна и другая часть имени Гильдегунды—Фредегунда и въ этническомъ названіи—бургунды [3]).

Дѣвство ея и прославленная скромность Вальтари въ отношеніяхъ къ своей подругѣ, является скорѣе чертой грядущаго романтизма и рыцарскихъ отношеній къ женщинамъ, если только это мѣсто въ „Waltharius'ѣ“ не принадлежитъ Эккегарду.

---

[1]) Kögel, стр. 323, I. 2. Срв. Symons in Pauls Grundriss d. Germ. Phil. III. B. § 53.

[2]) Kögel, стр. 312, 324, 326. Pauls Grundriss. XIV. A. Symons, стр. 698.

[3]) Learned, стр. 170.

http://rcin.org.pl

То же, на чемъ такъ охотно останавливаются сторонники миѳическаго значенія Гильдегунды—перевязываніе ранъ и поднесеніе ею вина изувѣченнымъ витязамъ, можетъ быть объяснено исконными правами германскихъ женщинъ, описанными еще Тацитомъ (Germ. c. VII); историкъ разсказываетъ, что онѣ слѣдили за битвой и послѣ нея подносили раненымъ питье и перевязывали раны [1]). Насколько цѣнились такія качества женщинъ видно изъ того, что нѣсколько позже въ воспитаніе молодыхъ дѣвушекъ необходимо входило искусство перевязывать и лѣчить раны, знаніе цѣлебныхъ свойствъ травъ и секреты чудодѣйственныхъ мазей [2]).

Такимъ образомъ, упомянутыя качества Гильдегунды, при ея характерѣ, скорѣе относятся въ данномъ случаѣ къ чертамъ быта, нежели миѳологіи. При этомъ едва-ли можно видѣть что-либо миѳическое въ пѣніи Гильдегунды, на колѣняхъ которой расположился усталый Вальтари [3]).

Имя отца Гильдегунды *Геррикъ* (Heriger, Herricus, Heriricus, по франц. произн. и напис. Chararicus, Cariricus) встрѣчается очень рано. Едва-ли можно его сопоставлять съ вестготск. королемъ Evarix'омъ, Eorichus'омъ и Eurichus'омъ или королями Chararicus'ами, описываемыми Григоріемъ Турскимъ. Learned усматриваетъ въ Геррикѣ смѣшеніе двухъ Chararicus'овъ, при чемъ допускаетъ, что на короля франковъ, правящаго надъ бург.-франк. территоріей, смотрѣли, какъ на короля бургундовъ. Если здѣсь и можно наблюдать историческую подкладку, то она слишкомъ слаба, чтобы возможно было дѣлать твердые выводы. Гейнцель [4]) и San-Marte историческую основу для этого Геррика считаютъ, повидимому, справедливо невѣроятной.

Попытку Гейнцеля точно установить національность Вальтари я считаю совершенно безуспѣшной, такъ какъ мы не знаемъ, къ какому германскому племени относила его первоначальная сага; позднѣйшія локализаціи сдѣлали весьма темнымъ этотъ вопросъ. Если принять, что первоначальный сюжетъ свой сага заимствовала изъ реальныхъ историческихъ событій, какъ, напр., частое бѣгство плѣнниковъ и заложниковъ отъ Аттилы и столкновенія изъ-за этого

[1]) ... matres et conjuges vulnera ferunt... cibosque hortamina pugnantibus gestant.

[2]) L. Gautier. La Chevalerie (стр. 367—368). Paris. 1884.

[3]) „Cantu dormitantes patefecit ocellos“ scil. свои, смыкавшіяся отъ желанія спать.

[4]) Стр. 69. Срв. Kögel и Brücher (in Pauls Grund II. B. 1, стр. 83) и др.

http://rcin.org.pl

между гуннскимъ королемъ и римскими полководцами, то и въ такомъ случаѣ сложившаяся сага, какъ и всякое произведеніе умственной дѣятельности народа, заключаетъ въ себѣ частности, возникшія въ разное время. Историческая основа сказанія, пройдя сквозь призму различныхъ временъ и поколѣній, могла совершенно измѣниться и принять посторонніе элементы и готовыя формы, выработанныя народнымъ творчествомъ, едва лишь сохранивъ кое-какія историческія названія лицъ или мѣстностей. Мы не имѣемъ рѣшительно никакихъ основательныхъ данныхъ видѣть въ нашей сагѣ разсказъ о какомъ-либо опредѣленномъ историческомъ фактѣ съ чисто историческими лицами. Наиболѣе крупное изъ лицъ, относящихъ ко времени рожденія саги, Аттила, въ нашей сагѣ спустился до значенія центра собирательнаго, такъ какъ новыя лица и новыя событія, явившіяся на смѣну старыхъ, заслонили прежнія, если только они дѣйствительно играли какую-нибудь роль въ сагѣ о Вальтари. Дѣйствіе поэмы о Вальтари Аквитанскомъ, какъ о Битерольфѣ и Дитрихѣ—Теодорихѣ Готскомъ, лишь примыкаетъ къ Аттилѣ и отъ него исходитъ, тогда какъ готско-гуннское пѣсенное преданіе представляло Аттилу центромъ дѣятельнымъ [1]). Что до историческаго опредѣленія личности и родины Вальтари, я не могу вывести никакого прочнаго заключенія въ виду разнообразія мѣстъ, называемыхъ сагами, какъ родина его. Гейнцель [2]) справедливо утверждаетъ, что личности Вальтари, Гильдегунды, равно какъ и отцовъ ихъ [3]), не имѣютъ ничего общаго ни съ аквитанской, ни съ бургундской, ни вообще съ западно-европ. исторіей. Сага помѣщаетъ его то въ Аквитаніи (какъ „Walth.“), то въ Испаніи (Nib., Vien. Fr., Biet. u. Dietl.), то въ Kerlingen'ѣ, съ резиденціей въ Парижѣ (Biet. u. D., Alf. Tod., Dietr. Fl.), то въ Лангресѣ (Vien. Fr., Diltr. Fl., Rab. Schl.), то въ Wasgenstein'ѣ (какъ въ Thidrs.).

Я полагаю, что такое разнорѣчіе въ опредѣленіи родины Вальтари внѣ Германіи явилось вслѣдствіе того обстоятельства, что

---

[1]) Веселовскій. Изъ исторіи романа и повѣсти, стр, 308 (Сб. II, отд. И. А. Н., т. 44)

[2]) Стр. 69.

[3]) Сань-Марте выводитъ отца Вальтари по Эддѣ слѣд. образ.: за Alf'а, или Half'а, сына Гіальпрека, вышла замужъ Гіордиза, мать Зигурда; Вользунга-сага также говоритъ объ Альфѣ, сынѣ Гіальпрека, женатомъ на Гіордизѣ. Историческаго соотвѣтствія San-Marte тоже не находитъ для Альфере.—Сыномъ его Вальтеръ названъ въ „Битерольфѣ“, Waldere, ср. врх.-нѣм. стр. V. Fr., Walth. и Nov. Chron. Cp. Symons in Pauls Gundr. II aufl. III. B, § 53.

http://rcin.org.pl

старая сага о Вальтари была заслонена новыми, сложившимися въ большіе героическіе циклы; здѣсь были уже другіе герои съ ихъ разнообразными приключеніями и каждому изъ нихъ отводилось опредѣленное мѣсто владѣнія съ точнымъ обозначеніемъ генеалогіи. Съ другой стороны, герой популярной старой саги, о которомъ знали пѣвцы, не могъ быть совершенно забытъ и вошелъ, какъ лицо второстепеннаго значенія, въ новыя пѣсни; его исторія разсказывается обыкновенно вкратцѣ, какъ нѣчто, случившееся задолго до излагаемыхъ въ пѣснѣ событій. Забытую первоначальную родину его сага стала замѣнять прозваніемъ „von Wasgenstein" или выводить героя изъ чужихъ странъ.

Вогезскаго княжества никогда не было, и всего вѣроятнѣе, что названіе „von Wasgenstein" произошло отъ обозначенія мѣста битвы въ Вогезахъ. Что до Аквитаніи, какъ королевства Вальтари, Гейнцель (стр. 79 и 85) догадывается, что сходство именъ Waskôno Lant (=Аквитаніи въ древнихъ грамотахъ) и Васгенштейна (Wasgau) дало поводъ, путемъ смѣшенія, пріурочить сюда Вальтари. Такое истолкованіе только въ томъ случаѣ могло-бы быть вѣрнымъ, если-бы мы знали, что въ эккегардовской оригинальной сагѣ не говорилось объ Аквитаніи, какъ царствѣ Вальтари и что авторъ „Waltharius'a" вывелъ героя изъ Аквитаніи на основаніи изложенныхъ здѣсь соображеній. Болѣе вѣроятно, что старшіе изводы саги выводили героя изъ Аквитаніи, желая назвать страну, лежавщую на западъ отъ Рейна. Названіе Вальтари сыномъ аквитанскаго короля, а затѣмъ и королемъ въ „Waltharius'ѣ", гдѣ наиболѣе чисто сохранились историческіе элементы саги, по крайней мѣрѣ, въ смыслѣ хронологически и исторически вѣрной этнической обстановки,—заставляетъ обратить вниманіе на Аквитанію, какъ на первоначальную родину нашего героя. Общая историческая концепція Аквитаніи отъ 2-ой четверти V-го вѣка такова, что страна эта въ эпоху меровинговъ и капетинговъ была провинціей, лежащей прямо на западъ отъ Бургундіи. Владычество вестготовъ надъ Аквитаніей въ V вѣкѣ не мѣшаетъ представленію о Вальтари, какъ о королѣ, такъ какъ владѣніе вестготовъ было территоріальнымъ [1]). При такомъ положеніи становится понятнымъ присутствіе въ сагѣ въ извѣстной степени готскаго элемента [2]), но

---

[1]) Kögel, стр. 285—286.

[2]) Symons in Pauls Grundr., стр. 706. B. III. Названіе: Вальтари von Spâne (Нибел.) von Spânilant (Biter.) объясняется тѣмъ, что Аквитанія во времена сложенія саги было частью вестготскаго королевства въ Испаніи (P. Grundr. II. 1.

http://rcin.org.pl

это не даетъ все-же права считать,—какъ это съ увѣренностью дѣлаетъ Kögel (Gesch. Litt. 284 и др.)—что Вальтари былъ первоначально вестготомъ: онъ точно такъ-же могъ быть представителемъ всякаго другого германскаго племени, которое было въ Аквитаніи или проходило черезъ нее въ этотъ періодъ. Таково справедливое заключеніе Learned'а, вытекающее изъ обзора исторической концепціи Аквитаніи въ періодъ начала сложенія саги [1]).

Упоминаніе въ Chanson de Roland о Gualtier de l'Hum, de Hums дало поводъ Гейнцелю (стр. 70) выводить аргументы для представленія о гунскомъ происхожденіи Вальтари, но Леарнедомъ это опредѣленіе объяснено, какъ: Вальтари „изъ" или „отъ" гунновъ, т. е., какъ воспоминаніе о главномъ фактѣ его жизни—пребываніи у гунновъ.

Выше уже отмѣчено, что я не могу видѣть въ личности Гагена образъ историческаго Аэція; теперь, обращаясь къ фактамъ изъ эпохи владычества Аттилы, засвидѣтельствованнымъ Прискомъ, именно—бѣгство плѣнниковъ отъ Аттилы, похищеніе женщинъ изъ его двора, вмѣшательство его въ брачныя дѣла своихъ подданныхъ [2]),—я долженъ признать, что эти событія, вліявшія извѣстнымъ образомъ на народное воображеніе, могли создать канву для народнаго творчества, слагавшаго пѣсни объ этихъ событіяхъ. Къ числу такихъ пѣсенъ, относится и сага о Вальтари. Преслѣдованіе гуннами бѣжавшихъ заложниковъ отразилось въ разсказѣ Тидрек-саги и въ средне-верхне-нѣмецкомъ стихотв., повѣствовавшихъ о бѣгствѣ и сраженіи съ гунской погоней. Затѣмъ, подъ вліяніемъ различныхъ бытовыхъ и эпическихъ наслоеній, явился разсказъ о сраженіи съ бургундами, мотивъ болѣе сложный.

Отсюда тѣ два извода саги, о которыхъ говоритъ Гейнцель (стр. 60 и сл.):

1) Вальтари и Гильдегунда бѣгутъ изъ страны гунновъ и подвергаются на дорогѣ нападенію ихъ (Тидрекс. и средне-верхне-нѣм. стихотв.).

1901 г., стр. 84). Такимъ образомъ можно заключить, что принадлежность Вальтари къ вестготамъ могла быть лишь чисто политическою, но отсюда не слѣдуетъ его вестготское происхожденіе.

[1]) Learned, 191—194.

[2]) Также и смерть его въ ночь брака съ Ildico. Совпаденіе именъ Гильдегунды и Hildico дало поводъ Learned'у предполагать, что имя послѣдней жены Аттилы имѣло вліяніе на выборъ имени царской заложницы Гильдегунды, которая имѣла весьма отвѣтственное положеніе при дворѣ короля гунновъ (Learned, стр. 170). Совпаденіе едва-ли не чисто случайное.

http://rcin.org.pl

2) Такой же побѣгъ и нападенiе бургундовъ (Walthar., Valdere, Нибел.).

Если остановиться на указанномъ историческомъ зернѣ, то битву съ гуннами придется считать болѣе древней, чѣмъ битву съ бургундами. Такого мнѣнiя держится и Гейнцель [1]), тогда какъ Мюлленгофъ [2]), въ виду прозвища Вальтари af Washasteini, принимаетъ, что бургундская битва древнѣе, такъ какъ герой названъ здѣсь по мѣсту прославленной битвы. Такое толкованiе не можетъ быть признано удовлетворительнымъ, такъ какъ прозванiе это могло укрѣпиться за героемъ и пристегиваться въ пересказахъ (извѣстныхъ намъ) древнѣйшаго извода—битва съ гуннами. Гунны были оскорблены бѣгствомъ Вальтари, можетъ быть сопряженнымъ съ похищенiемъ сокровищъ, и преслѣдованiе является естественнымъ слѣдствiемъ, вытекающимъ отсюда.

Нападенiе же бургундовъ имѣетъ совершенно иной характеръ и обнаруживаетъ болѣе позднiя черты германскаго былевого эпоса—страсть къ наживѣ и служилую вѣрность господину, явившуюся уже въ пору прочнаго установленiя вассальныхъ отношенiй. Развитiе этихъ двухъ мотивовъ въ изводахъ саги съ бургундской битвой указываетъ на ихъ позднѣйшее происхожденiе. Здѣсь вѣрность господину, соблазняющему вассала обѣщанiемъ богатыхъ даровъ, оказывается преобладающей надъ священными узами побратимства, нарушенiе которыхъ немыслило въ древнѣйшихъ сказанiяхъ.

Вопросъ объ отношенiяхъ саги о Вальтари къ миѳологической сагѣ о Гильдѣ, поставленный Мюлленгофомъ [3]), остановилъ на себѣ вниманiе Kögel'я и Symons'а, которые рѣшаютъ его въ томъ же смыслѣ какъ и Мюлленгофъ, именно, что сага о Вальтари является слѣпкомъ съ миѳологич. саги о Гильдѣ, ея возобновленiемъ и расширенiемъ. Отсюда является взглядъ, что Гагенъ въ нашей сагѣ первоначально былъ отцомъ Гильдегунды и поэтому естественнымъ ея преслѣдователемъ, причемъ послѣдняя сохраняетъ миѳическiя черты дѣвы—валкирiи. Черты сходства названныхъ сагъ Гейнцель (Walters. стр. 93) объясняетъ влiянiемъ миѳической саги на историческую, хотя нельзя не признать, что мнѣнiе Мюлленгофа зиж-

---

[1]) 86 стр.

[2]) Zeitsch., 12, 274.

[3]) Zs. f. d. A. 12. 274; 30. 235 ff.

[4]) Kögel. Gesch. d. D. Litt. 283, 281, 286, 298. Simons in Pauls Grundriss II·, 57 ff. III. B. § 53, стр. 706; Kögel und Brückner in Pauls Grundr. II. B. 1. 1901 г., стр. 83 и 84.

http://rcin.org.pl

дется на чисто случайныхъ совпаденіяхъ. Такъ какъ Гильдегунда въ нашей сагѣ находится въ совершенно иныхъ отношеніяхъ къ Гагену, совершенно отлична по характеру отъ Гильды, героини одноименной саги, Гагенъ поставленъ въ опредѣленныя связи съ гуннами и Вальтари, и, наконецъ, сага о Вальтари есть чисто „человѣческая“ сага, то связь между сравниваемыми сагами ограничивается лишь общностью мотива о похищеніи дѣвы и преслѣдованіи, развиваемаго совершенно самостоятельно.

Совершенно неосновательно предположеніе Гейнцеля (стр. 62), что въ первоначальномъ видѣ не было упоминанія о битвѣ, такъ какъ сага во всѣхъ дошедшихъ до насъ изводахъ содержитъ эпизоды съ битвой, которая и является центромъ разсказа.

Эпизодъ гуннской битвы находится въ средне-верхне-нѣмецкомъ стихотвореніи (Vienna Fr.) въ Bieter. n. Dietl. и Thidreksaga'ѣ, а бургундская битва—въ „Valdere“, „Waltharius'ѣ“ и „Нибелунгахъ“. Основываясь на мнѣніи Симонса (Pauls Grundriss 2 ii, 10), что Valdere уже существовалъ въ срединѣ VIII вѣка, можно заключить о раздѣленіи обѣихъ формъ саги въ началѣ VIII вѣка [1]). Такъ какъ вполнѣ развитая форма, какъ Valdere и Waltharius предполагаютъ значительный періодъ роста, то,—давая время росту,—заключаемъ, что періодъ слаганія саги относится между срединой пятаго и концомъ VII вѣковъ [2]); историческіе же существенные элементы саги принадлежатъ, какъ видно изъ „Waltharius'а“, ко 2-ой половинѣ V-го вѣка.

Смѣло можно допустить, что въ столь раннее время, въ первоначальномъ видѣ, сага возникла подъ свѣжимъ впечатлѣніемъ историческихъ событій, положивъ, что „всякая героическая пѣсня, въ своихъ главныхъ чертахъ, современна историческому событію“ [3]). Указанные историческіе факты изъ эпохи владычества Аттилы, съ присоединеніемъ готовыхъ подробностей изъ разсказовъ, сходныхъ по сюжету [4]), вылились въ сагу, повѣствовавшую о бѣгствѣ залож-

---

[1]) Learned, стр. 177.

[2]) Heinzel, стр. 62. Learned, стр. 178.

[3]) Тезисъ Миклошича. См. Дашкевичъ. „Къ вопросу о происхожденіи русскихъ былинъ“. Кіевъ, 1883 г., стр. 161.

[4]) Гейнцель (на стр. 67) указалъ, что схемы съ бѣгствомъ, похищеніемъ женщины и сокровищъ и преслѣдованіемъ существовали издавна въ иностранныхъ и германской литературахъ, начиная съ разсказа о Парисѣ и Еленѣ. Такъ напр., въ разсказѣ о Самсонѣ и Гильдесвидѣ (Thidreks. c. 2 ff.)—въ Gönguhrolfssaga 3. 296 FAS.—Gönguhrolf бѣжитъ съ царскою дочерью и двумя ящиками золота верхомъ; они ѣдутъ больше ночью, чѣмъ днемъ; Herrandhsaga ok Bosa FAS 3. 215.

http://rcin.org.pl

никовъ отъ Аттилы, преслѣдованіи ихъ гуннами, сраженіи, удачномъ для бѣглецовъ, и возвращеніи на родину; сюда же присоединены разсказы о похищеніи женщинъ и сокровищъ. Нашей сагѣ оставалось лишь эти разрозненныя подробности, служившія для нея готовыми формами, пріурочить къ опредѣленнымъ героямъ и соединить въ одно цѣлое въ развиваемомъ ею сюжетѣ.

Эпизодъ о Вальтари въ др.-сѣв. Тидрексагѣ представляетъ развитіе на сѣверѣ первоначальнаго ядра саги, которое позже, при обратномъ теченіи, столкнулось съ развивавшимися изъ того же источника нѣмецкими пѣснями о Вальтари, когда эти уже стали говорить о битвѣ при Васгенштейнѣ съ бургундами. Вальтари, какъ племянникъ Эрманриха, и Гильдегунда, дочь ярла Иліаса греческаго,—результатъ смѣшенія элементовъ саги, комбинаціи разныхъ цикловъ, въ одно большое повѣствованіе Thidrs.—На Вальтари, какъ родственника Эрманриха стали смотрѣть, конечно, послѣ того, какъ этотъ въ сагѣ явился врагомъ Теодориха, т. е. съ X вѣка. (Learned 194). Прочно закрѣпленный сѣверный изводъ отсюда принялъ въ себя лишь прозваніе Вальтари. Черты сходства между Тидрексагой и эккегардовой поэмой принадлежатъ ихъ общему первоисточнику.—Здѣсь нѣтъ вовсе намековъ ни на христіанство, ни на рыцарство, но выступаютъ жестокія формы языческой германской старины. Гагенъ нападаетъ, какъ лѣсной демонъ, ночью, скрываясь между деревьями. Вполнѣ древне-германской является сцена, когда влюбленная пара, послѣ упорнаго боя съ врагами и испытанныхъ ужасовъ, съ чисто-эпическимъ аппетитомъ съѣдаетъ спину дикаго кабана, этого лакомаго кушанья германцевъ, обѣщаннаго въ числѣ

Похищеніе возлюбленной и преслѣдованіе, напр., въ разсказѣ объ Озантриксѣ и Одѣ (Thidr. c. 36 ff.),—о Гильдебрандѣ и Гильдѣ. Похищеніе женщины или бѣгство съ женщиной: Хильдерихъ и его мать бѣгутъ изъ плѣна у гунновъ при помощи Wiomad'a,—у Фредегара (Bouquet Script. 2. 396) фактъ мож. б. историческій, сходный въ подробностяхъ съ разсказомъ о Вальтари, разсказъ о Bersi и Steinvor'ѣ въ исландской kormakssaga c. 15: онъ уводитъ ее; ѣдутъ они на одной лошади, она держитъ его копье; онъ прячетъ ее и лошадь въ лѣсу, а самъ между тѣмъ сражается съ превосходнымъ числомъ враговъ, которыхъ побѣждаетъ.

Сюда-же относятся разсказы о Helgi Hundigsbani и Sigrun'ѣ, о Hetel'ѣ и Hilda'ѣ и др., гдѣ дѣва уводится отъ отца, какъ и много подобныхъ объ уводѣ дѣвы и бѣгствѣ изъ плѣна, съ похищеніемъ сокровищъ или безъ него, въ нѣмецкомъ и французскомъ эпосахъ. Гейнцель приводитъ много подобныхъ мотивовъ во Франціи, какъ, напр., бѣгство Вильгельма Оранжскаго съ Арабелью и Boeves'a Гангстонск. съ Іозьяной; въ одной изъ версіи этого романа Bevers бѣжитъ со своей возлюбленной Iosvena'ой, опоивши соннымъ зельемъ стражу и мужа ея (Веселовскій. Изъ исторіи романа и повѣсти, стр. 234).

http://rcin.org.pl

наслажденій Валгаллы. Съ другой стороны, въ Thidreksag'ѣ болѣе затемнены историческіе факты подъ наплывомъ той неразборчивой смѣси, которая позволяетъ быть современниками Эрманриху, Аттилѣ и Теодориху Бернскому. Такимъ образомъ, въ Waltharius'ѣ наиболѣе строго сгруппированы историческіе факты и сохранены характерныя, рѣзкія очертанія побѣды Аттилы надъ Западной Европой, участіе бургундовъ и франковъ въ борьбѣ, вѣрное географическое представленіе о странахъ на западъ отъ Рейна и т. п. Это даетъ поводъ Learned'у признать въ латинской поэмѣ самую чистую и раннюю форму саги. Присутствіе здѣсь битвы съ бургундами онъ объясняетъ одновременнымъ развитіемъ обоихъ эпизодовъ съ битвой, раздѣлившихся по мѣрѣ роста саги (стр. 177). Если въ Waltharius'ѣ мы не видимъ битвы съ гуннами, которая признается нами древнѣйшей формой этого эпизода, то замѣна эта можетъ быть объяснена вліяніемъ версіи Valdere, ставшей аллеманской формой саги въ Waltharius'ѣ, представителемъ которой былъ эккегардовскій оригиналъ.

Интересною въ исторіи развитія нашей саги является личность Гагена. Трудно сказать объ участіи его въ первоначальной сагѣ, но затѣмъ можно удобно прослѣдить развитіе его роли.

Въ Тидрексагѣ, гдѣ сохранилась древнѣйшая черта—битва съ гуннами, Гагенъ является на ихъ сторонѣ. Гунны и Гагенъ сражаются съ Вальтари, который побѣждаетъ ихъ. Когда же Вальтари сталъ популярнымъ героемъ, то воспоминаніе о службѣ Гагена у гунновъ было настолько прочнымъ, что сага о Вальтари сдѣлала его другомъ своего героя, также живущаго при дворѣ Аттилы. Союзъ кровавой дружбы между любимыми героями—обычная эпическая черта; она сохраняется во всѣхъ прочихъ изводахъ нашей саги: въ средне-верхне-нѣмецкомъ стихотвореніи онъ—другъ Вальтари, провожаетъ его до Вормса и, очевидно, принимаетъ участіе въ битвѣ съ преслѣдовавшей витязя шайкой гунновъ, хотя былъ въ хорошихъ отношеніяхъ съ Аттилой (который отпустилъ его на родину: Ниб. 1756). Въ англо-саксонск. стихотв. ситуація уже болѣе сложная; это и понятно въ виду находящагося здѣсь эпизода позднѣйшей формаціи—битвы съ Гунтеромъ. Однако, Гагенъ, поставленный здѣсь въ извѣстныя отношенія къ Гунтеру, все таки не сражается съ Вальтари, но даетъ ему мечъ, содѣйствуя, такимъ образомъ, его успѣху, такъ какъ былъ его другомъ и товарищемъ на гуннской службѣ. Въ эккегардовскомъ оригиналѣ, гдѣ опять битва съ Гунтеромъ, концепція еще болѣе сложная: Гагенъ сначала—другъ Вальтари,—союзъ дружбы заключили они, живя у

http://rcin.org.pl

гунновъ,—а потомъ—врагъ его, на сторонѣ Гунтера, ради котораго измѣнилъ священному союзу побратимства.

Заключая все изложенное выше о происхожденіи саги, я считаю, что первоначальный ея видъ сложился въ періодъ героической борьбы германскихъ народовъ запада съ гуннами изъ слѣдующихъ элементовъ:

1) Бѣгство плѣнниковъ и заложниковъ отъ Аттилы дало поводъ къ сложенію объ этомъ разсказовъ, къ которымъ присоединился:

2) мотивъ о похищеніи женщины, существовавшій издавна, какъ и преслѣдованіе бѣжавшей и ея похитителя; это были готовыя формы, но въ данномъ случаѣ сага могла черпать изъ новыхъ, современныхъ разсказовъ съ уводомъ женщинъ со двора Аттилы, въ родѣ сообщаемыхъ Прискомъ, объ уводѣ офицеромъ Восточно-Римской имперіи дочери Сатурнина, которую Аттила желалъ выдать за своего секретаря (въ 448 году), или объ освобожденіи изъ плѣна у Аттилы супруги Sylla и т. п.

3) Во время сложенія саги, въ нее вошелъ мотивъ объ опаиваніи гунновъ бѣглецами для облегченія бѣгства (Walth., средневерхне-нѣмецк. Битер.; въ англо-сакс. намекъ—см. Гейнцель 21 стр.); это вообще распространенный эпическій мотивъ, сложившійся, быть можетъ, подъ вліяніемъ сказокъ, гдѣ для бѣгства героя способствующимъ средствомъ служитъ усыпляющее—„забыдущее" питье, данное стражѣ героемъ или его помощницей—возлюбленной.

4) Аттила посылаетъ за бѣглецами погоню. Въ происшедшемъ сраженіи Вальтари остается побѣдителемъ. Предположеніе Гейнцеля [1]), что первоначально битвы не было вовсе,—а сага говорила лишь о путешествіи бѣглецовъ на родину,—считаю неосновательнымъ, такъ какъ битва во всѣхъ извѣстныхъ намъ памятникахъ саги—центръ разсказа; трудно предполагать, чтобы интересъ разсказа сосредоточивался на описаніи только бѣгства безъ боя съ преслѣдователями. Причиной погони является и похищеніе сокровищъ.

5) Вальтари возвращается на родину, женится на Гильдегундѣ и счастливо царствуетъ (ср.-вер.-нѣм. стих., Thidr., Walth.). Счастливый эпическій конецъ.

---

[1]) Стр. 20.

http://rcin.org.pl

Нельзя умолчать здѣсь о переправѣ черезъ Рейнъ, стоявшій на пути Вальтари и Гильдегунды, въ виду важнаго значенія его въ нѣкоторыхъ памятникахъ саги (англо-сакс. ст. ср.-вер.-нѣм., Walth., Нибел., Битер.) Гагенъ первоначально не былъ врагомъ Вальтари; наоборотъ, другомъ и помощникомъ въ бѣгствѣ (ср.-вер.-нѣм. ст., англо-сакс.; намекъ въ Walth. 1248). Это явствуетъ изъ того согласія, съ какимъ говорится въ памятникахъ о службѣ Вальтари и Гагена при гуннскомъ дворѣ, гдѣ между ними упрочились дружескія отношенія посредствомъ побратимства (см. выше). Мотивъ объ измѣнѣ Гагена этому союзу и переходѣ на сторону враговъ Вальтари—по своей сложности и противорѣчію древнему взгляду на святость союза названаго братства — невозможенъ для ранняго вида саги.

Гильдегунда (какъ обыкновенно въ сказаніяхъ народныхъ похищаемыя женщины) первоначально, быть можетъ, находилась въ какихъ-либо родственныхъ отношеніяхъ къ Аттилѣ или была гункой, которую похитилъ бѣжавшій заложникъ.

Если допустить, что не было похищенія сокровищъ, то погоня гунновъ имѣла цѣлью отнять дѣву и наказать похитителя. Можно прибавить, что разсказы о похищеніи бѣглецами сокровищъ Аттилы также находятся въ числѣ историческихъ фактовъ, засвидѣтельствованныхъ Прискомъ (какъ напр., похищеніе однимъ изъ секретарей Аттилы золотыхъ сосудовъ, взятыхъ при разрушеніи города Сирміи).

Въ нашей сагѣ мотивъ этотъ, если не вызвалъ, то усилилъ необходимость погони за бѣглецами.

Схема первоначальнаго вида саги мнѣ представляется въ слѣдующемъ видѣ:

1) Вальтари, сынъ какого то (м. б. аквитанскаго) короля, находится въ качествѣ заложника (или плѣнника) при дворѣ Аттилы. Тамъ же и Гильдегунда, знатная дѣва (относительно Гагена—сомнительно).

2) В. и Г. бѣгутъ на родину; они опаиваютъ гунновъ (и похищаютъ сокровища, а м. б. и нѣтъ).

3) По пути переходятъ Рейнъ.

4) Около Рейна (а м. б. въ другомъ мѣстѣ—позже у Васгенштейна) происходитъ битва съ преслѣдователями—гуннами, Вальтари побѣждаетъ ихъ и

5) возвращается съ Гильдегундой на родину, женится на ней и счастливо царствуетъ.

http://rcin.org.pl

Дальнѣйшее развитіе саги,—замѣна гунновъ бургундами и опредѣленіе роли въ ней Гагена,—совершалось постепенно подъ наплывомъ бытовыхъ и эпическихъ мотивовъ, которые съ достаточной полнотой сохранились въ Waltharius'ѣ, внесенные сюда изъ нѣмецкой саги, послужившей для него оригиналомъ.

---

http://rcin.org.pl

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

Ближе всего по содержанію и по времени написанія къ поэмѣ „Waltharius“ стоитъ сказаніе хроники (XI в.)[1]) Новалезскаго монастыря[2]) о Вальтари-монахѣ. Наше латинское стихотвореніе занимаетъ VIII и IX главы хроники; мѣстами стихи замѣщены прозаическими вставками, излагающими ихъ содержаніе. Подробное изложеніе знакомаго намъ разсказа идетъ до начала поединковъ; затѣмъ вкратцѣ сообщается объ убійствѣ десяти витязей, засадѣ и второй побѣдѣ Вальтари; о потерѣ имъ руки не упоминается, какъ и о ранахъ Гунтера и Гагена. Предыдущая VII глава разсказываетъ, что въ монастырѣ жилъ монахъ Waltharius знатнаго происхожденія и королевской крови, человѣкъ очень сильный. Слава о его подвигахъ была очень велика, прогремѣвъ на Востокъ и Западъ, по словамъ какого-то стихослагателя (versicanorus). Подъ старость онъ удалился въ монастырь, избравъ Новалезе, гдѣ ему понравилась строгость устава. Занятіемъ его было огородничество. X и XI главы разсказываютъ о томъ, какъ Waltharius, по порученію аббата, отправился добывать у разбойниковъ похищенную ими телѣгу съ монастырскимъ добромъ: разспросивъ у аббата, какъ ему держать себя въ случаѣ насилія со стороны разбойниковъ, онъ въ точности выполнилъ предписаніе; когда-же всѣ пункты послѣдняго были исчерпаны, монахъ расправился съ разбойниками по-своему, избивъ ихъ плечомъ теленка. Далѣе вкратцѣ говорится о его защитѣ обители отъ враговъ-язычниковъ и битвѣ съ слугами короля Дезиде-

---

[1]) Наход. въ Ломбардіи у подошвы Mont-Senis.

[2]) Выписка изъ „Waltharius'a“ относится ко 2-й полов. XI в., м. б. около 1060 г.

http://rcin.org.pl

рія, которые пасли лошадей его на монастырскомъ лугу. По словамъ хроники Waltharius отличался большой ревностью въ исполненіи монастырскаго устава.

Главы XII и XIII говорятъ о потомкахъ Waltharius'а: сынѣ Ратеріѣ и внукѣ Ратгальдѣ; разсказывается также, по какому поводу былъ найденъ гробъ Waltharius'а, который онъ построилъ себѣ своими руками, и въ которомъ былъ погребенъ вмѣстѣ съ внукомъ своимъ Ратгальдомъ [1]). Кости ихъ видѣлъ самъ хронистъ. Голова Ратгальда творила чудеса.

О потомствѣ Вальтари мы ничего не знаемъ изъ нѣмецкихъ сагъ и, по всему вѣроятію, имѣемъ дѣло съ монастырскимъ преданіемъ о какомъ-то монахѣ Waltharius'ѣ, къ которому была отнесена поэма, зашедшая въ отрывкахъ въ Новалезе. Во всякомъ случаѣ это итальянское преданіе нельзя разсматривать, какъ отдѣльный видъ саги, но какъ литературный феноменъ, касающійся скорѣе литературной исторіи сен-галленскаго Waltharius'а, нежели исторіи саги о Вальтари [2]). Преданіе о какомъ-то Waltharius'ѣ, удалившемся отъ свѣта для поисковъ монастыря со строгимъ уставомъ, существовавшее въ новалезскомъ монастырѣ, побудило хрониста присоединить сюда и нашу поэму, излагавшую, по его мнѣнію, разсказъ о прежнихъ подвигахъ того же Waltharius'а. Затѣмъ изъ извѣстныхъ сказаній о подвигахъ монаха—Вильгельма было составлено дополненіе о жизни Waltharius'а въ монастырѣ. Разсказъ о потомствѣ его, быть можетъ, относился первоначально къ новалезскимъ преданіямъ, когда тамъ еще не была извѣстна поэма Эккегарда; когда-же составилось „житіе“ Waltharius'а посредствомъ смѣси, приготовленной хронистомъ, онъ прибавилъ сюда и преданіе о Rathald'ѣ и Ratherius'ѣ.

Подвиги монаха Waltharius'а въ подробностяхъ напоминаютъ такіе-же изъ монашеской жизни св. Вильгельма. Въ мірѣ онъ былъ, подобно Вальтари, аквитанскимъ герцогомъ или королемъ и увелъ дѣву изъ языческой страны; онъ прославился при Карлѣ Вел. и сынѣ его Людовикѣ войнами съ сарацинами. Подъ конецъ жизни онъ удалился въ основанный имъ Геллонскій монастырь и умеръ тамъ въ 812 году. Въ концѣ XI в. онъ былъ канонизированъ, а еще ранѣе битвы его съ сарацинами воспѣвались во всей Франціи

---

[1]) Хронистъ говоритъ: hic (Rathaldus) filius fuit filii Walthari, nomine Ratherii, quem peperit ei Hildegunt, praenominata puella.

[2]) Гейнцель, 88 стр. Pauls Grundriss, XIV. A. Symons, стр. 709. Gervinus. Gesch. d. Deutsch. Dichtung. Leipzig, 1853, т. I, стр. 90.

http://rcin.org.pl

и, вѣроятно, въ Англіи. Народное преданіе создало цѣлый рядъ разсказовъ о геройскихъ подвигахъ, пріуроченныхъ къ его личности, и такимъ образомъ составился весьма распространенный циклъ Chansons de geste о Вильгельмѣ „au Court nez", который сталъ называться Оранжскимъ, когда это прозвище было перенесено къ нему отъ историческаго Вильгельма, жившаго въ половинѣ XII вѣка.

О его монашеской жизни есть двѣ поэмы. Первая составилась приблизительно около половины XI в., а вторая—во второй половинѣ XII в. Поступивъ въ монастырь, Вильгельмъ велъ себя не по монашески, подобно монаху Ильзану германскаго эпоса (XIII в.). Монастырская братія рада была отдѣлываться отъ своихъ безпокойныхъ собратій: она напутствовала проклятіями Ильзана, шедшаго на турниръ въ Розенгартенъ, а Вильгельма послала за рыбой черезъ лѣсъ въ надеждѣ, что тамъ его убьютъ разбойники. Въ послѣднемъ эпизодѣ съ Вильгельмомъ есть большое сходство съ разсказомъ Новалезской хроники о битвѣ монаха Waltharius'а съ разбойниками. Вильгельмъ и Waltharius ведутъ одинаковую бесѣду со своими аббатами, какъ имъ поступать, въ случаѣ насилія со стороны разбойниковъ; одинаковымъ-же способомъ—„мясомъ и костью" защищаются они, избиваютъ разбойниковъ и исполняютъ затѣмъ возложенныя на нихъ порученія. Далѣе, оба монаха-героя не разъ берутся за мечъ, вновь возвращаясь къ монашеской жизни по миновавіи надобности въ ихъ мощи. Совпаденія эти вполнѣ оправдываютъ мнѣніе Jonkbloet'а [1]), съ которымъ соглашается Гейнцель [2]), что въ новалезскій разсказъ перешло содержаніе chansons de geste. Такимъ образомъ въ пѣснѣ о Вильгельмѣ мы имѣемъ оригиналъ, а въ хроникѣ о Waltharius'ѣ—копію. По всему вѣроятію, новалезскій хронистъ не зналъ вовсе о Вальтари нѣмецкой саги, но имѣлъ передъ собой поэму, при чемъ не зналъ имени ея автора, такъ какъ называетъ его „quidam metricanorus" (Chron. Noval., c. VIII); неизвѣстнаго ему конца поэмы въ хронику онъ помѣстить не могъ.

Зародышъ мотива о герояхъ-монахахъ, Waltharius'ѣ и Вильгельмѣ, Гейнцель усматриваетъ въ исторіи аквитанскаго герцога или короля Гунвальда, сына Eudo, отца Waifhari, который, отказавшись отъ престола въ пользу сына, ушелъ въ 745 г. въ монастырь, но въ старости оставилъ его, чтобы сражаться на сто-

---

[1]) Guillaume d'Orange, 2, 138 стр.

[2]) Стр. 26.

http://rcin.org.pl

ронѣ Дезидерія противъ Карла Вел. Оба аквитанскіе героя и князя Wilhelm и Hunwald пошли въ монастырь, и совершенно понятно, что выработавшаяся исторія и типъ монаха-воина о второмъ были отнесены къ первому [1]), а затѣмъ и къ Вальтари, аквитанскому королю, какимъ является онъ въ „Waltharius'ѣ".

Повѣствованія о монахахъ, бывшихъ прежде воинами и королями, имѣя иногда историческія или бытовыя основы, вошли въ эпосъ различныхъ народовъ. Эти монахи вновь берутся за оружіе, когда въ этомъ является надобность. Духъ отваги и крѣпость мышцъ не оставляетъ этихъ витязей и подъ рясой. Я имѣлъ уже случай упомянуть объ Ильзанѣ, который послѣ 20-ти лѣтняго пребыванія въ монастырѣ, отправился съ Дитрихомъ и его витязями за розовыми вѣнками въ Розенгартенъ.

Изъ такихъ эпическихъ монаховъ мы знаемъ Вамбу, короля лонгобардовъ, Геймира (въ Вилькина сагѣ), Аспиліана, Ротера и Вольфъ-Дитриха; во французскомъ эпосѣ: Доона Майнцкаго, Могиса, Рено Монтабанскаго и Гедона; послѣдніе два, впрочемъ, отправляются паломниками въ св. землю. Въ эпоху крестовыхъ походовъ и позже рыцари, служа королю, въ то-же время принимали чуть-ли не монашескіе обѣты и были воинами Христа, защитниками его религіи и престола св. Петра,—„вооруженной силой на службѣ у безоружной истины" [2]).

Паломничество или удаленіе въ монастырь прежнихъ воиновъ, какъ средство замаливанія грѣховъ,—черта взятая эпосомъ изъ самой дѣйствительности, которая и на Руси даетъ примѣры постриженія въ монахи витязей. Дѣйствительная жизнь могла иногда своими событіями вновь побудить смиреннаго монаха сѣсть на коня и съ прежней отвагой мчаться въ бой [3]). Орестъ Миллеръ приводитъ въ примѣръ Войшелга изъ древней литовской исторіи. Говоря о воинствующихъ монахахъ на Руси нельзя не вспомнить иноковъ Сергіева [4]) монастыря, участвовавшихъ, по преданію, въ Куликовской битвѣ, и—позже—защиту Троице-Сергіевской Лавры монахами, среди которыхъ находились и бывшіе ратные люди. Объ удаленіи воиновъ подъ старость въ монастырь говоритъ и свидѣтель-

---

[1]) Гейнцель, стр. 26 и сл. Learned, 182.

[2]) L. Gautier La Chevalerie (Paris. 1884), стр. 20 слл.

[3]) Илья Муромецъ и богатырство кіевское, стр. 695.

[4]) Ослябя и Пересвѣтъ, названные богатырями: въ хронографѣ, перечислявшемъ убитыхъ на Куликовомъ полѣ, говорится: съ ними-же Александръ Пересвѣтъ и чернецъ Ослябя богатыри.

http://rcin.org.pl

ство Нестора, слушавшаго ихъ разсказы о современныхъ имъ битвахъ. Это явленіе русской жизни отмѣчено въ былинѣ о Михаилѣ Даниліевичѣ и Данилѣ Игнатьевичѣ [1]).

Данило просится у Владиміра въ монастырь, говоря, что прослужилъ ему—

. . . . да 50 годовъ,
Да убилъ я тобѣ видь 50 царевъ,
А темной силы убилъ—да той и смѣту нѣтъ,
Теперь мнѣ стало отъ роду 90 лѣтъ.
Ты спусти-тко, спусти, кн. Владиміръ, во монастырь пречестные,
Да во тѣ-ли спусти во кельи низкія,
Да спасти мнѣ-ка, спасти да душа грѣшная.
(Кир., III, 40).

На защиту „всему Кіеву" удаляющійся отъ міра богатырь оставляетъ сына своего Михайлушку. Когда явилась сила невѣрная, Данило благословляетъ сына, а затѣмъ и самъ, не выдержавъ искушенія, идетъ съ клюкою желѣзною „сорока пудовъ" къ нему на помощь; это, однако, оказалось лишнимъ, такъ какъ Михайлушка и самъ управился съ силой невѣрною. Сюда-же относится „Гисторія о кіевскомъ богатыре Михаиле сыре Даниловичѣ двенатцати летъ" (Сб. Тихонравова. По рукоп. нач. XVIII в.) Михаилъ побиваетъ песмѣтную силу Бахмета, но Владиміръ не вѣритъ его разсказу, благодаря навѣтамъ „лихого оговорщика". Когда-же Илья подтвердилъ достовѣрность подвига, князь хотѣлъ жаловать Михаила, но разобиженный богатырь отказывается: „отпусти ты меня къ батюшкѣ въ монастырь постричься". „Пріѣхавши въ тотъ монастырь поступилъ въ монашескій чинъ и сталъ въ томъ монастырѣ жить въ великой славѣ и чести до самой смерти своей".

Въ этомъ изводѣ былины утратился мотивъ о помощи сыну отца-монаха, быть можетъ, подъ вліяніемъ болѣе поздняго явленія русской жизни, когда обойденные княземъ служилые люди удалялись въ монастыри. Во всякомъ случаѣ вліяніе предыдущаго извода былины явно здѣсь сохранилось. Если въ „Гисторіи" отсутствуетъ конецъ о выходѣ изъ кельи Михаила, чтобы вновь сражаться съ силой невѣрной на защиту всему Кіеву, то другая былина о тѣхъ-же Данилѣ Игнатьевичѣ и Михаилѣ Даниліевичѣ

---

[1]) Рыбн., III, № 22, Кир., III, стр. 39 слл., 162; Сб. Тихонравова.

http://rcin.org.pl

даетъ характерный образъ бывшаго богатыря, идущаго въ бой съ невѣрными. Думая, что татары одолѣли его сына, инокъ идетъ къ нему на выручку:

Идетъ ступаетъ старый Данило Игнатьевичъ:
Платья у него черна бархату,
Шляпа у него земли греческой
И клюка у него 40 пудовъ.

Встрѣтивъ на пути сына, онъ грудью своей останавливаетъ богатырскаго коня его и говоритъ:

Я хотѣлъ окровавить свои платьица,
Старческія платьица, пустынныя,
Я хотѣлъ пройти всю землю изъ края въ край,
Хотѣлъ повырубить всѣхъ до единаго,
Не оставить поганыхъ больше на сѣмяна (Рыбн., I, № 22).

Въ былинахъ о Васильѣ Буслаевѣ мужики новгородскіе зовутъ его крестоваго батюшку, чтобы унялъ расходившагося Ваську. Живетъ онъ въ Сергіевомъ (Рыбн., I, № 56) (вар. Кирилловскомъ: ibid., № 57) монастырѣ и является въ полномъ вооруженіи, описанномъ эпическими образами: онъ одѣваетъ кафтанъ въ 40 пудъ, колпакъ (по друг. колоколъ) въ 40 пудъ, клюку беретъ въ 10 п. (12 п., 40 п.), а иногда даже (Рыбн., I, № 57) сѣдлаетъ своего добра коня. Это уже совершенно образъ богатыря, живущаго въ монастырѣ на старости, который при нуждѣ вновь становится воиномъ. Есть одна былина, гдѣ отсутствуетъ упоминаніе о томъ, что Старчище-Пилигримище—крестовый батюшка Васьки, но прямо указано на воинственныя черты монаха: ... мужики новгородчапа

Достали старца съ монастыря преугрюмова,
Несетъ онъ колоколъ въ 90 пудъ
И говоритъ онъ таково слово:
„Я иду—Василью смерть несу“ (Рыбн., II, № 38).

До сихъ поръ мы видѣли воинствующихъ монаховъ, живущихъ въ монастыряхъ; но есть въ былинахъ образы богатырей-паломниковъ, каликъ-перехожихъ съ шляпами земли греческой въ 40 п. и клюками въ 40 п. (90 п.). Сила, какою обладаютъ эти старчища-пилигримища, обнаруживаетъ въ нихъ богатырей въ калицьемъ образѣ, т. е. принявшихъ извѣстный обѣтъ послушанія, паломничество въ св. землю.

http://rcin.org.pl

Таковъ „сильный могучій Иванище“, который, разспросивъ встрѣченнаго татарина объ Идолищѣ, насильничающемъ въ Кіевѣ,

Какъ хватилъ татарина за руку,
Бросилъ его во чисто поле—
Разлетѣлись татарскія косточки (Рыб., I, № 17).

Василій Буслаевъ (Кир., V, стр. 25 и др.) также рѣшаетъ послѣ своей разгульной жизни очиститься паломничествомъ:

Смолоду бито много, граблено—
Подъ старость надо душа спасти.

Онъ отправляется въ Іерусалимъ, но его буйная натура не можетъ всецѣло проникнуться религіозной идеей; онъ не слушаетъ совѣтовъ и предостереженій матери [1]), но самоувѣренно заявляетъ:

А не вѣрую я, Васинька, ни въ сонъ, ни въ чохъ,
А вѣрую я въ свой червленый вязъ.

За неисполненіе завѣтовъ и насмѣшку надъ вѣщаніемъ „мертвой головы, человѣчьей кости“ онъ погибаетъ. Въ гибели этой эпосъ выразилъ наказанье Василія за неправые пути, которыми онъ шелъ къ спасенью своей души.

Совершенно иначе держатъ себя тоже спасающіе души „сорокъ каликъ со каликою“ [2]), ведомые Михаиломъ Потокомъ—атаманомъ, выбраннымъ ими (вар.: Касьяномъ, сыномъ Михайловичемъ или Ѳомой Ивановичемъ), они кладутъ зароки великіе и заповѣди крѣпкія: не красть, не лгать, не „пускаться на женскій блудъ“ и т. п.

Если спасенія не достигъ своенравный Василій, то крѣпко хранящіе свои завѣты калики добываютъ его, разомъ всѣ преставившись въ Іерусалимѣ у Іордана-рѣки (Сб. Тихонр., № 68). Хотя эти калики очень сильно проникнуты религіозной идеей и не проливаютъ крови напрасныя, однако сила ихъ богатырская по временамъ даетъ себя знать: прося милостыни, они такимъ голосомъ „скричали“, что дрожитъ мать-сыра-земля, листъ съ деревъ осыпается, а подъ княземъ Владиміромъ конь „окарачился“. Это то-же,

---

[1]) Напр. „Не купись, Васинька, голымъ тѣломъ въ Ердань-рѣкѣ“ и т. п.

[2]) Былины съ этимъ загл. у Рыбн., I, 39, 40; Кир., III, 83, Гильф., 72, 86, 96, 173, 301.

http://rcin.org.pl

говоритъ О. Миллеръ, что въ зап.-европейскомъ эпосѣ представляютъ намъ удалившіеся въ монастырь Вальтеры, Геймиры, Вильгельмы, или даже ставшіе, какъ наши 40 богатырей, именно, каликами (паломниками) Роланды и Гедоны. Они не выдерживаютъ новой своей каличьей роли и держатъ себя порою такимъ образомъ, что жутко становится отъ нихъ окружающимъ [1]).

Эпосъ не любитъ, чтобы лучшіе его герои кончали обыкновенной смертью: они или помѣщаются въ число святыхъ, какъ Вильгельмъ Оранжскій, Рено и самъ Карлъ Вел., или удаляются въ глубокія пещеры, гдѣ спятъ, опершись на мечъ до времени, когда опять надо будетъ имъ проснуться, какъ Фридрихъ Барбаросса, Марко кралевичъ и т. п. Любимый богатырь русскаго эпоса Илья Муромецъ, которому „смерть въ бою не написана“, оканчиваетъ свою жизнь окаменѣніемъ, удаленіемъ въ пещеры, гдѣ, по словамъ одной изъ былинъ, „почиваютъ его мощи нетлѣнныя“. Въ кіевскихъ пещерахъ долго показывались мощи Ильи, образъ котораго народное воображеніе реализировало и помѣстило въ число святыхъ. Я укажу нѣсколько былинъ, говорящихъ о смерти Ильи. Онъ находитъ животъ-богачество

И воздвигнулъ животъ во славный Кіевъ градъ,
И построилъ онъ церкву соборную,
Тутъ Илья и окаменѣлъ—
И по нынѣ его мощи нетлѣнныя (Рыбн., VII, стр. 53).

Вотъ образъ Ильи-монаха: въ послѣдней поѣздкѣ своей, Илья „наѣхалъ на многую несчетную золоту казну“ и

Взялъ какъ на это на имѣньице,
Построилъ монастыри богомольные,
Построилъ церкви соборныя,
Повелъ тутъ пѣніе церковное (Рыбн., II, № 62).

Объ окончаніи жизни Ильи въ пещерахъ кіевскихъ находимъ въ былинѣ о послѣдней его поѣздкѣ:

Пріѣзжае онъ во славный Кіевъ-градъ,
А по тымъ-ли онъ пещерамъ да по кіевскимъ,
А прилетала невидима сила ангельска,
А взимали-то ёго да со добра коня

[1]) О. Миллеръ. Илья Муромецъ и богатырство кіевское, 724—725 стр.

http://rcin.org.pl

И заносили въ пещеры ты во кіевски,
И тутъ-же вѣдь старый опочивъ держалъ (Гильф., № 313).

Былины, говорившія о такомъ удаленіи Ильи въ пещеры, очевидно, повліяли на другія толкующія его въ смыслѣ окаменения [1]). Въ одной „старинѣ" [2]) говорится объ удаленіи въ пещеры не только Ильи, но многихъ другихъ богатырей (обыкновенно былины изображаютъ ихъ гибель посредствомъ окаменѣнія послѣ похвальбы и сраженія съ „силой нездѣшнею" [3]): за похвальбу богатырей, побитая уже сила татарская поднимается вновь и „стало силы больше впятеро". Тогда они повинились Ильѣ, и ѣдетъ онъ къ нимъ на помощь съ богатырями. На шестые сутки Илья „покаялся Спасу Пречистому... и повалилась тутъ сила кровопролитная". Выкопавъ могилу и похоронивъ тѣла во сырой землѣ,

... Садились тутъ удалы на добрыхъ коней...
Заѣхали они во крашенъ Кіевъ-градъ,
Во тѣ-же во честны монастыри,
Во тѣ-же пещеры во кіевски—
Тамъ всѣ они и преставились.

Изъ этого краткаго обзора эпическихъ образовъ воинствующихъ монаховъ, можно видѣть, что удаленіе въ обитель могучихъ нѣкогда воиновъ, которые берутся при случаѣ за оружіе,—черта общая въ бытѣ и эпосѣ какъ русскомъ, такъ и западно-европейскомъ. Сравнивая, однако, типы западно-европейскихъ монаховъ-воителей съ русскими, мы не найдемъ въ послѣднихъ той беззастѣнчивой грубости и комическихъ выходокъ, какія видимъ въ Ильзанѣ и отчасти въ Waltharius'ѣ новалезскомъ и Вильгельмѣ: аскетическій духъ „византизма" [4]) наложилъ на нашихъ эпическихъ монаховъ свой отпечатокъ строгости и суровости, даже и тогда не покидающій ихъ, когда, вопреки монашескимъ обѣтамъ,

---

[1]) Дашкевичъ. Къ вопросу о происх. русск. был., стр. 254.

[2]) У Ефименка: Матер., вып. 2, № VIII, стр. 32.

[3]) Кир., IV, 108—115 стр.

[4]) Духъ этотъ настолько силенъ, что въ новгородскихъ Старчищахъ-Пилигримищахъ, одно названіе которыхъ привязываемое къ нѣмецкой формѣ Pilgrim, могло бы натолкнуть къ открытію чертъ сходства и въ отношеніи ироническаго обращенія со своимъ саномъ (какъ это видитъ проф. Веселовскій: Сол. и Кит., стр. 187); но мы не можемъ открыть и здѣсь даже чертъ легкаго комизма у Пилигримища, которыя вмѣстѣ съ названіемъ могли бы быть къ нему привязаны.

http://rcin.org.pl

они готовы „кровавить платьица пустынныя“. То-же можно замѣтить и относительно нашихъ каликъ: предавшись дѣлу спасенія души путемъ паломничества, они „совлекаютъ съ себя ветхаго человѣка“, воплощаютъ въ спасеніи всѣ свои идеалы и, отрѣшившись отъ всего земного, такъ-же далеки тогда отъ роландовыхъ чувствъ любви къ женщинѣ [1]), какъ и отъ прочихъ мірскихъ искушеній.

---

[1]) Правда, очень слабо привязанномъ къ Роланду въ Пѣснѣ о Роландѣ.

http://rcin.org.pl

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

Намеки на сагу о Вальтари и Гильдегундѣ, правда, въ другой обстановкѣ, мы находимъ въ Польшѣ въ памятникахъ XIV и XVI вв. Важнѣйшіе изъ этихъ памятниковъ слѣдующіе:

1) 29-ая глава хроники, написанной на лат. яз., такъ называемой Богухвала.

2) Kronika Swiata Бѣльскаго XVI в.

3) Геральдическая книга (Herby rycerstwa Polskiego) Папроцкаго.

1.

Хроника, называемая Богухваловой (по надписи на одной изъ рукописей: Boguphali II, episcopi Poznaniensis, chronicon Poloniae) состоитъ изъ нѣсколькихъ частей: названіе это она получила благодаря тому, что въ нее вошла, какъ часть, хроника познанскаго епископа Богухвала († 1253 г.), доведенная имъ до 1249 года; оригиналъ ея не найденъ, но извѣстны лишь списки. Продолжателемъ Богухвала считаютъ Годислава Паска, извѣстнаго и подъ именемъ Башкона (относ. ко второй половинѣ XIII и началу XIV вв.). Неизвѣстный компиляторъ XIV в., прибавивъ сюда извѣстія изъ другихъ анналовъ, составилъ эту хронику, какъ мы ее знаемъ, внеся много и современныхъ ему фактовъ. Sommersberg первый указалъ, что хроника Богухвала имѣла двухъ авторовъ [1]). Мнѣніе это было

---

[1]) Sommersberg. Silesiacarum rerum scriptores. II. Lipsiae. 1730.

http://rcin.org.pl

оспариваемо особенно сильно Мосбахомъ на томъ основаніи, что Богухвалъ не названъ авторомъ хроники въ томъ мѣстѣ, гдѣ говорится о его заслугахъ и ученыхъ занятіяхъ. Длугошъ, знавшій эту хронику, авторомъ ея называетъ не Богухвала, а Паска [1]).

Свое положеніе, основанное на разборѣ текста, Соммербергъ доказывалъ тѣмъ, что подъ 1249 годомъ [2]) въ хроникѣ видно, что въ составленіи ея принималъ участіе Богухвалъ; онъ именно говоритъ о себѣ въ первомъ лицѣ, разсказывая о своемъ видѣніи во снѣ. Правда, подписи здѣсь, указывающей имя автора, нѣтъ, но это не можетъ служить опроверженіемъ, такъ какъ по обычаю времени ни Галлъ, ни Кадлубенъ, ни Янъ изъ Чарнкова не оставили своихъ подписей на принадлежащихъ имъ сочиненіяхъ. Даже Длугошъ, знавшій хорошо старыя хроники, очень мало знаетъ объ ихъ авторахъ [3]).

Цейссбергъ полагаетъ, что Башко пользовался замѣтками Богухвала и разсказъ о сновидѣніи приводитъ въ первомъ лицѣ по ошибкѣ [4]). Бѣловскій [5]) доказываетъ, что сочиненіе Богухвала было самостоятельнымъ, цѣльнымъ трудомъ и внесено Паскомъ въ свою хронику съ дополненіями и прикрасами незначительнаго содержанія, особенно въ началѣ; въ концѣ-же, примѣрно съ 1250 г., Паска дополнилъ хронику описаніемъ современныхъ ему событій, что составляетъ самую цѣнную часть его труда. Такимъ образомъ Бѣловскій считаетъ эту хронику за совмѣстный трудъ Богухвала и Паска. При этомъ первая часть хроники не принадлежитъ Богухвалу, что́ видно изъ упоминанія о Пшемыслѣ, какъ королѣ, который былъ коронованъ въ 1296 г.,—а Богухвалъ умеръ въ 1253 г. По изслѣдованіямъ Вармскаго [6]) и Кентшинскаго (Kętrzyński), это произведеніе, излагающее исторію Польши до 1272 г., является въ компиляціи XIV в., которая для болѣе старыхъ временъ пользовалась сочиненіемъ Винцента Кадлубка, а отъ 1217 до 1272 г. главнымъ своимъ источникомъ имѣла великопольскіе анналы. Въ

---

[1]) Zeissberg. Die polnische Geschichtschreibung des Mittelalters. Leipzig. 1873, стр. 100.

Литература указана у Finkel'я: Bibliografia historyi polskiej. Lwów, 1891.

[2]) Monumenta Poloniae historica. wyd. Aug. Bielowski, т. II. Lwów, 1872. стр. 455.

[3]) Ibid., стр. 456.

[4]) Zeissberg, p. 101.

[5]) Mon. Pol., 445—6.

[6]) Warmski M. St. Die Grosspolnische Chronik, eine Quellenuntersuchung. Krakau, 1879.

http://rcin.org.pl

составленіи послѣднихъ познанскій епископъ Богухвалъ принималъ не много участія; гораздо больше внесъ въ эти анналы кустосъ познанскій Годиславъ Паска [1]). Такимъ образомъ, является установленнымъ, что Богухвалъ принималъ участіе, какъ авторъ отдѣльной части, въ составленіи велико-польской хроники; но опредѣлить точно границы его дѣятельности невозможно за отсутствіемъ для этого данныхъ. Несомнѣнно, что дошедшая до насъ хроника, называемая со времени Вармскаго—великопольской, представляетъ собою компиляцію XIV в., что видно изъ упоминанія познанскаго епископа Дамарата, ум. въ 1380 г. и Іоанна Лодзя, ум. въ 1346 г. [2]). О Богухвалѣ и Паскѣ мы имѣемъ краткія и отрывочныя свѣдѣнія. Богухвалъ, человѣкъ ученый и дѣльный [3]), былъ канторомъ познанскимъ и каноникомъ краковскимъ. Въ 1242 г. онъ былъ избранъ епископомъ познанскимъ (послѣ смерти Павла), уже вторымъ епископомъ того-же имени, и отличался нравственнымъ образомъ жизни и христіанскими добродѣтелями. Современникъ его Годиславъ Паска говоритъ [4]), что дни и ночи онъ проводилъ надъ чтеніемъ книгъ, которыхъ оставилъ очень много познанской каѳедрѣ. Умеръ онъ въ Сольцѣ (w Solcu), деревнѣ, принадлежавшей епископіи, 9 февраля 1523 г. Какъ епископъ, онъ имѣлъ большое вліяніе на внутреннія отношенія великопольскихъ князей, всегда защищалъ права церкви и творилъ добрыя дѣла изъ собственныхъ доходовъ. Таковъ нравственный обликъ Богухвала. О личности Годислава Паска извѣстно еще меньше. Первый разъ его имя упоминается, какъ подскарбія епископскаго у Богухвала II-го. Въ 1256 г. онъ уже былъ кустосомъ познанскимъ и присягалъ въ процессѣ между епископомъ познанскимъ Богухваломъ III-мъ и Богутой вмѣстѣ съ Герантомъ и каноникомъ Винцентомъ [5]). Послѣ смерти Богухвала III-го (1265 г.) капитулъ познанскій спорилъ съ архіепископствомъ Гнѣзднинскимъ

---

[1]) Гейнцель, 32—33.

[2]) Гейнцель, 33 стр.; Monum. Pol., стр. 459; Шепелевичъ: Нѣм. пов на слав. почвѣ. Харьк., 1885 г., стр. 8). Эти и другія дополненія о болѣе позднихъ событіяхъ свидѣтельствуютъ о третьемъ лицѣ, именно, компиляторѣ, составившемъ хронику.

[3]) „Vir litteratus et studiosus". Witae episc. poznan. Rękop. bibl. Oss. 619 str. 148 (Mon. Pol.).

[4]) Pod. 1253 rokjem.

[5]) Дѣло шло относительно половины озера Synie и половины рѣки Обры, бывшихъ издавна собственностью познанскаго епископства.

http://rcin.org.pl

о выборѣ епископа; по этому дѣлу Паска долженъ былъ съѣздить въ Римъ. Въ 1269 г. Паска подписался на посланіи епископа Николая познанскаго въ Доберлюгу. О времени его смерти положительно неизвѣстно; она относится, вѣроятно, къ самому началу XIV вѣка [1]).

Изъ источниковъ, которыми очевидно пользовался Богухвалъ, можно указать Винцента Кадлубка, который служилъ образцомъ для него и Галла; однако, вліяніе послѣдняго значительно меньше. Бѣловскій обращаетъ вниманіе на то обстоятельство, что Богухвалъ пользовался также тѣми источниками, которыми пренебрегали его предшественники,—это лѣтописи (rocznyky, annales historiae), находившіяся въ различныхъ церковныхъ записяхъ. Тѣ-же источники служили и Паску, который пользовался и устными преданіями [2]); въ виду тождества источниковъ одни и тѣ-же событія, часто даже въ тѣхъ-же выраженіяхъ, повторяются въ сборникѣ, изданномъ Соммерсбергомъ. Нѣтъ основанія утверждать, что и Богухвалъ чуждался пользованія устными источниками. Кому приписать недостатки хроники, сказать невозможно, въ виду отсутствія подлинныхъ рукописей Богухвала и Паска. 29-ая глава, которая излагаетъ исторію Вальтера и Гельгунды [3]), находится въ той части хроники, для которой источникомъ служилъ Винцентъ Кадлубекъ († 1223 г.); послѣдній, однако, ничего не говоритъ о нашей сагѣ. По мнѣнію Knoop'а (стр. 12), она въ его время несомнѣнно существовала, но была настолько незначительной, что Винцентъ не считалъ ее достойной упоминанія; въ его хроникѣ соотвѣтствующее мѣсто занимаетъ глава 20-ая 3-ей книги и принадлежитъ къ безчисленнымъ извѣстіямъ, источники которыхъ разыскать почти невозможно. Такъ какъ Паска дополнялъ Богухвала и дѣлалъ вставки въ его текстъ, а третье лицо все это объединило съ прибавленіями отъ себя, не обозначая границъ своей роли въ составленіи хроники, то я не возьму на себя рѣшить вопросъ, кому изъ нихъ можетъ принадлежать разсказъ 29-ой главы. Содержаніе его я приведу по тексту, напечатанному въ Monumenta Poloniae, въ нѣсколько сокращенномъ изложеніи.

---

[1]) Monum. Poloniae, pag. 455—458.

[2]) Zeissberg, стр. 104.

[3]) Такъ мы будемъ впредь называть героевъ польскаго сказанія соотвѣтственно написанію у польскихъ хронистовъ: Walterus, Walter, Walgierz и Helgunda, Heligunda.

http://rcin.org.pl

„Въ тѣ времена (т. е. въ 1-ой половинѣ XII в.), въ странѣ ляховъ былъ славный, хорошо укрѣпленный городъ Вислица, княземъ котораго былъ нѣкогда (olim), въ языческія времена (tempore paganissimo) Виславъ Decorus изъ рода Попеля. Въ это-же время въ Тынцѣ, около Кракова,—гдѣ теперь аббатство св. Бенедикта, основанное королемъ Казиміромъ Монахомъ,—жилъ графъ (comes) Вальтеръ Удалой (Walterus robustus), происходящій изъ того-же рода, по преданію (ut fertur), человѣкъ очень отважный и сильный; его по-польски (qui in polonico vocabatur) звали wdały Walter. Этотъ, овладѣвши въ битвѣ Виславомъ, посадилъ его въ оковахъ въ подземелье тынецкой башни и держалъ подъ крѣпкой стражей. Этотъ Вальтеръ былъ женатъ на дочери короля Франціи, которая была невѣстой какого-то аллеманскаго королевича. Ее, какъ говорятъ (ut ajunt), онъ увезъ тайкомъ въ Польшу не безъ большихъ опасностей. Этотъ королевичъ находился при дворѣ отца Гельгунды, чтобы научиться придворнымъ обычаямъ, а Вальтеръ, замѣтивши, что Гельгунда благосклонна къ этому жениху, однажды ночью, подкупивши стража, взошелъ на городскую стѣну и такъ сладко пѣлъ, что Гельгунда встала съ постели съ прочими дѣвушками и слушала его, забывъ о снѣ, пока онъ пѣлъ. На утро она спросила стража, кто это былъ. Тотъ отговорился незнаніемъ, не желая выдать Вальтера. Это повторилось и во вторую, и слѣдующія ночи. Тогда Гельгунда, подъ угрозою смертной казни, заставила стража выдать пѣвца; этотъ сначала запирался, но затѣмъ принужденъ былъ открыть, что пѣлъ Вальтеръ. Гельгунда, воспылавъ любовью, склонилась на его мольбы и отказала аллеманскому принцу, который, видя, что онъ позорно отвергнутъ ею и что Вальтеръ занялъ его мѣсто, сильно на него разгнѣвался и вернулся на родину, предупредивъ перевозчиковъ на Рейнѣ, чтобъ за перевозъ всякаго, кто будетъ ѣхать съ дѣвицей, брать марку золотомъ. Черезъ нѣкоторое время, Вальтеръ и Гельгунда, выбравъ удобный моментъ, бѣжали. На берегу Рейна съ нихъ потребовали марку золота и, получивши, отказались перевезти, пока не придетъ сынъ короля. Тогда Вальтеръ, считая опасной медлительность, сѣлъ на коня и, посадивъ за собой дѣвицу, быстрѣе стрѣлы переправился черезъ рѣку. Отойдя нѣсколько отъ рѣки, онъ услышалъ позади голосъ аллеманца, который его преслѣдовалъ: „вѣроломный! ты тайкомъ уѣхалъ съ царской дочерью и перешелъ Рейнъ, не заплативъ подати“. Остановись и будемъ сражаться: побѣдитель получитъ лошадь, оружіе и Гельгунду“. Вальтеръ на это безстрашно отвѣтилъ: „лжешь ты: марку я заплатилъ перевозчикамъ, а царскую дочь

http://rcin.org.pl

увелъ не силой, но она добровольно пошла за мной, такъ какъ я на ней хочу жениться". Они начали биться копьями, а когда тѣ поломались, стали биться мечами. Когда аллеманецъ встрѣчался во время битвы взоромъ съ Гельгундой, стоявшей въ сторонѣ, то, ободренный этимъ, заставлялъ Вальтера отступать; отступая, побуждаемый столько-же стыдомъ, сколько любовью, Вальтеръ собралъ всѣ силы и, напавъ на врага съ яростью, убилъ его. Взявши его лошадь и оружіе, радуясь двойной удачѣ, онъ отправился домой. Счастливо пройдя остальную часть пути, онъ прибылъ въ Тынецъ, гдѣ спокойно жилъ нѣкоторое время, залѣчивая раны. Здѣсь онъ узналъ, что Виславъ Прекрасный, господинъ Вислицы, въ его отсутствіе нанесъ обиды его подданнымъ. Принявъ это близко къ сердцу, Вальтеръ пошелъ на него войной, побѣдилъ и посадилъ въ оковахъ подъ стражей въ подземелье тынецкой крѣпости.

Черезъ нѣкоторое время, Вальтеръ, по обычаю, отправился для военныхъ подвиговъ. Когда въ его отсутствіе протекло уже два года, Гельгунда, тоскуя по супругу, сказала приближенной своей дѣвушкѣ, что она ни вдова, ни замужняя женщина, порицая тѣхъ, кто выходилъ замужъ за военныхъ людей, слишкомъ преданныхъ воинскимъ нравамъ. Эта дѣвушка, отбросивъ стыдливость (pudore ... protinus abjecto) и желая облегчить печаль госпожи, увеличивавшуюся все больше и больше, сказала ей, что въ башнѣ находится заключенный Виславъ, князь вислецкій, красивый и сильный мужчина. Несчастная (misera) совѣтуетъ выпустить его тайкомъ ночью и, насладившись, отвести обратно въ подземелье.

Гельгунда согласилась, не боясь дурныхъ послѣдствій—погубить жизнь и добрую славу (vitam et famam honoris exponere non metuens), и велѣла привести къ себѣ Вислава. Пораженная его красотой, она не только не отпустила его въ башню, но, связавшись неразрывными узами любви (indissolubili amoris vinculo compaginata), бѣжала съ нимъ въ Вислицу, покинувъ ложе своего супруга (proprii viri thoro prorsus derelicto). Виславъ, вернувшись къ себѣ, полагалъ, что достигъ двойной удачи; но это повлекло за собой гибель ихъ обоихъ (qui tamen—sc. duplex triumphus—in eventu dubio utrique necis apportabat interitum). Возвратившись въ Тынецъ, Вальтеръ съ удивленіемъ спросилъ у стражи, почему Гельгунда не вышла ему на встрѣчу; узнавъ, что Виславъ бѣжалъ при помощи стражи и увелъ съ собою Гильдегунду, Вальтеръ въ гнѣвѣ тотчасъ отправился въ Вислицу, куда вошелъ неожиданно.

http://rcin.org.pl

Виславъ въ то время былъ на охотѣ. Гельгунда, увидя Вальтера, бросилась предъ нимъ на колѣни и, увѣряя, что уведена Виславомъ силой, посовѣтовала спрятаться въ домѣ, обѣщая выдать ему Вислава. Онъ повѣрилъ обманщицѣ (deceptrici) и вошелъ въ крѣпкую комнату, гдѣ и былъ выданъ Виславу обманщицей (per deceptricem). Оба были очень рады; но большая радость часто влечетъ за собой печаль (gaudii extrema minime perpendentes, quos (quae) frequenter luctus mortis occupari (occupare) consuevit. Виславъ рѣшилъ наказать его сильнѣе, чѣмъ тюремнымъ заключеніемъ: онъ приковалъ его къ стѣнѣ желѣзными обручами такъ, что руки были протянуты, а ноги и шея высоко подняты. Здѣсь Виславъ велѣлъ поставить себѣ ложе и отдыхалъ съ Гельгундой въ лѣтнее время, забавляясь любовными утѣхами. У Вислава была двоюродная сестра, на которой, въ виду ея безобразія, никто не хотѣлъ жениться; ей Виславъ поручилъ стражу надъ Вальтеромъ, такъ какъ довѣрялъ ей больше всѣхъ. Она сжалилась надъ страданіями плѣнника и, отбросивъ дѣвичью стыдливость (pudore puellari prorsus remoto), спросила, не женится-ли онъ на ней, если она освободитъ его отъ оковъ и дастъ возможность отмстить за свой позоръ: Вальтеръ поклялся ей въ вѣрности до гроба и обѣщалъ, согласно ея желанію, не сражаться своимъ мечемъ съ ея братомъ; онъ просилъ ее принести его мечъ, висѣвшій въ спальнѣ Вислава, чтобы разбить имъ оковы. Когда оковы были разбиты, она спрятала мечъ за спиной Вальтера, такъ что въ удобный моментъ онъ могъ встать и выйти. На слѣдующій день въ полдень, когда Виславъ и Гельгунда забавлялись другъ съ другомъ, Вальтеръ сверхъ обыкновенія обратился къ нимъ: „какъ-бы вамъ показалось, если-бы я, свободный отъ оковъ, предсталъ предъ вами съ мечемъ, грозя местью?“ Въ страхѣ Гельгунда обратилась къ Виславу: „горе! я не видѣла меча въ твоей спальнѣ и забыла поискать его, увлеченная твоей любовью“. На это Виславъ возразилъ: „если-бы онъ имѣлъ и десять мечей, то безъ мастеровъ не могъ-бы разбить оковъ“. Но Вальтеръ явился предъ ними съ мечемъ въ рукахъ и, поднявши высоко руку съ мечемъ, выпустилъ его такъ, что онъ обоихъ разсѣкъ пополамъ. Такъ печально оба они окончили свою гнусную жизнь (sic uterque eorum detestabilem vitam miserabiiori fine conclusit). Гробница этой Гельгунды въ Вислицѣ, показывается желающимъ видѣть до настоящаго времени“.

Въ этомъ разсказѣ прежде всего бросается въ глаза рѣзко выраженная тенденція противъ женщинъ [1]) (мѣста эти отмѣчены

[1]) На это обратилъ вниманіе Гейнцель, стр. 35.

http://rcin.org.pl

параллельнымъ лат. текстомъ), встрѣчается въ 13-ой и 31-ой главѣ почти въ тѣхъ-же выраженіяхъ.

Въ 13-ой главѣ говорится о женахъ, которыя при королѣ Болеславѣ, 7 лѣтъ лишенныя мужей, ушедшихъ на войну, взяли себѣ въ любовники слугъ. Когда молва объ этомъ дошла до мужей [1]), они вернулись домой и съ большимъ трудомъ одолѣли укрѣпившихся измѣнниковъ, которыхъ казнили, жестоко расправившись съ невѣрными женами.

Въ 31-ой [2]) главѣ излагается характеристика Владислава II-го, человѣка по характеру добраго и справедливаго; но жена его, женщина очень жестокая и злая, совращала его съ пути справедливости и вооружала противъ братьевъ.

Объ этой женщинѣ (какъ и женщинахъ въ главѣ 29-ой: Гильдегундѣ, ея довѣренной служанкѣ и сестрѣ Вислава) хронистъ говоритъ совершенно въ духѣ аскетическаго презрѣнія къ женщинамъ, столь распространенномъ въ средніе вѣка въ Западной Европѣ и на Руси въ различныхъ „Словахъ о злобахъ женскихъ“ [3]): facilius leonis, говоритъ хронистъ, masueretur rabies, quam hujus feminae truculentia solius. Est enim juxta dictum cujusdam sapientis, atrox femina omni feroci bestia truculentior, et mansuetudo feminea omni severitate severior, juxta versus:

Faemina raro bona.
Sed quae bona.
Digna corona.

Столь послѣдовательно развиваемая тенденція противъ женщинъ въ хроникѣ могла бы служить указаніемъ къ опредѣленію ея автора (по крайней мѣрѣ главъ 29, 13 и 31-ой), если бы мы больше знали о характерахъ трехъ ея составителей. Можно, однако, утверждать, что эта часть хроники и морально-назидательный характеръ разсказовъ о невѣрныхъ женахъ, принадлежитъ одному лицу. Если при этомъ вспомнить о строгой нравственности Богухвала [4]), то, пожалуй, ему можно было бы приписать и вставку разсказа о Вальтерѣ. Однако, при отсутствіи болѣе положительныхъ данныхъ, я не рѣщусь отстаивать такого мнѣнія: вставка можетъ принадле-

---

[1]) Comperta igitur fama tantae proditionis ac nefarii sceleris etc... Monum Polon., p. 488.

[2]) Mon. Pol, p. 519.

[3]) Срв. Буслаевъ, „Мои досуги“, г. II, стр. 39 и сл.

[4]) См. выше о характеристикѣ Паска.

http://rcin.org.pl

жать и другимъ авторамъ хроники [1]). Болѣе осязательны указанія въ началѣ хроники на источники, которыми пользовался, по собственнымъ словамъ его, составитель ея въ концѣ XIII в. (здѣсь, очевидно, надо разумѣть Годислава Паска), въ царствованіе Пшемысла („Primilo rege hodie regnante“): prout ex historiis annalibus repperi, quae in diversis diversiarum ecclesiarum... conspexi et aliqua *ex narratione senum,* procerum Poloniae, quibus actus bellici et gesta temporum non ignara, immo nota fuere, didici et memoriae commendavi. Изъ этихъ словъ хрониста усматривается указаніе, что онъ не пренебрегалъ, но, напротивъ, придавалъ большое значеніе устнымъ источникамъ для своей лѣтописи. Нѣтъ основанія предполагать, что другой участникъ того-же труда, Богухвалъ, не пользовался этими источниками. Обратившись къ 29-ой главѣ, мы находимъ въ ней ясныя указанія на тотъ источникъ, которымъ пользовался авторъ: это слова *ut fertur,* относящіяся къ извѣстіямъ о фамиліи Вальтера, и—*ut ajunt* [2])—объ увозѣ имъ Гельгунды (относится къ цѣлому разсказу объ этомъ). Кромѣ этихъ нѣтъ никакихъ ссылокъ на историковъ и т. п., чѣмъ авторъ не преминулъ-бы воспользоваться. Изъ этого можно, я думаю, съ достаточнымъ основаніемъ заключить, что разсказъ былъ внесенъ въ хронику изъ устныхъ пересказовъ, въ которыхъ онъ сохранялся до этого времени. У предшествовавшихъ хронистовъ его нѣтъ; такимъ образомъ разсказъ этотъ оказывается вставкой,—онъ помѣщенъ при изложеніи событій XII-го вѣка (подъ 1135 годомъ), но время дѣйствія въ немъ относится къ эпохѣ язычества (olim... tempore paganissimo) [3]). Авторъ разсказа очень точно опредѣляетъ мѣст-

[1]) Knoop (Die Deutsche Walthersage u. die poln. Sage von W. und H., стр. 13—15) полагаетъ, что мѣсто въ хроникѣ о предпріятіяхъ Болеслава III противъ Галиціи и Венгріи (гдѣ находится и 29 глава) есть интерполяція XV в.; поводомъ къ ней послужила сильно развившаяся ненависть къ нѣмцамъ въ XIV и XV вв., перенесенная на Попелой и ихъ женъ, о которыхъ сложилась поговорка: нѣмецкія женщины всегда приносятъ несчастіе Польшѣ (предметомъ особенной національной ненависти была Rixa, жена Мечислава II). Въ виду этого и соединеніе обѣихъ частей саги въ Польшѣ Кпоор готовъ отнести на счетъ предвзятой мысли интерполятора и съ этой точки зрѣнія предлагаетъ разсматривать сагу о Вальтерѣ; но вѣдь мы отмѣчаемъ у автора великопольской хроники черту ненависти къ женщинамъ вообще, а не исключительно къ нѣмецкимъ. Кромѣ того, тенденція ненависти національной въ изложеніи сказанія въ великопольской хроникѣ вовсе не наблюдается.

[2]) См. выше

[3]) Гейнцель, стр. 34.

http://rcin.org.pl

ность, къ которой относятся излагаемыя имъ событія; такъ, называя castrum Tynecz, онъ подробно разсказываетъ, гдѣ Тынецъ находился, именно: prope Cracoviam, ubi nunc abbatia S-ti Benedicti per Casimirum monachum regem Polonorum... fundata consistit. Объясненіе хрониста, что „Walterus robustus" по-польски назывался wdały Walter, указываетъ на извѣстность сказанія о графѣ Тынецкомъ среди населенія близъ Кракова, въ окрестностяхъ Тынца и Вислицы, и о столкновеніяхъ этого Вальтера съ княземъ послѣдней. Разсказъ объ этомъ хронистъ слышалъ по-польски и вставляетъ его въ хронику, говоря о завоеваніи Вислицы русскими. Это совершенно ясно изъ словъ Walter wdały [1]), приводимыхъ хронистомъ, какъ оригинальныя, съ переводомъ по-латыни „Walterus robustus". Я не могу утвердительно говорить, слышалъ-ли хронистъ этотъ разсказъ на мѣстѣ его пріуроченія, т. е. въ Вислицѣ, по поводу видѣннаго имъ гроба Гельгунды, высѣченнаго въ скалѣ, или же передаетъ его, такъ сказать, со вторыхъ рукъ. Въ виду неточностей изложенія, послѣднее, быть можетъ, вѣроятнѣе. Гробница эта, находившаяся въ Вислицѣ, естественно возбуждала любопытство окрестныхъ жителей и путешественниковъ, удовлетворявшееся пріуроченнымъ къ ней сказаніемъ: разсказывалось оно, какъ это обыкновенно бываетъ въ такихъ случаяхъ, какъ слышанное отъ „старыхъ людей",—хранителей мѣстныхъ преданій. Мѣстными жителями они принимаются за достовѣрную исторію прошлаго времени, при чемъ указывается: такъ говорятъ старые люди. Поводомъ къ пріуроченію сказанія въ Вислицѣ послужила, по справедливому мнѣнію проф. Нэринга [2]), упомянутая гробница Гельгунды. Суще-

[1]) Карловичъ и Nehring (Ateneum, 1881 и 1883. Срв. Шепелевичъ: Нѣмецкая повѣсть на славянской почвѣ. Харьковъ, стр. 12 и 31; Гейнцель, стр. 39) указываютъ, что это слово русское. Если это и такъ, то вовсе отсюда нельзя заключить о томъ, что въ первый разъ оно употребляется по-польски хронистомъ для перевода „robustus" Соотвѣтствуя русскому „удалой", wdały могло проникнуть въ Польшу изъ Россіи (хотя это сомнительно) и стать употребительнымъ здѣсь для обозначенія того-же самаго понятія въ разговорномъ языкѣ, что и „удалой" въ русскомъ (напр. паленица удалая). Тутъ вовсе не было желанія хрониста „ославянить" Вальтера; какъ догадывается проф. Шепелевичъ (стр. 31), но приводится прозваніе Вальтера, какъ оно звучало въ польской рѣчи. Въ хроникѣ ясно объ этомъ говорится (... qui in polonico vocabatnr ..). Поэтому всякіе домыслы по поводу этого слова я считаю лишенными основанія. Кромѣ того, утвержденіе, что „wdały"—слово русское, а не общеславянское, не доказано.

[2]) Срв. Гейнцель, стр. 89 O. Knoop: Die Deutsche Walthersage und die polnische Sage von Walther und Helgunde. Posen. 1887, стр. 12.

http://rcin.org.pl

ствованіе гробницы я считаю фактомъ вполнѣ реальнымъ, такъ какъ невозможно предположить, чтобы ссылка на то, что „ее можно видѣть въ настоящее время“ была измышленіемъ хрониста. Напротивъ, это указаніе на существованіе гробницы Гельгунды должно было по тому времени служить непреложнымъ доказательствомъ истинности происшествій, разсказанныхъ о языческихъ князьяхъ Вислицы и Тынца. Откуда и какъ возникли эти разсказы,—вопросъ другой, но несомнѣнно, что среди мѣстныхъ жителей существовали разсказы о столкновеніяхъ въ давнія времена между Тынцемъ и Вислицей. Намекъ на нихъ видимъ въ томъ мѣстѣ 29-ой главы хроники, гдѣ говорится объ обидахъ, чинимыхъ Виславомъ жителямъ Тынца въ отсутствіе Вальтера.

Постоянныя столкновенія различныхъ племенъ въ тотъ моментъ соціологическаго развитія ихъ ведутъ г. Потканскаго [1]) къ предположенію, что наше сказаніе является отголоскомъ эпохи, когда восточная отрасль вислянъ имѣла временное преобладаніе надъ западной и что Вислица возвысилась на счетъ Кракова. Я не буду утверждать что сказаніе наше характеризуетъ какой либо опредѣленный моментъ этой борьбы, но во всякомъ случаѣ она представляетъ воспоминаніе объ одномъ изъ ея эпизодовъ.

Гейнцель [2]) высказываетъ мнѣніе, что авторъ хроники не имѣлъ для этого разсказа никакого писаннаго источника, но пользовался устнымъ преданіемъ или пѣснью. Существованіе подобной пѣсни мнѣ кажется слишкомъ сомнительнымъ; такъ какъ объ этомъ ни слова не говоритъ хронистъ, а затѣмъ, пѣсня, какъ матеріалъ, болѣе удобный къ передвиженію, вышла-бы за предѣлы краковской области и получила-бы болѣе широкое распространеніе; однако, никакихъ остатковъ такой пѣсни мы не знаемъ. Между тѣмъ наше сказаніе не только не стало достояніемъ пѣвцовъ, но было закрѣплено въ хроникѣ, а позже и въ геральдической книгѣ (въ XVI в.). Геральдистъ (см. ниже) ссылается на „историковъ“, чего онъ не могъ-бы сдѣлать въ томъ случаѣ, если бы этотъ эпизодъ воспѣвался пѣвцами, утративъ такимъ образомъ въ глазахъ современниковъ свою историческую правдоподобность. Если-бы такая пѣсня и существовала, то геральдистъ непремѣнно оговорился-бы, что разсказъ его „историковъ“ не долженъ быть смѣшиваемъ съ вымыслами пѣвцовъ.

На устный источникъ хрониста указываетъ часто встрѣчающіяся неясность и неполнота въ изложеніи, которое легко иска-

[1]) Potkański. Kraków przed Piastami. Варш., 1898 г.

[2]) Стр. 35—36. Learned. 185.

http://rcin.org.pl

жается благодаря случайностямъ устнаго пересказа забывчивости какъ разсказывающаго, такъ и слушателя; связь излагаемыхъ событій часто теряется, многое дополняется позже, а многое и совершенно остается безъ объясненія. Такой же характеръ носитъ и изложеніе нашего хрониста, по всему вѣроятію, заботившагося больше о подчеркиваніи негодности женщинъ, нежели о послѣдовательности въ разсказѣ.

Такъ напр., планъ и причина побѣга Вальтера и Гельгунды не сообщаются, и читатель не можетъ даже угадать никакого повода,—приказаніе нѣмецкаго принца переводчикамъ, очевидно, не полно: что Вальтеръ долженъ былъ остановиться можно лишь догадаться. Не сказано относительно того, что принцъ долженъ быть увѣдомленъ о прибытіи къ рѣкѣ пары, какъ и относительно возвращенія Вислава съ охоты. Во всемъ этомъ можно видѣть сокращенія хрониста, какъ по забывчивости подробностей, такъ и по небрежности его въ этомъ отношеніи [1]). Морально назидательный тонъ разсказа, о которомъ мнѣ случалось уже упоминать, принадлежитъ несомнѣнно пересказу хрониста, который разсказъ этотъ вставилъ исключительно ради содержащагося въ немъ, по его мнѣнію, правоученія; при этомъ „по духу времени и по вкусу“ онъ въ 29-ой главѣ, какъ и въ 13-ой и 31-ой, очень заботливо оттѣняетъ негодность фигурирующихъ женскихъ типовъ.

Итакъ, я полагаю, что вставка хронистомъ знакомаго ему изъ устныхъ преданій разсказа о Вальтерѣ, Виславѣ и Гельгундѣ, вызвана была не желаніемъ его отмѣтить эпизодъ, важный для исторіи Польши или Вислицы, о завоеваніи которой онъ далѣе говоритъ, но для проведенія излюбленной его идеи о коварствѣ и злобахъ женскихъ.

[1]) Къ числу очень темныхъ мѣстъ относится эпизодъ съ мечемъ, которымъ была убита преступная чета: по требованію сестры Вислава Вальтеръ не долженъ былъ употреблять противъ него меча, который она ему принесла изъ спальни брата. Это требованіе узнается лишь изъ отвѣта Вальтера. Далѣе Гельгунда говоритъ Виславу, что не нашла меча въ его спальнѣ,—слѣдовательно, Вальтеръ получилъ этотъ мечъ, которымъ и убилъ любовниковъ. Но, можетъ быть, обѣщаніе Вальтера, что онъ ... contra Wislaum fratrem nunquam dimicabit, должно означать, что онъ не будетъ сражаться съ Виславомъ его мечемъ. Если Вальтеръ и убилъ имъ Вислава, то это была его уловка, такъ какъ онъ выпустилъ мечъ изъ рукъ на лежащихъ измѣнниковъ, но не сражался съ Виславомъ, т. е. не кололъ его, не рубилъ и т. п. Кромѣ того, трудно понять, о чьемъ мечѣ идетъ рѣчь, такъ какъ часто смѣшивается въ разговорѣ о мечахъ мечъ Вальтера и Вислава. Выходитъ такъ, что Виславъ былъ убитъ собственнымъ мечемъ.

http://rcin.org.pl

2.

Совсѣмъ съ другой цѣлью приводится тотъ-же разсказъ, въ нѣсколько пополненномъ и измѣненномъ видѣ, геральдистомъ XVI вѣка Папроцкимъ; ему надо придать разсказу видъ историческаго факта и подтвердить достовѣрность его ссылками на свидѣтельство историковъ, какъ это онъ и дѣлаетъ. Глава, въ которой находится нашъ разсказъ, занимается фамиліей Topór-Starza. За источникъ выдается анонимный историкъ (historyk ananimos), причемъ приводится латинская цитата изъ произведенія этого „упомянутаго анонима“ (Ten pomienony Anonimos pisze--). Андрей изъ Тарнова, также названный Папроцкимъ, какъ источникъ, извѣстенъ намъ только отъ Папроцкаго; кромѣ этого мѣста онъ цитируетъ Андрея въ своемъ сочиненіи, говоря: „Башко былъ custos'омъ познанскимъ, какъ разсказываетъ о немъ исторія Андрея изъ Тарнова“ [1]). Разсказъ Папроцкаго о Вальтерѣ и Гельгундѣ излагается въ слѣд. видѣ: „Вальтера, графа въ Тыпцѣ, вспоминаютъ историки, каковы Andreasi de Tarnow (нынѣ утерянный) и еще убѣдительнѣе историкъ Anonymos (тоже утерянный),—онъ оставилъ польскую лѣтопись, писанную по-латыни безъ подписи своего имени,—о томъ, что тотъ, т. е. Вальтеръ, похитилъ франкскую королевну, по имени Гельгунду слѣд. образомъ“: Вальтеръ жилъ при дворѣ франкскаго короля, гдѣ пріобрѣлъ большую извѣстность своими подвигами и пользовался расположеніемъ королевской дочери Гельгунды, за которую сватался нѣмецкій королевичъ Аринальдусъ; но послѣднимъ дѣвица пренебрегала. Вальтеръ сталъ служить у отца Гельгунды—чашникомъ или стольникомъ, словомъ при столѣ. Желая еще больше привлечь къ себѣ любовь принцессы, онъ три ночи подъ рядъ игралъ на лютнѣ и пѣлъ передъ ея окнами, подкупивъ сторожей, чтобъ не выдавали его. Гельгунда влюбилась въ неизвѣстнаго пѣвца и подъ угрозами смерти заставила сторожей открыть его имя. Тѣ назвали Вальтера, любовь къ которому Гельгунды начала колебаться на сторону неизвѣстнаго пѣвца. Узнавъ, что пѣвецъ и Вальтеръ одно лицо, она стала любить его еще сильнѣе. Они рѣшили бѣжать. Нѣмецъ, зная объ этомъ, отправился домой, пылая местью, и приказалъ перевозчикамъ на Рейнѣ потребовать

[1]) Гейнцель (на стр. 52) справедливо отвергаетъ мнѣніе Семковича, будто Андрей былъ лишь обладателемъ великопольской хроники и что она именно и есть „анонимъ“ Папроцкаго.

http://rcin.org.pl

отъ ѣдущаго со стороны Франціи за перевозъ гривну золотомъ и задержать подольше. Когда Вальтеръ прибылъ, перевозчики забыли приказъ и перевезли его, но взяли плату. Королевичъ погнался за ними, догналъ и обозвалъ Вальтера измѣнникомъ, говоря, что онъ не заплатилъ за перевозъ и укралъ царскую дочь. Они вступили въ бой, условившись, что побѣдителю достанется все имущество побѣжденнаго. Вальтеръ убилъ нѣмца, храбро сражавшагося въ виду сильной любви къ Гельгундѣ, и поѣхалъ домой въ Тынецъ. Здѣсь онъ узналъ, что Вислимиръ, князь Вислицы, бывшій опекуномъ его имущества, обижалъ его подданныхъ. Такъ какъ онъ не хотѣлъ удовлетворить обиженныхъ, не смотря на просьбы Вальтера, то этотъ поймалъ его и посадилъ въ башню. Самъ-же, по волѣ короля, отправился на войну. Вскорѣ Гельгунда соскучилась и стала жаловаться на судьбу, говоря служанкѣ, что она ни вдова, ни замужняя. Эта посовѣтовала воспользоваться для утѣхъ любви красивымъ плѣнникомъ Вислимиромъ, котораго на ночь можно выпускать, а днемъ сажать въ тюрьму. Но Гельгунда влюбилась въ него и уѣхала съ нимъ въ Вислицу. Вальтеръ, вернувшись, удивился, почему жена не встрѣчаетъ его. Узнавъ о происшедшемъ, поѣхалъ онъ въ Вислицу, гдѣ засталъ ее одну. Вислимиръ былъ на охотѣ. Она умоляла о прощеніи и посадила мужа въ комнату Вислимира, обѣщая выдать его по возвращеніи головой. Когда онъ вернулся, она указала ему мѣсто, гдѣ спрятанъ мужъ. Вислимиръ со слугами связалъ его крѣпкими цѣпями, приковалъ къ стѣнѣ и поручилъ стражу своей родной сестрѣ Рынгѣ. Черезъ нѣкоторое время она, сжалившись надъ Вальтеромъ, предложила ему свободу, если онъ женится на ней; она-же была такъ безобразна, что никто изъ равныхъ не хотѣлъ на ней жениться. Желая освободиться отъ пытки, а онъ сидѣлъ закованный на желѣзномъ быкѣ, Вальтеръ обѣщался жениться на ней. Она дала ему мечъ и освободила, но онъ выжидалъ удобнаго момента. Когда, по обыкновенію, Вислимиръ и Гельгунда шли полежать въ ту комнату, въ которую было сдѣлано окно изъ погреба, гдѣ сидѣлъ Вальтеръ, этотъ обратился къ нимъ, говоря: „что было-бы, если-бы я отмстилъ вамъ ва свою обиду“. Вислимиръ успокоилъ тревогу Гельгунды и отвѣтилъ Вальтеру, что простилъ-бы ему даже свое убійство, такъ какъ надѣялся на вѣрность Рынги. Когда любовники беззаботно лежали, Вальтеръ пронзилъ ихъ обоихъ на ложѣ до земли; затѣмъ уѣхалъ, захвативъ сокровища, съ Рынгой, которая сдѣлала такъ, что убійство Вислимира и бѣгство Вальтера осталось незамѣченнымъ. „Тѣло этой Гельгунды было погребено въ Вислицѣ и на

http://rcin.org.pl

камнѣ было высѣчено ея лицо, которое видѣли въ замкѣ въ 1242 г., какъ подтверждаетъ Andreas de Tarnów" [1]).

Интересно рѣшить вопросъ, въ какомъ отношеніи стоитъ разсказъ Папроцкаго и названные имъ историки къ хроникѣ Богухвала и Паска, т. н. великопольской хроникѣ.

При сравненіи разсказа Папроцкаго съ разсказомъ хроники видно, что у перваго онъ гораздо полнѣе, многіе пропуски и неточности, находящіеся въ хроникѣ, у него отсутствуютъ; онъ болѣе слѣдитъ за связью излагаемыхъ событій. Такъ напр., у Папроцкаго есть указаніе на рѣшеніе Гельгунды бѣжать съ Вальтеромъ;—приказаніе нѣмецкаго принца перевозчикамъ изложено отчетливѣе, при чемъ выясняется его планъ задержать бѣглецовъ у переправы [2]);—отъѣздъ Вальтера изъ Тынца мотивированъ волей короля; неясностей въ эпизодѣ съ мечемъ нѣтъ, такъ какъ онъ сокращенъ; разсказъ закончeнъ возвращеніемъ Вальтера съ Рынгой въ Тынецъ, при чемъ они увезли сокровища; объяснено, что смерть Вислимира осталась незамѣченной слугами, благодаря какимъ-то уловкамъ Рынги.

Съ другой стороны, изложеніе Папроцкаго, по справедливому замѣчанію Гейнцеля (стр. 43), имѣетъ такой видъ, будто, списывая съ одного источника, онъ затѣмъ добавлялъ по другому. Такой характеръ прибавокъ носитъ, напр., поясненіе объ имени и безобразіи Рынги, о желѣзномъ быкѣ, о помѣщеніи Вальтера въ погребъ, изъ котораго окно выходило въ ту комнату, гдѣ отдыхалъ Вислимиръ съ Гельгундой. Авторъ ссылается на двухъ историковъ. Что принадлежитъ Андрею (т. е. на сколько это можно заключать единственно изъ указанія Папроцкаго),—это происхожденіе Вальтера изъ рода Topór и то, что изображеніе лица Гельгунды, высѣченное на камнѣ (очевидно надгробномъ) въ замкѣ, можно было видѣть въ 1242 году. Если вѣрить Папроцкому, что въ это время дѣйствительно жилъ Андрей и понимать это мѣсто такъ, что онъ самъ видѣлъ изображеніе Гельгунды въ Вислицѣ,—то это нисколько не противорѣчитъ ссылкѣ Папроцкаго на Андрея въ описаніи Паска (Башко), какъ кустоса познанскаго: въ этой должности онъ состоялъ съ 1256 года.

---

[1]) Я съ сокращеніями цитирую по русскому переводу проф. Шепелевича въ его „Нѣм. пов. на слав. почвѣ. Харьк., 1885 г., стр. 10—15 (у Гейнцеля „Ueber die Walthersage" есть нѣмецк. перев.) по изд. „Herby rycerstwa polsk.", wyd. Krak. 1858 od str. 59. Paprocki.

[2]) Самая переправа черезъ Рейнъ описана иначе.

http://rcin.org.pl

Что именно еще принадлежитъ этому Андрею неизвѣстно. но очевидно, что источникомъ для большей части остальныхъ извѣстій, сообщаемыхъ Папроцкимъ, должно считать, по его указанію, какого-то „анонима“.

Совершенно неосновательно мнѣніе, какъ это доказалъ Гейнцель [1]), будто подъ этимъ анонимомъ надо разумѣть великопольскую хронику, а то, чего въ ней нѣтъ,—приписывать Андрею: на анонима, какъ историка, написавшаго свое сочиненіе на латинскомъ языкѣ, Папроцкій ссылается не только въ нашемъ разсказѣ; кромѣ того, онъ не отождествляетъ его съ великопольской хроникой, такъ какъ знаетъ и цитуетъ сочиненіе Паска [2]); онъ знаетъ и Богухвала, какъ познанскаго епископа, но никогда не говоритъ о немъ, какъ о писателѣ [3]). Самымъ сильнымъ доказательствомъ того, что „анонимомъ“ Папроцкаго не была великопольская хроника, я считаю отсутствіе у послѣдняго тѣхъ свѣдѣній, какія были въ этой хроникѣ. Это обстоятельство настолько сильно устраняетъ всякія возраженія, что становится удивительнымъ самое ихъ существованіе. Дѣло въ томъ, что, назвавши анонимъ „очень обстоятельнымъ“, Папроцкій пропустилъ очень многое, что дало-бы ему очень интересныя подробности, до которыхъ онъ вообще большой охотникъ: борьба Вальтера съ нѣмецкимъ принцемъ разсказана короче, чѣмъ въ хроникѣ, тогда какъ въ ней находится эффектный эпизодъ о взглядѣ возлюбленной, сообщающемъ новыя силы сражающемуся за нее; отсутствуетъ упоминаніе о ранахъ, полученныхъ Вальтеромъ въ этой битвѣ; не сообщается о помощи стражи, благодаря которой Виславъ бѣжалъ изъ Тынца съ Гельгундой (см. въ хроникѣ: ...cum didicisset, qualiter Wislaus de immo turris, *custodum fretus auxilio*... Helgundam secum asportasset...); нѣтъ разсказа о смерти Вислава черезъ выпаденіе меча изъ рукъ Вальтера и его хитрости въ этомъ, такъ какъ онъ не хотѣлъ нарушить обѣщанія. даннаго сестрѣ Вислава. Кромѣ этихъ пропусковъ, сравнительно съ хроникой, у Папроцкаго многое прибавлено или разсказано иначе. нежели въ послѣдней: названы имена Аринальда и Рынги; имя Вислава измѣнено въ Вислимира, Гильдегунды (хрон.)—въ Гильгунду; говорится о службѣ Вальтера у франц. короля, о презрѣніи Гельгунды къ нѣмцу, что противорѣчитъ сообщенію хроники; пѣніе *подъ теремомъ*

[1]) Стр. 42—48.

[2]) Стр. 46—47.

[3]) Ibid., стр. 47.

http://rcin.org.pl

и игра на лютнѣ, тогда какъ, по хроникѣ, Вальтеръ пѣлъ на городской стѣнѣ, и не сказано объ аккомпаниментѣ на лютнѣ; прибавлено, что Вальтеръ не сердился на выдавшихъ его сторожей; Вальтеръ заключенъ въ погребѣ съ окномъ въ сосѣднюю комнату, а не въ coenaculum; способъ пытки посредствомъ желѣзнаго быка вмѣсто прикованія къ стѣнѣ.

Почему-же Папроцкій, кромѣ всего этого, не упоминаетъ названія Вальтера robustus—wdały и выводитъ его изъ рода Topor'a (по Андрею), а не изъ рода Попеля, какъ это все было у его „обстоятельнаго“ анонима? Отвѣтъ на это одинъ, именно, что „анонимъ“ вовсе не представлялъ собою хронику Богухвала и Паска. Такъ какъ разсказъ этой хроники все-же, какъ въ общемъ содержаніи, такъ и во многихъ подробностяхъ, совпадаетъ съ изложеніемъ Папроцкаго, то—для опредѣленія „анонима“ его—Гейнцель высказываетъ два предположенія: „или Папроцкій и авторъ хроники пользовались утеряннымъ нынѣ анонимомъ, который въ исторіи Польши на латинскомъ языкѣ разсказывалъ о Вальтерѣ и Гельгундѣ,—или этотъ анонимъ есть переработка 29-й главы хроники, въ которой встрѣчаются и пропуски, и *дополненія*“ [1]).

Первое изъ этихъ предположеній должно отвергнуть на основаніи яснаго указанія въ хроникѣ Богухвала-Паска на устный источникъ разсказа [2]); второе-же я готовъ считать болѣе вѣроятнымъ, такъ какъ, во-первыхъ, Папроцкій говоритъ объ анонимѣ, написавшемъ исторію на латинскомъ языкѣ и приводитъ изъ него цитаты [3]), а во-вторыхъ, Папроцкій вообще пользовался для своего сочиненія какой-то неизвѣстной намъ компиляціей изъ различныхъ хроникъ, которая въ нѣкоторыхъ частяхъ весьма сходна съ великопольской хроникой, а иногда и обширнѣе ея [4]). Возникаетъ вопросъ, откуда могли быть взяты *дополненія* для нашего разсказа; для нихъ опять придется искать источника, который долженъ оказаться или болѣе распространенной редакціей того-же разсказа, о которой мы не знаемъ, или-же устнымъ преданіемъ о стародавнихъ князьяхъ Вислицы и Тынца, которое, кромѣ того, все-же должно лежать въ основѣ предполагаемой Гейнцелемъ утерянной хроники. Въ виду сходства редакцій великопольской хроники и Папроцкаго, какъ и его „историковъ“, несомнѣнно, что первоисточникъ у всѣхъ—

[1]) *Курсивъ* мой. Гейнцель, стр. 48.

[2]) См. стр 222 и слл.

[3]) См. стр. 233 и 240.

[4]) См. у Гейнцеля, 48, 49 и 50.

http://rcin.org.pl

общій, именно: устное преданіе, служившее исходнымъ пунктомъ для этихъ редакцій. Такимъ образомъ, я полагаю, что анонимъ Папроцкаго въ данномъ мѣстѣ состоитъ изъ бывшей у него неизвѣстной намъ компиляціи хроники Богухвала-Паска, — мѣстами болѣе полной, мѣстами сокращенной, написанной на латинскомъ языкѣ. Изъ сочиненія неизвѣстнаго намъ Андрея Папроцкій также, судя по его словамъ, черпалъ нѣкоторыя свѣдѣнія. Что хроника Богухвала-Паска въ предполагаемой компиляціи могла быть сокращенной въ нѣкоторыхъ частяхъ, по крайней мѣрѣ относительно разсказа 29-ой главы (о Виславѣ и Вальтерѣ, языческихъ князьяхъ польскихъ), мнѣ представляется совершенно понятнымъ: если авторъ этого разсказа въ великопольской хроникѣ подробно развиваетъ его содержаніе, чтобы остановиться на идеѣ о порочности женщинъ, пользуясь случаемъ для проведенія морали, то для другого компилятора ни эта тенденція, ни генеалогія этихъ стародавнихъ князей, не представляли въ подробностяхъ ничего интереснаго для занесенія ихъ въ хронику [1]). Эта краткость изложенія доказывается умолчаніемъ Папроцкаго объ интересныхъ для него подробностяхъ [2]) и причисленіемъ Вальтера къ роду Попеля, а не Топора. Подробности, отсутствовавшія у анонима и еще болѣе краткаго Андрея, которыя состоятъ съ одной стороны въ связи и округленіи отдѣльныхъ частей разсказа, съ другой — въ отмѣнахъ его содержанія, остается приписать самому Папроцкому; онъ-же, естественно, объ этомъ умалчиваетъ и ссылается на „историковъ", слагая на нихъ отвѣтственность за всѣ сообщаемые факты, такъ какъ ему надо придать разсказу вполнѣ историческій характеръ.

Наиболѣе останавливающими вниманіе изъ этихъ подробностей являются отсутствующія у Богухвала-Паска (а слѣдовательно и у сохранившаго для Папроцкаго ихъ разсказъ анонимнаго компилятора) имена Аринальда и Рынги, а также измѣненіе Вислава въ Вислимира. Гейнцель колеблется, приписать-ли названіе этихъ именъ Андрею, или утерянной для насъ передѣлкѣ 29-ой главы [3]); я полагаю, однако, что краткость этой компиляціи заставляетъ скорѣе отнести ихъ къ Андрею или самому Папроцкому. Утверждать положительно объ этомъ я не имѣю основательныхъ данныхъ, хотя нѣтъ ничего невѣроятнаго, что Папроцкій самъ могъ вставить эти по-

[1]) Разсказъ о Вальтерѣ, Гельгундѣ и Виславѣ могъ быть приведенъ въ сжатомъ видѣ для указанія древности Вислицы, о которой далѣе идетъ рѣчь.

[2]) См. выше, стр. 74.

[3]) Стр. 52, Гейнцель.

http://rcin.org.pl

чему-либо выбранныя имъ имена, чтобы придать сообщенію болѣе убѣдительный характеръ. Впрочемъ, есть еще одинъ путь, благодаря которому эти имена и многія подробности легко могли стать извѣстными Папроцкому, именно: онъ лично могъ слышать сказаніе, сообщаемое довольно сжато у анонима и Андрея, съ упоминаніемъ именъ (Аринальда, Рынги и Формы-Вислимиръ) и прочими дополненіями. Это предположеніе подтверждается тѣмъ обстоятельствомъ, что краткій анонимъ легко могъ не говорить о такихъ подробностяхъ, какъ пѣніе Вальтера (съ игрою на лютнѣ, чего даже нѣтъ въ великопольской хроникѣ), настойчивость Гельгунды узнать имя пѣвца и отказъ сторожей сообщить его, условіе Вальтера съ Рынгой и т. п.. Андрей, судя по отзыву Папроцкаго, еще болѣе кратко сообщаетъ ту-же исторію, а потому легко допустить, что многія подробности заимствованы Папроцкимъ непосредственно изъ сказанія для пополненія того, что онъ зналъ изъ своихъ „историковъ". На устный источникъ онъ не ссылается въ виду понятныхъ причинъ.

Такимъ образомъ, совпаденіе въ общемъ ходѣ разсказовъ Папроцкаго и великопольской хроники я объясняю тѣмъ, что анонимъ Папроцкаго есть сокращенная анонимная компиляція великопольской хроники. Такое объясненіе возможно только въ томъ случаѣ, если вполнѣ вѣрить Папроцкому, что онъ дѣйствительно имѣлъ въ рукахъ сочиненіе анонимнаго историка (напис. на лат. яз.), въ которомъ былъ и разсказъ о Вальтерѣ. Что-же окажется, если Папроцкій ссылается на историковъ просто по привычкѣ средневѣковыхъ писателей цитировать какіе бы то ни было источники [1]), да еще при желаніи обставить свой разсказъ возможно правдоподобнѣе? Въ этомъ случаѣ придется признать, что онъ, помѣщая разсказъ, слышанный имъ въ устной передачѣ, придаетъ ему историческій видъ ссылками на „анонима", оказывающагося болѣе „обстоятельнымъ", чѣмъ Андрей, современникъ Богухвала и Паска. О существованіи этого Андрея мы знаемъ лишь по Папроцкому, который ссылается на него, говоря о Паскѣ [2]); въ данномъ случаѣ, мнѣ кажется, не слѣдуетъ подозрѣвать Папроцкаго въ измышленіи личности Андрея, такъ какъ сообщаемыя имъ свѣдѣнія согласуются съ установленными данными о Паскѣ. Откуда-же могъ черпать Андрей извѣстія о фамиліи Вальтера (т. е. къ какой онъ принад-

[1]) Сомнѣніе, высказанное Шепелевичемъ. Нѣм. пов. etc,. стр. 15.
[2]) См. выше 73.

http://rcin.org.pl

лежалъ)? Намекъ на разъясненіе этого вопроса можетъ дать указаніе Папроцкаго, что Андрей видѣлъ (но, можетъ быть, только слышалъ отъ видѣвшаго: это у Папроцкаго не вполнѣ ясно) гробницу Гельгунды въ 1242 г. въ Вислицѣ, гдѣ жило приводимое въ великопольской хроникѣ преданіе, которое стало ему извѣстнымъ. Быть можетъ, варіанты мѣстнаго сказанія причисляли Вальтера къ другому извѣстному роду, а не къ тому-же, къ какому принадлежалъ его врагъ: было-бы неудобно ставить во враждебныя отношенія представителей одного и того-же рода, и могли возникнуть варіанты, исправлявшіе это неудобство. По мнѣнію Knoop'a, Виславъ считался въ роду Попелей, благодаря развившейся въ XIV—XV вв. ненависти къ нѣмцамъ, и къ этой фамиліи: какъ похититель чужой жены, онъ необходимо долженъ былъ считаться представителемъ нелюбимаго рода [1]). Я полагаю, что въ данномъ случаѣ дѣло шло скорѣе объ „отчисленіи" Вальтера изъ рода Попелей.

Если въ извѣстное время сочувствіе мѣстныхъ жителей было не на сторонѣ фамиліи Топоръ, то возмездіе за преступленіе Вислава рукою представителя болѣе любимаго рода могло стать по вкусу народа, приставившаго Вальтера къ этой фамиліи.

Такія предположенія могутъ удовлетворительно объяснить происхожденіе разногласій между великопольской хроникой и Папроцкимъ относительно рода, къ какому принадлежалъ тынецкій графъ Вальтеръ.

Были-ли имена Арнальда и Рынги въ сказаніи вислицкомъ, доказать я не въ состояніи; возможно и то, что Папроцкій вставилъ ихъ изъ собственнаго измышленія.

3.

Въ „Kronika Swiata" XVI в., написанной Бѣльскимъ, разсказъ о Вальтерѣ и Гельгундѣ приводится въ слѣдующемъ видѣ [2]): „о Вислицѣ разсказываютъ, что этотъ городъ, хорошо укрѣпленный по своему мѣстоположенію и когда-то довольно большой, былъ (въ 1-ой половинѣ XII в.) разрушенъ до основанія русскими. Упоминается также анонимомъ о князѣ Виславѣ, котораго тынецкій графъ изъ фамиліи Topór заключилъ въ тюрьму; но князь Виславъ былъ освобожденъ женой тынецкаго графа Вальтера, которая сдѣлала

---

[1]) O Knoop Die Deutsche Walthers. etc., стр. 14.

[2]) По Гейнцелю, стр. 53—54

http://rcin.org.pl

это изъ состраданія во время отсутствія мужа. Она была француженка, дочь французскаго короля, по имени Гельгунда. Графъ тынецкій Вальтеръ встрѣтился съ нею слѣд. образомъ: онъ былъ при дворѣ французскаго короля и дѣвица въ него влюбилась, но отецъ не хотѣлъ отдать ее Вальтеру, такъ какъ онъ былъ иностранецъ. Тогда они убѣжали ночью, захвативши съ собой драгоцѣнности и деньги. Этому препятствовалъ одинъ нѣмецъ, который тоже ее любилъ: онъ поспѣшилъ за ними, боролся съ Вальтеромъ изъ-за дѣвицы; но нѣмецъ палъ, а Вальтеръ съ принцессой отправился въ Польшу. Но Гельгунда, позволивъ себя увезти одному, на то-же согласилась и съ другимъ, т. е. убѣжала съ Виславомъ, княземъ Вислицы во время двухлѣтняго отсутствія Вальтера, который, привыкши къ придворной службѣ, скучалъ дома съ женою. Вернувшись, онъ удивился, что жена не вышла къ нему на встрѣчу, какъ дѣлала это всегда; на его разспросы ему отвѣтили, что жена его убѣжала съ Виславомъ. Взбѣшенный, онъ поспѣшилъ въ Вислицу съ намѣреніемъ напасть на него немедля и отмстить, хотя-бы для этого пришлось разстаться съ жизнью. Вислава не было дома: онъ былъ на охотѣ. Жена-же, увидѣвъ случайно изъ окна мужа, бросилась къ нему и обняла, какъ мужа, жалуясь, что ее увели силой и умоляла отмстить. Тутъ же она ему посовѣтовала спрятаться въ комнату и подождать, пока она извѣститъ о прибытіи измѣнника, чтобы его легче и вѣрнѣе схватить. Бѣдняга ей повѣрилъ, но когда Виславъ прибылъ, она указала ему убѣжище мужа. Виславъ схватилъ его, велѣлъ крѣпко заковать, чтобы сдѣлать ему невозможнымъ всякое бѣгство. Для большей пытки онъ приказалъ приковать его за шею въ своей спальнѣ, а надзоръ за нимъ поручилъ своей сестрѣ: она была безобразна и никто не хотѣлъ на ней жениться. Вальтеръ вступилъ съ нею въ переговоры, обѣщая на ней жениться и хорошо жить до самой смерти, если только она освободитъ его. Когда-же онъ ей поклялся, она его расковала и дала мечъ, взятый у изголовья ея брата во время его сна. Когда Виславъ и Гельгунда проснулись, Вальтеръ сказалъ имъ: „чтобы вы сказали, если-бы, разбивши цѣпи и шейные кайданы, я убилъ-бы васъ?“ Гельгунда испугалась и шепнула Виславу: „милый, право, нѣтъ здѣсь твоего меча“.—„Не бойся, милая, отвѣтилъ Виславъ, трудно было-бы ему разбить цѣпи и кайданы“. Какъ только онъ это произнесъ, вскочилъ Вальтеръ съ обнаженнымъ мечемъ, бросился на нихъ, поразилъ обоихъ и „отмстилъ грозно за свои страданія и позоръ“. Историкъ разсказываетъ, что еще въ его время въ замкѣ Вислава была могила Гельгунды“.

http://rcin.org.pl

По мнѣнію Карловича, Бѣльскій пересказываетъ 29-ую главу великопольской хроники, хотя ссылается на какого-то анонима. Гейнцель[1]) также полагаетъ, что ему была извѣстна великопольская хроника или какое нибудь сочиненіе, гдѣ разсказъ этотъ былъ въ томъ-же видѣ, какъ въ послѣдней; что Бѣльскій называетъ свой источникъ „анонимомъ", — это можетъ зависѣть (по Гейнцелю) отъ того, что онъ имѣлъ хронику безъ подписи автора. Мнѣ кажется, что, во всякомъ случаѣ, связь разсказа Бѣльскаго съ редакціей хроники очевидна. Полное сходство начинается съ того мѣста, когда Вальтеръ возвращается домой послѣ 2-хъ лѣтняго отсутствія (этотъ срокъ не обозначенъ у Папроцкаго) и не застаетъ жены; онъ отправляется въ Вислицу; Гельгунда оправдывается, что Виславъ увелъ ее силой; Вальтеръ заключенъ въ комнатѣ, гдѣ спали Виславъ и Гельгунда; Вальтеръ обѣщаетъ сестрѣ Вислава жить съ нею въ согласіи до смерти, если она его освободитъ; мечъ похищенъ съ кровати Вислава; Вальтеръ обращается къ преступной парѣ со словами: что сказали-бы вы и т. д.; Гельгунда обращаетъ вниманіе Вислава на отсутствіе меча; Виславъ утѣшаетъ ее тѣмъ, что Вальтеръ не можетъ поломать оковъ.

Кромѣ того, у Бѣльскаго, какъ у Богухвала-Паска, отсутствуютъ имена Аринальда и Рынги и встрѣчается форма Виславъ, тогда какъ у Папроцкаго — Вислимиръ. Умерщвленіе преступной пары разсказано иначе, чѣмъ въ хроникѣ, но это могло произойти отъ неясности ея разсказа[2]). Прибавлю къ этому для подтвержденія сходства разсказа Бѣльскаго съ редакціей хроники, что у перваго замѣчается сочувственный тонъ по отношенію къ обманутому мужу, именно, Бѣльскій замѣчаетъ, что Гельгунда, позволивъ увезти себя одному, то-же допустила и другому; онъ называетъ Вальтера „бѣднягой" за его довѣріе женѣ; отмѣчается рѣшимость Вальтера мстить, не щадя своей жизни и что онъ „отмстилъ свои страданія и позоръ".

Но, признавая связь разсказа Бѣльскаго съ редакціей хроники, Гейнцель утверждаетъ, что Бѣльскій зналъ и пользовался гербовникомъ Папроцкаго[3]). Однако, если это утвержденіе справедливо вообще относительно сочиненія Бѣльскаго, то оно болѣе чѣмъ сомнительно относительно даннаго разсказа. Сходство его съ Папроцкимъ Гейнцель видитъ въ происхожденіи Вальтера изъ фа-

---

[1]) Стр. 56. Шепелевичъ, стр. 18.

[2]) Гейнцель, стр. 57.

[3]) Стр. 55 сл. Learned, стр. 185.

http://rcin.org.pl

миліи Торо́г'а, и въ ссылкѣ на „анонимъ“, какъ главный источникъ; въ концѣ-же, по поводу памятника Гельгунды, онъ ссылается уже не на анонима, а на автора, называемаго имъ „историкомъ“; это названіе, по мнѣнію Гейнцеля, соотвѣтствуетъ названію Андрея изъ Тарнова Папроцкимъ.

Если Бѣльскій пользовался здѣсь сочиненіемъ Папроцкаго, то почему онъ не приводитъ именъ Рынги, Аринальда и формы Вислимиръ, равно какъ даты 1242 г., когда, по словамъ Папроцкаго, Андрей свидѣтельствуетъ о нахожденіи въ Вислицѣ гроба Гельгунды?

Гейнцель (стр. 56) справедливо полагаетъ, что разсказъ о похищеніи Вальтеромъ жены, какъ далеко стоящій отъ исходнаго пункта Бѣльскаго—завоеваніе Вислицы и ея укрѣпленія, приводится вкратцѣ. Краткость эта мѣшаетъ опредѣлить, откуда заимствована эта часть разсказа, но другая, повѣствующая объ измѣнѣ Гельгунды и мести Вальтера, довольно подробна; она, какъ мы видѣли, относится къ 29-ой главѣ хроники, какъ копія къ оригиналу. Отсутствіе именъ и даты 1242 г. (см. выше) доказываетъ, что Бѣльскій не пользовался Папроцкимъ и не знаетъ объ Андреѣ. Что касается слова „историкъ“, относимаго Гейнцелемъ къ Андрею, то вѣдь оно, какъ стоящее безъ обозначенія имени, можетъ быть тождественнымъ съ „анонимомъ“. Такимъ образомъ названія „историкъ“ и „анонимъ“ могутъ относиться скорѣе къ великопольской хроникѣ. Это заключеніе вытекаетъ изъ указаннаго сходства редакціи Бѣльскаго съ хроникой и различія съ редакціей Папроцкаго. Но при этомъ остается пока неразъясненнымъ одно обстоятельство, именно: почему Вальтеръ причисляется къ роду Торо́г, а не Попеля, какъ это видимъ въ великопольской хроникѣ. Затрудненіе это можетъ быть устранено предположеніемъ, что такъ именно говорилось въ устномъ преданіи, т. е. въ тѣхъ варіантахъ, какіе были знакомы Андрею и что эти варіанты были болѣе популярными [1]), нежели излагаемый хроникой великопольской; Бѣльскій, приводя этотъ разсказъ по сочиненію „анонима“, называемаго имъ также „историкомъ“, могъ внести эту поправку, благодаря окончательному въ его время причисленію Вальтера къ роду Торо́г. Очевидно, что въ XVI в., какъ это видно и изъ гербовника Папроцкаго, фамилія

[1]) Въ силу обстоятельствъ, указанныхъ выше (стр. 78), т. е. въ виду неудобствъ ставить во враждебныя отношенія представителей той-же фамиліи. Мѣстныя сказанія народныя бываютъ весьма щепетильными въ подобныхъ случаяхъ.

http://rcin.org.pl

Торóг считала графа тынецкаго Вальтера въ ряду своихъ предковъ [1]), какъ и позже въ XVIII вѣкѣ, говоритъ такъ наз. Chronicon Slavo Sarmaticum. Кромѣ того, Папроцкій ссылается на Андрея, говоря, что въ 1242 г. видѣли въ Вислицѣ гробницу Гельгунды. У Богухвала-Паска, какъ и у Бѣльскаго, нѣтъ этой даты, которую Бѣльскій привелъ бы (если-бы зналъ), говоря: историкъ разсказываетъ, что въ его время (?) въ замкѣ Вислицы была гробница Гельгунды. Это сильно говоритъ противъ предположенія, что Бѣльскій пользовался сочиненіемъ Папроцкаго. У Бѣльскаго есть два обстоятельства, не упоминаемыхъ извѣстными намъ источниками,— это похищеніе бѣглецами изъ Франціи сокровищъ и замѣчаніе, что король французскій не хотѣлъ отдать дочери за Вальтера, такъ какъ онъ былъ чужестранцемъ [2]); если эти свѣдѣнія не почерпнуты Бѣльскимъ изъ знакомаго ему устнаго преданія, что, конечно, весьма возможно, то ихъ придется отнести къ его прибавленіямъ изъ различныхъ популярныхъ разсказовъ о похищеніи женщинъ и сокровищъ, и неудачномъ сватовствѣ.

Однако, если сомнѣніе относительно правдивости Папроцкаго, ссылавшагося на „историковъ", примѣнить и къ ссылкѣ Бѣльскаго на „анонима" и „историка", то сходство его разсказа съ редакціей великопольской хроники придется объяснять непосредственнымъ заимствованіемъ изъ устнаго сказанія, извѣстнаго ему въ томъ-же видѣ, какъ и хронисту, но лишь съ причисленіемъ Вальтера къ фамиліи Торóг. Но я не рѣшусь заподозрить правдивость Бѣльскаго въ виду того, что онъ могъ бы не приводить этого разсказа, говоря о Вислицѣ, если-бы не встрѣтилъ его въ сочиненіи, служившемъ ему однимъ изъ источниковъ его хроники: разсказъ этотъ не имѣетъ никакого значенія для предшествовавшихъ или послѣдующихъ событій въ исторіи Бѣльскаго, слѣдовательно, онъ не сталъ-бы вносить сказаніе о Вальтерѣ, извѣстное ему только изъ устныхъ пересказовъ; но, вписывая его изъ сочиненія анонимнаго историка, Бѣльскій легко могъ дополнить его на основаніи собственныхъ свѣдѣній, какъ напр. принадлежность Вальтера къ Торóг'амъ.

Такимъ образомъ, оказывается, что Бѣльскому во всякомъ случаѣ была извѣстна генеалогія тынецкаго графа Вальтера, а мо-

[1]) Хронистъ Бѣльскій, помимо Папроцкаго, могъ знать генеалогію знатныхъ фамилій польскихъ по различнымъ геральдическимъ даннымъ, весьма уже развитымъ въ его время.

[2]) Learned объясняетъ это въ смыслѣ указанія на вражду между поляками и нѣмцами (185).

http://rcin.org.pl

жетъ быть и вислицкое сказаніе въ устномъ преданіи, но сочиненіями Папроцкаго и Андрея въ данномъ случаѣ онъ не пользовался.

Позднѣйшія польскія повѣствованія о Вальтерѣ, какъ напр., Несецкаго († 1744 г.) въ „Korona Polska", пользуются извѣстными намъ источниками. Несецкій, говоря о предкахъ фамиліи Topór указываетъ на Богухвала (по Соммерсбергу), Папроцкаго, Андрея (вѣроятно по Папроцкому) и Опольскаго. О сообщеніи послѣдняго († 1654 г.) намъ ничего неизвѣстно, такъ какъ, пространно говоря о фамиліи Topór въ своемъ сочиненіи Orbis polonus, онъ ничего не говоритъ о Вальтерѣ [1]). Несецкій причисляетъ Вальтера къ Topór'амъ, но указываетъ на хронику „Богухвала, познанскаго епископа", который считалъ Вальтера въ роду Попелей. Это указываетъ на вѣрность моего предположенія, что варіанты сказанія, причислявшіе Вальтера къ Topór'амъ, были болѣе популярными и утвердили за нимъ эту генеалогію.

Относительно извѣстій о Вальтерѣ по Chron. Slavo Sarmaticum [2]) XVIII в. нельзя сказать ничего опредѣленнаго въ виду того, что авторъ ея, очевидно, вписывалъ все, что находилъ у своихъ источниковъ безъ провѣрки. Такъ напр., на стр. 109, въ числѣ рыцарей, крещенныхъ при Мечиславѣ, упоминается о Вальтерѣ de genere Toporeorum ac stirpe Starzonis, а на стр. 128 говорится, что онъ былъ одной фамиліи съ Виславомъ и о его сыновьяхъ, при чемъ указываются вымышленные источники Zolaus, Kagnimirus. Можно думать, что авторъ пользовался и великопольской хроникой, и Папроцкимъ, судя по названію Вальтера „wdały id est udatny alio dictus vocabulo" (стр. 128), „Walter cognominatus wdały" (стр. 109) и по упоминанію о Rynga'ѣ.

Наиболѣе интереснымъ въ этой Славо-Сарматской хроникѣ является упоминаніе (стр. 120), что Walgerus... Wdały... *heros in Lechicis multis celebris historiis*, qui vix non universas lustravit in Europa regiones. Но, указываетъ-ли это на дальнѣйшее развитіе и распространеніе вислицкаго сказанія, сказать положительно нельзя, такъ какъ не сохранилось, насколько извѣстно, никакихъ дальнѣйшихъ варіантовъ.

---

[1]) См. Гейнцель, стр. 58.

[2]) Гейнцель, стр. 59—60.

http://rcin.org.pl

Изъ разсмотрѣнія приведенныхъ польскихъ редакцій сказанія, въ виду отсутствія значительныхъ отмѣнъ и совпаденія во всѣхъ главныхъ частяхъ его, можно видѣть, что первоисточникъ этихъ редакцій былъ общій, именно устное сказаніе (можетъ быть съ незначительными отмѣнами въ варіантахъ), сложившееся въ окрестностяхъ Тынца и Вислицы, о Вальтерѣ Удаломъ изъ Тынца, увозѣ имъ жены, измѣнѣ ея и мести оскорбленнаго мужа.

Утверждать о непосредственномъ заимствованіи польскими хронистами изъ устнаго источника исключительно, можно лишь относительно автора 29-ой главы великопольской хроники. Насколько черпали изъ устнаго источника Папроцкій и Бѣльскій съ точностью опредѣлить нельзя, но возможность пользованія имъ не можетъ быть опровергаема.

Для иллюстраціи единства первоисточника всѣхъ разобранныхъ редакцій сказанія, я представлю его содержаніе въ видѣ остова изъ сходныхъ главныхъ моментовъ и укажу отмѣны въ частностяхъ по редакціямъ великопольской хроники, Папроцкаго и Бѣльскаго. При этомъ легко уже будетъ выдѣлить содержаніе главныхъ частей сказанія.

А. Вальтеръ живетъ при дворѣ франц. короля и влюбляется въ его дочь.

1) Тынецкій графъ Вальтеръ (изъ фам. Попеля: Богухв.; Торог'а: Напр., Бѣл.) находится при дворѣ франц. короля (Бѣльск.; на службѣ Напр.; чтобы научиться придворнымъ обычаямъ: Богухв.).

2) Онъ влюбляется въ дочь короля, за которую сватается нѣмецкій принцъ, находящійся тамъ-же (она расположена къ послѣднему Богухв.; относ. съ презрѣніемъ—Папроцкій—и ей нравится болѣе Вальтеръ; Бѣльск. не упом.).

В. Она влюбляется въ пѣніе Вальтера, отвергаетъ притязанія нѣмецкаго принца и бѣжитъ съ Вальтеромъ.

3) Чтобы склонить сердце принцессы, Вальтеръ три ночи поетъ (и играетъ на лютнѣ подъ ея окномъ: Папроцкій, — на стѣнѣ: Богухв.; Бѣльск. не упом.). Она влюбляется въ неизвѣстнаго пѣвца и заставляетъ стражу подъ угрозами открыть ей его имя (узнавъ, что это Вальтеръ, влюбляется въ него еще больше — Богухв.; отказываетъ нѣмцу и влюбляется въ Вальтера: Папроцк.).

4) Она любитъ Вальтера (Богухв., Папр., Бѣльск.) и рѣшаетъ съ нимъ бѣжать тайкомъ (отецъ не хотѣлъ выдать ее за иностранца: Бѣльск.; похищаютъ деньги и драгоцѣнности: Бѣльскій).

http://rcin.org.pl

5) Нѣмецкій принцъ, узнавъ о намѣреніи влюбленныхъ бѣжать, отправляется впередъ къ себѣ, чтобы перехватить по дорогѣ путниковъ (по Бѣльскому—догоняетъ ихъ).

С. Переправа черезъ Рейнъ затрудняется влюбленнымъ въ Гельгунду нѣмецк. принцемъ съ цѣлью отнятія ея.

Онъ приказываетъ перевозчикамъ на Рейнѣ задержать юношу съ дѣвицей, потребовавъ высокую плату, полагая, что Вальтеръ будетъ спорить, а въ это время ему дадутъ знать (Богухв.; подробн. у Папроцк.; у Бѣльск. пропущ.).

6) Вальтеръ съ Гельгундой прибыли къ Рейну и переправляются (ѣдутъ на одной лошади: Богухв., Папр.; ихъ перевозятъ, забывъ приказъ, но требуютъ марку золотомъ—Богухв.; требуютъ марку, но не перевозятъ, и Вальтеръ вплавь переправляется—Папр).

D. Бой Вальтера съ нимъ. Побѣда и возвращеніе домой.

7) Принцъ догоняетъ бѣглецовъ, упрекаетъ Вальтера въ похищеніи дѣвицы и неуплатѣ денегъ за перевозъ и бьется съ нимъ за дѣвицу, коня и оружіе (у Бѣльск. кратко).

8) Вальтеръ побѣждаетъ его (подр. у Богухвала: взглядъ Гельгунды придаетъ силы нѣмцу; короче у Папр.; еще болѣе кратко у Бѣльск.)

9) Вальтеръ и Гельгунда прибываютъ въ Тынецъ (Вальтеръ лѣчитъ свои раны—Богухв.).

Таковъ очеркъ 1-ой части разсказа. Тема его увозъ невѣсты и бой изъ-за нея съ преслѣдователемъ. Слѣдуетъ 2-ая часть: измѣна жены, бѣгство ея съ любовникомъ и наказаніе ее и любовника мужемъ.

А. Жена въ отсутствіе Вальтера влюбляется въ его врага—плѣнника и бѣжитъ съ нимъ.

1) Вальтеръ держитъ въ тюрьмѣ вислицкаго кн. Вислава (за насиліе надъ его подданными во время его отсутствія (Богухв.); Виславъ былъ опекуномъ имущества Вальтера—Папр. Причина необъясн. у Бѣльск.).

2) Вальтеръ уѣзжаетъ на войну (по обычаю рыцарскому: Богухв.: по волѣ короля—Папр.).

3) Гельгунда скучаетъ въ отсутствіе мужа и по совѣту довѣренной служанки (у Бѣльск. объ этомъ нѣтъ) беретъ въ любовники плѣнника (черезъ 2 года по отъѣздѣ Вальтера—Богухв.; черезъ нѣкоторое время—Папр.; во время 2-хъ лѣтн. отсутствія—Бѣльск.).

Она бѣжитъ съ нимъ въ Вислицу, прельстившись его красотой (при помощи стражи—Богухв.).

http://rcin.org.pl

B. Мужъ узнаетъ объ этомъ и ѣдетъ мстить.

4) Возвратившійся Вальтеръ узнаетъ о бѣгствѣ жены и плѣнника и ѣдетъ за ней отмстить (онъ удивляется, почему Гельгунда не вышла на встрѣчу — Богухв., Напр., Бѣльск.).

C. Жена хитростью заманиваетъ Вальтера въ ловушку и выдаетъ любовнику. Этотъ заковываетъ Вальтера и на его глазахъ наслаждается съ Гельгундой.

5) Въ отсутствіе Вислава (онъ былъ на охотѣ) Вальтеръ является къ женѣ; она увѣряетъ, что была взята силой и заманиваетъ мужа въ засаду, гдѣ и выдаетъ любовнику.

6) Этотъ заковываетъ его и подвергаетъ постояннымъ мукамъ (приковываетъ къ стѣнѣ въ coenaculum — Богухв.; гдѣ отдыхалъ съ любовницей — Бѣльск.; въ погребѣ, гдѣ было сдѣлано окно въ сосѣднюю комнату — Напр.), наслаждаясь на его глазахъ съ Гельгундой.

D. Сестра Вислава помогаетъ освободиться Вальтеру за обѣщаніе жениться: онъ убиваетъ преступниковъ.

7) Стеречь плѣнника поручено сестрѣ Вислава, которая освобождаетъ Вальтера за обѣщаніе жениться (безобразная дѣвица предлагаетъ сама *изъ состраданія*. Богухв., Напр.; безъ объясн. причины у Бѣльск.).

8) Онъ убиваетъ обоихъ мечемъ, даннымъ ему сестрою врага (у Богухвала — мечемъ Вислава; у Напр. и Бѣльск. — тоже. Но у Богухвала — обѣщаніе не пользоваться мечемъ Вислава и уловка Вальтера).

http://rcin.org.pl

ГЛАВА ВТОРАЯ.

Такъ какъ въ великопольской хроникѣ, гдѣ впервые встрѣчается разсказъ о Вальтерѣ Удаломъ, есть указанія на устный его источникъ и, что весьма вѣроятно, имъ-же пользовались и Папроцкій, и Бѣльскій, и Андрей изъ Тарнова, на котораго ссылается Папроцкій,—то я заключаю, что этимъ источникомъ было сказаніе, извѣстное въ старину жителямъ Вислицы и Тынца. Было уже упомянуто, что основаніемъ для пріуроченія этого сказанія послужила гробница Гельгунды, быть можетъ съ ея изображеніемъ, и сохранившіяся въ народѣ воспоминанія о враждѣ владѣтельныхъ князей названныхъ городовъ.

Теперь подлежитъ разсмотрѣнію вопросъ, какимъ образомъ нѣмецкая сага является на славянской почвѣ съ настолько измѣненнымъ содержаніемъ, что, повидимому, отъ нея ничего не осталось, кромѣ именъ двухъ главныхъ героевъ саги—Вальтера и Гельгунды. Чтобы установить отношеніе между нѣмецкимъ и польскимъ сказаніемъ, надо узнать, откуда и какъ возникли обѣ части польскаго сказанія,—были-ли онѣ всегда неразрывно связаны, или независимо возникла каждая изъ нихъ и только впослѣдствіи соединились въ одно цѣлое. Такъ какъ въ польскомъ сказаніи различается два разсказа на разныя темы, то я стану разсматривать каждый отдѣльно, разбивъ его на составныя части, стараясь подыскать родственные мотивы среди иноземныхъ сказаній, чтобы найти приблизительно тотъ путь, который прошло сказаніе, пока достигло Польши, гдѣ было закрѣплено лѣтописцами. Такой способъ изслѣдованія опредѣляется нѣкоторымъ сходствомъ содержанія нашего сказанія съ восточными повѣстями и русскими былинами, указанными Либрехтомъ. Двѣ части въ польскомъ сказаніи различаются со временъ Гримма, перваго изъ изслѣдователей саги

http://rcin.org.pl

о Вальтари Аквитанскомъ, который привлекъ къ сравненію и польскую версію [1]); ученый отмѣчаетъ родство польской и латинской редакцій и находитъ параллельныя точки; между прочимъ онъ говоритъ, что въ битвѣ съ нѣмецкимъ королевичемъ можно видѣть сходство поединка Вальтера съ Гагеномъ, „пѣніе Вальтера открываетъ, можетъ быть, настоящую древнюю черту, которая потерялась во всѣхъ прочихъ редакціяхъ [2]). Основа первой части польскаго сказанія, по мнѣнію Гримма, принадлежитъ нѣмецкой сагѣ, но во второй „сага идетъ дальше и, повидимому, совершенно переходитъ въ славянское, чуждое нѣмецкой литературѣ и даже совершенно ее исключающее, преданіе“ [3]). Это мнѣніе было принято нѣмецкими учеными: Гейдеромъ, Мюлленгофомъ и Санъ-Марте, изъ которыхъ послѣдній обвиняетъ даже славянскую фантазію въ грубости и безнравственности. Къ общему голосу присоединился и Либрехтъ („Zur Volskunde“), считая, что вторая часть польскаго сказанія не можетъ имѣть ничего общаго съ нѣмецкими преданіями; при этомъ онъ выражаатъ увѣренность, что измѣна Гельгунды присоединена впослѣдствіи не нѣмцами, а славянами, взявшими ее съ Востока. Польскій историкъ Шайноха высказалъ соображеніе, что первая часть пришла изъ Германіи, но не заимствована непосредственно изъ латинской поэмы, изъ какой-нибудь повѣсти цикла о Вальтари, распространеннаго въ XI—XIII вв. Относительно второй части онъ соглашается съ Гриммомъ и Либрехтомъ, основную мысль котораго принимаютъ Карловичъ и Нэрингъ. Проф. Шепелевичъ указалъ на возможность соединенія обѣихъ частей саги уже въ Германіи, куда вторая часть проникла, можетъ быть, съ Востока. Гейнцель предполагаетъ возможность существованія нѣмецкой саги, близкой по содержанію къ эпизоду Тидрекъ-саги и Waltharius'у, откуда заимствована первая часть польской саги; относительно-же второй ученый повторяетъ мнѣніе Гримма, что вторая часть не нѣмецкаго происхожденія. За Мюлленгофомъ, признававшимъ миѳическое значеніе саги о Вальтерѣ, въ недавнее время Ридбергъ и Ришка выступили со своими толкованіями о миѳическомъ значеніи и древности саги; при этомъ Ришка считаетъ польскую редакцію древнѣе нѣмецкой и, совершенно незави-

[1]) Latein. Gedicht des XI и XII. Jahrh. 1838 г.

[2]) На этомъ останавливаетъ вниманіе Symons. Pauls Grundriss. III B. 2 A., стр. 704—705.

[3]) Orient und Occident, стр. 125, т. I.

http://rcin.org.pl

симо отъ поэмы Эккегарда, занесенной въ Польшу изъ Германіи. Въ данномъ случаѣ онъ повторяетъ мнѣніе, уже раньше высказанное Шайнохой.

Dr. O. Knoop утверждаетъ, что первая часть польской саги тождественна съ германской, хотя отмѣчаетъ разницу между обѣими видами, именно: польскій Вальтеръ сражается съ однимъ врагомъ, а германскій съ 12; въ виду этого Knoop вынужденъ предположить такой неизвѣстный намъ видъ германской саги, гдѣ у Вальтари всего одинъ противникъ (стр. 9—10). Вторая-же часть независимое сказаніе, которое не имѣетъ образца въ германскомъ эпосѣ, а позже искусственно связана съ сагой о Вальтари (стр. 12). Learned считаетъ, что образцомъ 1-ой части польской версіи не могло быть стихотвореніе Эккегарда, но она содержитъ эпизоды саги о Вальтари: оригиналъ или оригиналы послѣдней, быть можетъ соединявшіе элементы, находимые въ „Waltharius'ѣ“ и содержащіеся въ разныхъ видахъ Thidreksage, пришли въ Польшу; вторая часть представляетъ соединеніе этой саги съ мѣстной о Виславѣ, или Вислимирѣ (стр. 186—187). По мнѣнію Symons'a (Pauls Grundr. III. B. 2 A., стр. 704), польская версія ближе всего соприкасается съ эккегардовой и сохранила при этомъ древнѣйшія первоначальныя черты германской саги: пѣніе, посредствомъ котораго добывается любовь дѣвы, и взглядъ возлюбленной, придающій силы въ сраженіи.

Итакъ, большинство изслѣдователей считаетъ первую часть польской редакціи саги—нѣмецкою, хотя въ Германіи мы не знаемъ ни одной подобной версіи саги о Вальтари; вторая же часть со времени Либрехта считается взятой съ Востока. Вопросъ, гдѣ она присоединена къ первой, въ Германіи или въ Польшѣ, рѣшается изслѣдователями въ пользу послѣдняго соображенія; однако, существуетъ предположеніе, что вторая часть могла соединиться съ первой еще въ Германіи (Шепелевичъ).

Дѣйствительно-ли должно признать, что первая часть польскаго сказанія есть нѣмецкая повѣсть изъ цикла сказаній о Вальтари, какъ утверждаютъ названные выше ученые? Что мы видимъ сходнаго въ польскомъ и нѣмецкомъ сказаніяхъ? Отвѣчая на послѣдній вопросъ, я укажу слѣдующія черты сходства: прежде всего, конечно, имена Вальтера и Гельгунды и общая тема—увозъ невѣсты, развиваемая, впрочемъ, совершенно самостоятельно; здѣсь же встрѣчаемъ мотивъ о похищеніи сокровищъ бѣглецами (находящійся только у Бѣльскаго), которому нельзя приписать объясняющаго значенія, и важную роль, какую въ содержаніи обоихъ раз-

http://rcin.org.pl

сказовъ играетъ переходъ черезъ Рейнъ [1]); далѣе, рана Вальтера въ борьбѣ изъ-за невѣсты и битва съ преслѣдователемъ.

Я упомянулъ уже, что Гейнцель [2]) присоединяется къ мнѣнію проф. Нэринга [3]), будто сага о Вальтари перенесена въ Польшу главнымъ образомъ по Тидрексагѣ (с. 241). Доводы Нэринга слѣдующіе: Вальтари жилъ при дворѣ короля Эрменриха и туда-же возвращается съ Гильдегундой; Эрменрихъ носитъ названіе римскаго императора, короля Апуліи—Pûl, er rect Pûli. Благодаря сходству именъ, Pulle и Polen были смѣшаны. Тогда, слѣдовательно, отношенія Вальтари къ Эрменриху, королю Италіи, взяты изъ Тидрексаги, а переправа черезъ Рейнъ на ряду съ этимъ—изъ Эккегарда. Встрѣча Вальтера съ Гельгундой при французскомъ дворѣ указываетъ на локализированіе Аттилы въ Германіи, странѣ франковъ. Такъ какъ Pulle приняли за Polen, то сюда присоединилась и переправа черезъ Рейнъ изъ Эккегарда, при чемъ было измѣнено направленіе бѣгства не съ Востока на Западъ, а наоборотъ (послѣднее указано еще Гриммомъ: Lat. Ged. etc. 113). Превращеніе Аттилы въ короля франковъ и умолчаніе о гуннахъ не затрудняетъ проф. Нэринга, такъ какъ это произошло де потому, что во время появленія повѣсти (въ XIV в.) въ народномъ сознаніи первое мѣсто занимало временное соединеніе поляковъ и венгровъ подъ скиптромъ Людовика. Въ виду этого соединенія польскій хронистъ умолчалъ объ Аттилѣ, не желая задѣвать венгровъ. Проф. Шепелевичъ, признавая очень важною роль гунновъ въ циклѣ нѣмецкихъ повѣстей о Вальтари и Гильдегундѣ [4]), считаетъ удовлетворительнымъ такое объясненіе Нэринга -искусственную подстановку короля Франціи вмѣсто Аттилы.

Съ мнѣніемъ Нэринга я не могу согласиться, полагая, что хронистъ вставилъ въ свое сочиненіе мѣстное сказаніе: такая тонкая дипломатія никоимъ образомъ не могла имѣть мѣста въ мысляхъ хрониста, а тѣмъ болѣе въ народномъ сказаніи. Ранніе польскіе лѣтописцы, правда, любили припутывать къ своимъ разсказамъ разныя заплаты латинской учености изъ римской исторіи (М. Галлъ: 1110—

---

[1]) Указано Гейнцелемъ, стр. 60.

[2]) Atheneum, 1883 г., стр. 359.

[3]) Гейнцель, p. 88—89. Symons (Pauls Grundr. III B. 2 A., стр. 704), не согласенъ съ Гейнцелемъ на томъ основаніи, что старѣйшая польская запись саги не указываетъ на литературное заимствованіе и считаетъ польскую форму наиболѣе близкой къ Эккегардовой.

[4]) Стр. 33 Шепелевичъ.

http://rcin.org.pl

1135 г., Кадлубекъ: ок. 1206 г., Дзержва: ок. 1300 г.) и вносили въ свои сочиненія жидовско-римскую генеалогію. Богухвалъ, Башко и ихъ пополнители держались того-же направленія и даже превзошли своихъ предшественниковъ въ этомъ отношеніи [1]). Поэтому всякаго рода преувеличенія и уловки, въ родѣ происхожденія венгровъ (гунновъ) отъ славянъ, „quorum majoritas semper apud Lechitos“ [2]), равнымъ образомъ могли принадлежать Богухвалу и его преемникамъ и безъ тенденціозныхъ стараній поставить венгровъ въ родственную связь съ поляками (и славянами вообще), которыя „могли имѣть кредитъ въ то время, когда Людовикъ Венгерскій... претендовалъ на польскій престолъ, и его кандидатура дѣйствительно прошла“ [3]).

Наконецъ, если даже положить, по Нэрингу и Гейнцелю, Тидрексагу для сближенія нѣмецкаго и польскаго сказаній, то въ разсказѣ Тидрексаги Аттила является настолько мало оскорбленнымъ, что снова входитъ въ дружественныя отношенія съ Вальтари и Эрменрихомъ, умилостивившимъ его подарками. Послѣднія обстоятельства находятъ себѣ подтвержденіе въ приглашеніи Аттилы на свадьбу Вальтари въ ср.-верх.-нѣмецкомъ стихотвореніи. Отсюда я заключаю, что польскому лѣтописцу (и сказанію въ особенности) вовсе не было надобности замѣнять Аттилу королемъ Франціи, такъ какъ недоразумѣніе между бѣжавшимъ Вальтеромъ и королемъ гунновъ такъ же удобно могло быть улажено въ польскомъ, какъ и въ нѣмецкомъ сказаніи.

Отсутствіе малѣйшаго намека на Аттилу и гунновъ въ польскомъ сказаніи даетъ право заключить, вопреки мнѣнію названныхъ выше изслѣдователей, что ни Тидрексага, ни вообще нѣмецкія саги о Вальтари не имѣли значительнаго вліянія на польское сказаніе.

Равнымъ образомъ, я не могу остановиться на мысли, принадлежащей Гримму и развитой Шайнохой, а затѣмъ принятой Шепелевичемъ, что польское сказаніе, будучи нѣмецкаго происхожденія, не находится въ непосредственной связи ни съ одной изъ извѣстныхъ доселѣ редакцій „Вальтера и Гельгунды“. Это предположеніе, ничего не разъясняя, ведетъ къ новому, именно: требуется искать неизвѣстную намъ редакцію нѣмецкой повѣсти о Вальтари, перенесенную въ Польшу. Въ такомъ родѣ и высказываются D-r Knoop, Learned и Шайноха.

---

[1]) См. Первольфъ. Славяне, ихъ взаимныя отношенія и связи. Варшава. 1888 г., т. II, стр. 104—108

[2]) Шепелевичъ, 26 стр.

[3]) Ibid.

http://rcin.org.pl

Г. Ришка [1]) утверждаетъ, что польская редакція не могла получиться непосредственно изъ латинской поэмы; по его мнѣнію, сказаніе о Вальтерѣ есть обломокъ нѣмецкаго эпоса на чуждой почвѣ и можетъ быть сопоставляемо съ миѳомъ о Бальдерѣ и Готарѣ. Проф. Нэрингъ тоже считаетъ польское сказаніе частью преданій сѣверныхъ, занесенныхъ въ Польшу. Такимъ образомъ, предполагается какая-то неизвѣстнаго содержанія нѣмецкая повѣсть о „Вальтерѣ и Гельгундѣ“, которая проникла въ Польшу (я имѣю въ виду лишь первую часть), гдѣ была закрѣплена лѣтописцами).

Нельзя, однако, не видѣть, что многія черты польскаго сказанія совершенно независимо могли существовать въ Польшѣ, не требуя для своего объясненія заимствованія цѣликомъ повѣсти изъ Германіи. Имена Вальтера и Гельгунды, конечно, ведутъ насъ къ нѣмецкой сагѣ, съ подобными-же именами героевъ ея, но различіе въ содержаніи польскаго и нѣмецкихъ сказаній, мнѣ кажется, указываетъ на весьма слабое вліяніе послѣднихъ на польское: оно лишь темой и незначительными подробностями, въ совершенно иной этнической и географической обстановкѣ, напоминаетъ одноименныя нѣмецкія повѣсти. Мнѣ представляется наиболѣе вѣроятнымъ, что сага о Вальтари могла проникнуть въ Польшу при посредствѣ сенъ-галленскихъ монаховъ, призванныхъ сюда въ 1045 году. Великопольская хроника говоритъ о бенедиктинскомъ аббатствѣ, находившемся вблизи Кракова [2]). Если отрицать, согласно съ Ришкою [3]), возможность проникновенія саги въ Польшу

[1]) Въ Verhältniss der polnischen Sage von „Walgierz Wdały“ zu den deutschen Sagen von Walther v. Aquit.

[2]) Длугошъ говоритъ объ основаніи монастыря въ Тынцѣ въ 1044 г. Казиміромъ Монахомъ. О времени перенесенія саги въ Польшу см. Knoop, стр. 10; Learned, стр. 186—187; Müllenhoff, Zs. f. d. A. XII, 344.

[3]) Ришка, обративъ вниманіе на слова въ 29-ой главѣ великопольской хроники: olim и tempore paganissimo, дѣлаетъ заключеніе, что повѣсть попала въ Польшу (въ цѣломъ составѣ) еще во времена язычества, въ VIII в., а можетъ быть и раньше (стр. 15—20). Такое заключеніе нельзя признать правильнымъ. Хронистъ, приводя сказаніе, начинаетъ вступленіемъ весьма обычнымъ въ народныхъ преданіяхъ, когда точно не могутъ указать время описываемыхъ событій, но признаютъ за ними извѣстную достовѣрность: давно, дескать, то „было“, еще въ далекія времена язычества... Подобныя вступленія можно видѣть въ очень многихъ народныхъ преданіяхъ, сказкахъ и пѣсняхъ. Отсутствіе-же христіанскихъ мотивовъ, на которыхъ тоже останавливается г. Ришка, все-таки не ведетъ насъ къ VIII в., такъ какъ не только данное, но и многія другія народныя сказанія, несомнѣнно поздняго происхожденія, не надѣляютъ своихъ героевъ чертами христіанскихъ добродѣтелей.

http://rcin.org.pl

такимъ путемъ, что въ сущности не содержитъ ничего невѣроятнаго, то могъ быть другой, именно указанный проф. Нэрингомъ (Athen., 1883, 359 стр.)—по Вислѣ или боковыми торговыми путями черезъ Краковъ.

Вообще, политическія и торговыя сношенія Польши съ нѣмцами не могла не оказать вліянія на литературное общеніе между обѣими странами. Такъ или иначе проникла въ Польшу нѣмецкая повѣсть, но намъ нѣтъ нужды предполагать ее съ какимъ-то неизвѣстнымъ содержаніемъ, такъ какъ это вопроса о заимствованіи не разъясняетъ, а усложняетъ его.

Если принять въ данномъ случаѣ посредническую роль бенедиктинцевъ, то вѣроятнѣе всего предположить переходъ въ Польшу изложенія Эккегарда; если-же повѣсть занесли купцы, то—одинъ изъ существовавшихъ видовъ нѣмецкой саги. Точно опредѣлить, какой именно видъ этой саги былъ занесенъ въ Польшу, невозможно въ виду незначительности здѣсь ея отголосковъ, какими являются указанныя выше черты сходства нѣмецкихъ и польскаго сказаній. Въ послѣднемъ находится интересная подробность о пѣніи Вальтера, которую изслѣдователи, съ легкой руки Гримма считаютъ древне-нѣмецкой [1]). Если нѣмецкая сага о бѣгствѣ Вальтари съ Гильдегундой отъ Аттилы превратилась въ Польшѣ въ сказаніе, гдѣ Аттила не играетъ никакой роли, и замѣненъ королемъ Франціи, то такая замѣна въ польскомъ изложеніи произошла не по политическимъ соображеніямъ, но подъ давленіемъ бытовыхъ и эпическихъ мотивовъ, стершихъ на первыхъ-же порахъ мало интересное для поляковъ воспоминаніе объ Аттилѣ и о жизни у него витязей, плѣнниковъ и заложниковъ; вскорѣ оно замѣнилось представленіемъ о томъ, какъ герой живетъ на службѣ или, чтобы поучиться придворнымъ иноземнымъ обычаямъ, при дворѣ чужого короля. Это общій эпическій мотивъ, имѣющій, конечно, бытовую основу; при этомъ часто тайной цѣлью бываетъ увозъ невѣсты; иногда-же мысль объ увозѣ (какъ въ польск. сказ.) является послѣдствіемъ знакомства и любви молодыхъ людей другъ къ другу [2]). Въ пересказѣ у Папроцкаго находится интересное замѣчаніе, что Вальтеръ получилъ какую-то должность при столѣ французскаго короля,—чашничество или стольничество; во время исполненія имъ своихъ обязанностей, Гельгунда могла приглядѣться къ прекрас-

---

[1]) См. стр. 276.

[2]) У Шепелевича „Кудруна". Зап. Харьк. Унив., № 4, 1895 г., стр. 100—101, формулы Гана увода невѣсты.

http://rcin.org.pl

ному царедворцу. Я укажу нѣсколько примѣровъ для иллюстраціи, насколько популяренъ въ разнонародныхъ произведеніяхъ этотъ мотивъ о службѣ героя у иностраннаго государя, иногда, какъ дружинника, а иногда и какъ „стольника“ и т. п. Въ германскомъ эпосѣ мы видимъ Ротера служащаго у константинопольскаго короля, съ цѣлью увезти невѣсту и освободить своихъ витязей, ранѣе посланныхъ имъ въ качествѣ сватовъ и посаженныхъ королемъ въ темницу. Все это удается сдѣлать Ротеру. Гугдитрихъ служить у салнекскаго короля, съ цѣлью жениться на его дочери Гильдебурдѣ; но она сидитъ въ укрѣпленной башнѣ, и нѣтъ къ ней доступа. Все-же Гугдитрихъ при помощи хитрости проникаетъ къ ней, живетъ тамъ 6 мѣсяцевъ и уѣзжаетъ; послѣ этого отецъ ея посылаетъ за нимъ и соглашается на бракъ. Въ Тидрексагѣ герцогъ Родольфъ поступаетъ на службу къ Озантриксу, чтобы увезти его дочь Аттилѣ въ жены и бѣжитъ съ нею. Въ „Нибелунгахъ“ Зигфридъ служитъ у Гунтера, въ „Dietrichs Hucht“ Дитрихъ оказывается на службѣ у Этцеля; у послѣдняго-же саги помѣщають на службѣ многихъ витязей. Тотъ-же мотивъ о службѣ героя у чужого короля извѣстенъ и русскимъ былинамъ. Такъ Дунай жилъ у короля хороброй Литвы „по три году“; король вспоминаетъ это, когда Дунай пріѣхалъ сватать его дочь за князя Владиміра:

А прежняя ты слуга, слуга вѣрная,
Жилъ ты у меня ровно три году,
Первый годъ жилъ ты во конюхахъ,
А другой годъ жилъ ты во чашникахъ,
А третій годъ жилъ ты во стольникахъ (Рыбн., I, № 30).

Когда Дунаю пришлось взять силой невѣсту для князя—Опраксію, онъ отправилъ ее въ Кіевъ, а самъ бьется и побѣждаетъ другую дочь короля Литвы Настасью паленицу; она согласна быть женой Дуная, такъ какъ знала его хорошо за время трехлѣтней службы (по друг. извод. служба—12 л. и пр., Кир., стр. 59 сл.). Это знакомство въ нѣкоторыхъ былинахъ оказывается настолько сильно привязавшимъ Настасью къ бывшему царедворцу Дунаю, что и безъ боя [1]) паленица готова идти за него замужъ.

Пришлый красавецъ и богачъ Чурила получаетъ должность у Владиміра, то въ „позовщикахъ“, то чашникахъ и стольникахъ.

[1]) Рыбн., I, № 31; у Рыбн. (I, № 37) же Михаилъ Потокъ служитъ у царя Налета Налетова, за что и получаетъ великія милости.

http://rcin.org.pl

то, наконецъ, по протекціи легкомысленной супруги князя,—въ постельникахъ [1])—„складаетъ изголовьице высокое"... и т. д.

Въ южно-славянскихъ пѣсняхъ очень популяренъ мотивъ о службѣ героя у короля (или воеводы) съ цѣлью женитьбы на его родственницѣ. Такъ напр., Іакшић Митро [2]) девять лѣтъ служитъ у воеводы Янка для полученія руки его сестры; все это время ему не удавалось видѣть невѣсты. На 10-ый годъ, при помощи служанки, онъ попадаетъ къ ней въ свѣтлицу; она съ радостью согласна бѣжать съ нимъ въ его домъ. Воевода догоняетъ бѣглецовъ и мирится съ ними, соглашаясь на этотъ бракъ. Подобный-же разсказъ у Петрановича (Срп. нар. пр., № 54, 55, 56): Якшић Степанъ служитъ бечскому цесарю и въ награду проситъ руки его дочери [3]).

Такихъ примѣровъ можно привести сколько угодно. Изъ сказаннаго достаточно ясно, что первый моментъ польскаго сказанія не составляетъ исключительной принадлежности германскаго эпоса, но долженъ быть признанъ общенароднымъ. О заимствованіи здѣсь не можетъ быть рѣчи, такъ основаніе этого мотива чисто бытовое: служба у иноземнаго государя развилась въ эпоху свободныхъ отношеній дружинниковъ съ своимъ государемъ, а служба жениха у родныхъ невѣсты должна была первоначально служить выкупомъ ея [4]). Что касается темы первой части польскаго сказанія—уводъ невѣсты и бой съ преслѣдователемъ, то она, по своей общераспространенности и бытовой основѣ у разныхъ народовъ, не можетъ, конечно, служить для опредѣленія первоначальной національности сказанія. Въ этомъ отношеніи гораздо болѣе останавливаетъ вниманіе подробность о пѣніи, которымъ Вальтеръ плѣнилъ Гельгунду, или увеличивъ ея любовь къ себѣ (Папроцкій), или заставивъ отказаться отъ прежняго поклонника (великопольская хроника) [5]). Мотивъ о чарующемъ пѣніи, отсутствующій въ извѣстныхъ намъ редакціяхъ саги о Вальтари, играетъ важную роль въ древней скандинавской и нѣмецкой поэзіи, какъ напр., въ сѣверной сагѣ, гдѣ воспѣвается плѣнъ Гильды, дочери Гагена: въ Snorraedda'ѣ Hilldr, дочь Gögni, послѣ боя ея жениха Гедина съ отцомъ ея, окончившагося смертью обоихъ, по ночамъ воскре-

---

[1]) Рыбн., III, № 24 и др.

[2]) Вукъ. Срис. нар. пр., II, № 96.

[3]) Máhal'ɏ. O bohatyrskem eposé slovanskom краю, 1894, II, стр. 130—131.

[4]) Такъ напр. служба Іакова у Лавана по библейскому преданію.

[5]) Learned, стр. 187, считаетъ эту черту польской саги по отношенію къ нѣмецкимъ чистой случайностью.

http://rcin.org.pl

шала своимъ пѣніемъ убитыхъ, которые вновь сражались до утра. Подобный-же разсказъ находится у Сакса Грамматика: Гильда своимъ пѣніемъ воскрешаетъ убитыхъ князей и возбуждаетъ ихъ къ новому сраженію [1]). Въ датской пѣснѣ описывается чарующее пѣніе эльфовъ.

По мнѣнію проф. Шепелевича [2]), живое народное преданіе видѣло въ пѣніи чудесную силу, направлявшуюся къ разнообразнымъ цѣлямъ: въ сказкахъ Гриммовъ находится разсказъ о красавицѣ, находящейся въ башнѣ и увлекающей своимъ пѣніемъ; подобные эпизоды находятся и въ Одиссеѣ и Панчатантрѣ [3]) (силою пѣнія очарована цѣлая армія). Въ самую близкую связь съ пѣніемъ Вальтера проф. Шепелевичъ ставитъ пѣніе Горанта въ „Кудрунѣ" (Ав. VI), говоря: „мы не въ правѣ считать (пѣніе Вальтера) мѣстнымъ изобрѣтеніемъ, а должны признать въ этомъ черту сѣверо-германской поэзіи, проникшую, можетъ быть, воднымъ путемъ по Вислѣ въ Польшу". Вотъ содержаніе эпизода съ пѣніемъ Горанта. Во второй части „Кудруны" (Гильда), Горантъ, посланный королемъ Гетелемъ вмѣстѣ съ Фруте, Вате и дружиной къ свирѣпому Гагену, съ тайной цѣлью увоза его дочери, восхищаетъ всѣхъ своимъ пѣніемъ; однажды вечеромъ онъ запѣлъ такъ, что даже птицы перестали щебетать (стр. 372). Гильда, узнавши, что это пѣлъ Горантъ, просила его спѣть еще; онъ обѣщалъ пропѣть такую пѣсню, что у всѣхъ слушающихъ пропадетъ скорбь и уменьшатся заботы (374—377). На разсвѣтѣ онъ пропѣлъ три пѣсни, и всѣ были въ восторгѣ (384). По просьбѣ Гильды (черезъ отца переданной) онъ пѣлъ утромъ еще лучше: слушали его больные и здоровые, рыбы перестали плыть, замолкло пѣніе священниковъ (385—391). Гильда пригласила къ себѣ Горанта тайкомъ и попросила пѣть. Онъ исполнилъ ея просьбу и разсказалъ ей о могуществѣ Гетеля, о любви его къ Гильдѣ и желаніи имѣть ее своей женой (391—404). Она отвѣтила: согласна, „если онъ придется мнѣ по душѣ, только бы ты пѣлъ мнѣ вечеромъ и утромъ". Горантъ разсказываетъ, что у Гетеля есть еще 12 пѣвцовъ, лучше его, но самъ король поетъ лучше всѣхъ ихъ (404—406). Она сказала: „если твой милый король такъ искусенъ, то я готова не имѣть воли передъ нимъ, но боюсь отца, чтобы идти за тобой" (407) [4]).

[1]) См. у Шепелевича. Нѣм. пов. на слав. почвѣ, стр. 32.

[2]) „Кудруна". Зап. Харьк. Унив., 1895 г., № 4, стр. 98.

[3]) Бенфей, I, 436.

[4]) См. Шепелевичъ. Переводъ 2-ой ч. Кудруны. Зап. Харьк. Унив., 1895 г., IV.

http://rcin.org.pl

Изъ приведеннаго мѣста „Кудруны“ видно, что пѣніе Горанта очаровывало не только Гильду, но и ея родителей и всѣхъ живыхъ существъ, кто только могъ слышать его. Это очарованіе имѣетъ характеръ волшебства, которое теряетъ свою силу по мѣрѣ прекращенія пѣнія: Гильда не влюбилась въ Горанта, увлеченная его пѣніемъ, но, узнавъ, что Гетель поетъ еще лучше, готова ѣхать къ нему въ замужество: Горантъ-же остается въ сторонѣ. Совершенно другое значеніе пѣнія Вальтера: три ночи поетъ онъ подъ окномъ Гельгунды, которая слушаетъ его съ дѣвушками, забывая о снѣ. (Богухв.; у Папроцкаго онъ при этомъ аккомпанируетъ на лютнѣ). Гельгунда влюбляется въ голосъ неизвѣстнаго пѣвца до такой степени, что колеблется между выборомъ знакомаго ей Вальтера и неизвѣстнаго пѣвца, чей голосъ она слышала (Папр.). Гейнцель справедливо указываетъ, что мотивъ этотъ встрѣчается въ индійскихъ повѣстяхъ о невѣрной женѣ (5-ый разск. IV-ой книги Панчатантры), при чемъ польская сага можетъ служить однимъ изъ варіантовъ ихъ. Какъ пѣніе, такъ и похищеніе женщины счастливымъ соперникомъ героя могли быть отнесены къ Вальтеру [1]). Названный разсказъ Панчатантры говоритъ о томъ, какъ брахманъ, лишившійся жены по причинѣ ея смерти, отдалъ ей половину своей жизни, чѣмъ и воскресилъ ее. Вслѣдъ за этимъ, въ отсутствіе мужа, ушедшаго за провизіей, она слышитъ *чудесный голосъ*, въ который влюбляется, еще не видя его обладателя. Хотя послѣдній оказался калѣкой, эта женщина предложила ему любовь, отдѣлавшись путемъ преступленія отъ вернувшагося мужа. Вѣроломная затѣмъ наказана. Есть еще одинъ подобный монгольскій разсказъ [2]): жена влюбляется въ раздающійся издали *чудный голосъ* и тутъ-же топитъ мужа въ колодцѣ. Голосъ оказывается лѣснымъ эхомъ отъ криковъ раненаго, который лежитъ въ лѣсу. Но, совершивъ преступленіе, чтобы быть любимой обладателемъ чуднаго голоса, женщина, увидя ошибку, не отказывается отъ заботъ и попеченія о калѣкѣ. Я полагаю, что восточный мотивъ о томъ, какъ женщина влюбляется въ голосъ невидимаго пѣвца гораздо ближе къ польскому, нежели волшебное пѣніе Горанта, приковывающее вниманіе всѣхъ живыхъ существъ. Если и здѣсь допустить индійскій первообразъ, то надо, во всякомъ случаѣ, различать два рода пѣнія: 1) волшебное, очаровывающее всѣхъ живыхъ существъ, какъ, напр., очарованіе арміи со слонами и лошадьми (Панчат.), пѣсня сиренъ въ Одис-

[1]) Гейнцель, стр. 90.
[2]) Benfej, Pantschatantra, I, 442.

http://rcin.org.pl

сеѣ, пѣніе Гильды въ Снорраэддѣ и т. п. и 2) пѣніе любовное, привлекающее сердце женщины, какъ въ приведенныхъ разсказахъ восточныхъ, музыкѣ Соловья Будимировича, Вальтера (пѣніе или пѣніе съ музыкой) и т. п. Повторяю, что Гильда не влюбляется въ Горанта, хотя знала его; желаніе ея слушать пѣніе Горанта и Гетеля не единственная причина согласія на бракъ съ Гетелемъ: таковыми являются еще его могущество, богатство и, наконецъ, желаніе Гетеля имѣть Гильду женой и заочная любовь его.

Орестъ Миллеръ [1]) полагаетъ, что чарующее пѣніе—общенародная эпическая черта, „которую никто ни у кого не заимствовалъ“, хотя первообразомъ для всѣхъ такихъ пѣвцовъ могъ послужить Орфей Ригъ-Ведды и „чудный голосъ“, сообщаемый Бенфеемъ [2]). Русскому эпосу также извѣстно чарующее вліяніе музыки и пѣнія. Правда, музыка—игра на гусляхъ—является здѣсь преобладающей, но, я думаю, что мы можемъ сопоставлять ее съ пѣніемъ и игрой на лютнѣ Вальтера, какъ это видимъ у Папроцкаго [3]).

Въ былинѣ о Соловьѣ Будимировичѣ Запава, услышавъ игру Соловья въ теремѣ:

Тутъ дѣвица не вѣмъ возрадовалася,
Не вѣмъ дѣвица перепалася,
И слушала она день до вечера...

Вечеромъ входитъ она въ теремъ къ незнакомому молодцу и кланяется:

Тутъ дѣвица не стыдилася,
За Соловья за мужъ подавалася. Рыбн., I, № 53 [4]).

Или, привлеченная чудесной игрой Соловья, Запава отвѣчаетъ на его предложеніе:.. „мы-де оба на возрастѣ“:

—„А я-де дѣвица на выданьѣ
Пришла-де за тебя свататься“.

---

[1]) Илья Муромецъ и богат. Кіев., стр. 405.

[2]) Ibid.

[3]) Папроцкій пользовался устнымъ преданіемъ, но не выдавалъ его за источникъ; отсюда же могъ онъ почерпнуть объ игрѣ на лютнѣ Вальтера, тогда какъ Богухвалъ (т. е. великопольскій хронистъ) это опускаетъ.

[4]) См. Рыбн., II, № 31; IV, № 11. № 54, Гильферд., № 208, № 53.

http://rcin.org.pl

Вотъ какъ изображаетъ былина пѣніе и игру на гусляхъ Соловья: въ третьемъ теремѣ, куда подошла Запава

. . . . стучитъ-гремитъ,
Пѣсни поетъ и гусли играетъ:
Младъ Соловей Будиміровичъ
Струнку къ стрункѣ натягиваетъ.
Тонцы ведетъ отъ Новагорода,
А другіе ведетъ отъ Еросолима.

Если принять толкованіе А. Н. Веселовскаго [1]), что былина о Соловьѣ Будиміровичѣ есть былина о свадебной поѣздкѣ какого-то заморскаго молодца, прельщающаго диковинами невѣсту и что она освѣщается символикой свадебныхъ пѣсенъ [2]), куда относится и пѣніе съ игрой на гусляхъ, то пѣніе и игру на лютнѣ, прельщающія окончательно дѣвицу, должно считать мотивомъ, очень популярнымъ на Руси, имѣющимъ бытовое примѣненіе. По отношенію-же къ „сватовству" Вальтера этотъ мотивъ является тоже соблазнительнымъ средствомъ для привлеченія любви Гельгунды. Столь очевидное сходство образовъ у родственныхъ народностей мнѣ представляется весьма естественнымъ. Въ русскихъ сказкахъ есть образъ царевича, который ѣздитъ на кораблѣ по морю и чудно играетъ на гусляхъ; его игру за тридевять земель слышитъ прекрасная царевна—Царь-Дѣвица и пріѣзжаетъ къ нему, но не можетъ пробудить его отъ волшебнаго сна; на слѣдующій день опять царевичъ ѣздитъ по морю и играетъ „такъ сладко и нѣжно, что и сказать нельзя". Опять царевна уѣзжаетъ ни съ чѣмъ. Послѣ третьяго раза Царь-Дѣвица удаляется въ тридесятое царство, гдѣ ее и находитъ царевичъ послѣ ряда приключеній. Подойдя къ окну царевны, онъ „заигралъ такъ нѣжно, да такъ сладко, что и сказать нельзя". Услышавъ его игру, Царь-Дѣвица узнала жениха [3]).

Таково „любовное" пѣніе въ русскомъ эпосѣ; но существуетъ и чарующее, волшебное его вліяніе. Такъ, въ сказкахъ находимъ Ивана-царевича, очаровывающаго пѣніемъ змѣя, котораго затѣмъ онъ убиваетъ [4]). Искусное пѣніе Садка приводитъ въ неистовство морского царя, который не можетъ перестать плясать, пока Садко играетъ. Въ послѣднемъ случаѣ, впрочемъ, мы, кажется, имѣемъ

[1]) Въ „Южно-русск. был.", II, стр. 67 сл.
[2]) Ibid., 78.
[3]) Аѳанасьевъ, Рус. сказки, т. VIII, № 13.
[4]) Аѳанасьевъ, VI, № 51.

http://rcin.org.pl

дѣло съ выраженіемъ восторга морского царя, восторга, проявлявшагося въ неудержимой пляскѣ. Это эпическое выраженіе наслажденія, которое доставляетъ игра хорошаго музыканта. Такими-же музыкантами являются въ нашемъ богатырскомъ эпосѣ Добрыня и Чурила. Первый является въ видѣ „удалой скоморошины“ на свадебный пиръ (жена его, по принужденію Владиміра, выходитъ замужъ за Алешу Поповича). Накрутившись скоморошиной, Добрыня входитъ въ гридницу и проситъ „мѣстечка несомножечко“. Его сажаютъ на неособенно почетное мѣсто—на печку муравленую; но

Какъ началъ онъ гуселокъ налаживати,
Струну натягивалъ будто отъ Кіева,
Другу отъ Царя-Града
И третью отъ Еросолима,—
Тонцы онъ повелъ-то великіе,
Припѣвки-то онъ припѣвалъ изъ-за синя моря.—
Тутъ всѣ на пиру поразслушались.

За эту игру Владиміръ сажаетъ Добрыню-скоморошину на почетное мѣсто—„противъ князя и княгини“ и рѣшаетъ:

За игру твою великую,
За утѣхи твои нѣжныя,
Безъ мѣрушки пей зелено вино,
Безъ разсчету получай золоту казну“... Рыбн. II, № 7.

Умѣньемъ играть на гусляхъ обладаетъ и другой дружинникъ Владиміра—пришлый молодецъ Чурила. Опраксія проситъ князя сдѣлать его постельникомъ: онъ играетъ на гуселькахъ яровчатыхъ.

„Спотѣшаетъ князя Владиміра,
А княгиню Опраксію пуще того“.

Далѣе объяснено, что „княгиня Чурилу у души держала“. Очевидно, искусство его оказало дѣйствіе на сердце княгини.

Обращаясь къ пѣнію и игрѣ на лютнѣ Вальтера въ польскомъ сказаніи, можно замѣтить, что оно ближе къ восточнымъ и русскимъ мотивамъ, чѣмъ къ нѣмецкимъ, какъ пѣніе Горанта, который является не женихомъ, привлекающимъ пѣніемъ любовь женщины, но пѣвцомъ-дружинникомъ въ родѣ Фолькера „Нибелунговъ“, или странствующаго пѣвца Георренда „Жалобы Деоры“, или, отчасти, нашего Добрыни.

http://rcin.org.pl

Съ предположеніемъ пр. Шепелевича[1]), будто пѣніе Горанта обязано своимъ происхожденіемъ одной изъ версій саги о Вальтерѣ и Гельгундѣ, —я не могу согласиться, такъ какъ эпизодъ съ пѣніемъ Горанта родился на почвѣ германскаго эпоса, а пѣніе Вальтера, покоряющее сердце возлюбленной, относится къ мотивамъ славяно-русскимъ. Всего лучше это доказываетъ былина о Соловьѣ Будиміровичѣ съ ея свадебной символикой. Что до сходства эпизодовъ съ чарующимъ голосомъ въ восточныхъ разсказахъ, то вліяніе ихъ могло отразиться, какъ въ русскомъ, такъ и въ западномъ эпосѣ. Въ византійской повѣсти о Дигенисѣ Акритѣ мы видимъ тотъ-же мотивъ о пѣніи витязя, плѣняющемъ дѣвицу. Прослышавъ о необыкновенной красотѣ Евдокіи, дочери Дуки, Евгеній пріѣзжаетъ къ ея дворцу и поетъ подъ окномъ пѣсню. Восхищенная дѣвушка смотритъ въ щель на прекраснаго пѣвца. Увидѣвшись затѣмъ съ Дигенисомъ, на вопросъ его о ея чувствѣ къ нему, дѣвушка отвѣчаетъ, что „носитъ его въ своемъ сердцѣ". Далѣе слѣдуетъ разсказъ о бѣгствѣ красавицы съ Дигенисомъ и его побѣдоносномъ сраженіи съ братьями, которые преслѣдовали бѣглецовъ. Дука, наконецъ, тогда соглашается на свадьбу, которая отпразднована съ подобающей пышностью[2]). Подобную обстановку находимъ и въ Кипрскомъ варіантѣ сказаній о Дигенисѣ. Дигенисъ, желая жениться на дочери Аліантриса, которая просватана за другого (Янниса), отправляется за ней, послѣ того какъ сватъ его получилъ отказъ и оскорбленіе. По совѣту этого свата Дигенисъ дѣлаетъ изъ сосны скрипку, чтобы игрой и пѣніемъ привлечь красавицу къ окну и похитить ее. Затѣмъ онъ избиваетъ преслѣдователей и женится на увезенной[3]).

Изъ состава этихъ сказаній видно, что восточный мотивъ о пѣніи, привлекающемъ любовь женщины, перешелъ въ византійскія повѣсти, откуда свободно могъ распространиться въ русскихъ сказаніяхъ и былинахъ, найдя соотвѣтствіе въ сказаніяхъ и обычаяхъ сватовства. Переходъ этого мотива и распространеніе въ

---

[1]) „Кудруна". Зап. Харьк. Унив., 1895 г., IV, стр. 19. Мюлленгофъ (у Гейнцеля, стр. 94) считаетъ, что пѣніе Вальтера могло явиться изъ эпизода въ „Кудрунѣ" (Горантъ) или Гедина, плѣняющаго Гильду.

[2]) Веселовскій. Отрывки визант. эпоса въ русскомъ. Вѣстн. Евр., 1878 г, IV.

[3]) Веселовскій, ibid. Образъ богатыря-пѣвца, владѣющаго искусствомъ игры на лютнѣ, мы видимъ въ турецкомъ народномъ романѣ, сообщенномъ Генрихомъ Влислоцкимъ (изъ „Anatoliai Kepek". Budap. 1891). Богатырь Гассанъ привлекаетъ пѣніемъ любовь дѣвушки Бентли, назначенной ему судьбой въ жены.

http://rcin.org.pl

Польшѣ совершенно естественны, что и подтверждается присутствіемъ его въ первой части сказанія о Вальтерѣ.

Такимъ образомъ, оказывается, что и второй изъ главныхъ моментовъ I-ой части польскаго сказанія не германскаго происхожденія. Что же касается дальнѣйшаго содержанія его, именно, преслѣдованія бѣжавшей влюбленной пары и боѣ изъ-за невѣсты, то, по распространенности своей, какъ въ западныхъ, такъ и въ русскихъ, славянскихъ и восточныхъ сказаніяхъ, оно должно быть признано за общенародное.

Изъ подробностей польскаго сказанія обращаютъ вниманіе: переправа Вальтера черезъ Рейнъ и тѣ препятствія, которыя устраиваетъ нѣмецкій принцъ для задержанія бѣглецовъ. Съ одной стороны, упоминаніе о Рейнѣ, лежавшемъ на дорогѣ между Франціей и Польшей, можетъ казаться просто географической подробностью, но съ другой, — припоминая часто значительную роль переправы черезъ Рейнъ въ нѣмецкихъ сагахъ и подробности о высокой платѣ за перевозъ, слѣдуетъ думать, что эпизодъ о переправѣ и ея препятствіяхъ есть отголосокъ различныхъ германскихъ сказаній, среди которыхъ находилась и сага о Вальтари, вѣроятнѣе всего въ изложеніи Эккегарда. Впрочемъ, я не настаиваю на послѣднемъ соображеніи въ виду значительной разницы въ эпизодахъ съ переправой черезъ Рейнъ въ германскомъ и польскомъ сказаніяхъ о Вальтерѣ: въ послѣднее этотъ эпизодъ могъ попасть изъ другихъ сказаній о бѣгствѣ влюбленныхъ и преслѣдованіи ихъ, тѣмъ болѣе, что бой Вальтера съ однимъ врагомъ трудно поставить въ связь съ битвой нѣмецкаго витязя съ 12 воинами [1]). Самымъ существеннымъ признакомъ того, что германская сага о Вальтерѣ была извѣстна въ Польшѣ, служатъ имена главныхъ героевъ сказанія польскаго—Вальтера и Гельгунды. Но уже прозвище Вальтера въ Польшѣ Wdały указываетъ на присвоеніе его польскими преданіями; о томъ же свидѣтельствуетъ причисленіе его къ знатнымъ польскимъ фамиліямъ. Имя Аринальда, соперника Вальтера, также, быть можетъ, заимствовано изъ западныхъ повѣстей, гдѣ встрѣчается герой съ подобнымъ-же именемъ—это Ринальдо въ карловингскомъ эпосѣ; однако, кромѣ созвучія въ именахъ, трудно подыскать какое-либо сходство между этими личностями, а потому выборъ этого имени надо считать зависящимъ, всего вѣроятнѣе, отъ произвола Папроцкаго. То-же придется сказать объ имени Рынга въ 2-ой части польскаго сказанія.

---

[1]) Объ этомъ см. выше.

http://rcin.org.pl

Итакъ, благодаря присутствію именъ Вальтера и Гельгунды и эпизоду о переходѣ черезъ Рейнъ съ требованіемъ высокой платы за перевозъ, приходится заключить, что сага о Вальтари была рано [1]) перенесена въ Польшу, гдѣ подверглась совершенной переработкѣ, отпаденію чуждыхъ славянской традиціи мотивовъ и замѣнѣ ихъ своими изъ цикла существовавшихъ здѣсь сказаній на ту-же тему объ увозѣ невѣсты, преслѣдованіи и боѣ изъ-за нея.—Сторонникъ нѣмецкаго происхожденія польской саги о Вальтерѣ пр. Шепелевичъ указываетъ, что одной изъ существенныхъ частей нѣмецкой саги было пребываніе Вальтари и Гильдегунды при дворѣ Аттилы въ качествѣ заложниковъ [2]). Потеря этой существенной части въ какомъ-либо варіантѣ саги въ Германіи совершенно непонятна; объясненіе-же замѣны Аттилы посредствомъ искусственной подстановки въ Польшѣ короля Франціи, какъ указано выше, не можетъ быть принимаемо въ разсчетъ. Имѣя готовыя формы разсказовъ объ уводѣ невѣсты, польское преданіе не интересовалось Аттилой, сдѣлавъ Гельгунду дочерью какого-то короля франковъ; этотъ-же „rex Francorum“ первоначально, очевидно, обозначалъ вообще иностраннаго западнаго государя, а затѣмъ, въ позднѣйшихъ редакціяхъ, сталъ называться болѣе опредѣленно—королемъ Франціи. Роль Аттилы и гунновъ въ германской сагѣ настолько значительна, что невозможно допустить, чтобы она стерлась еще на нѣмецкой почвѣ, и Вальтеръ оказался не при гунискомъ дворѣ, а при французскомъ. Если допустить, что въ представленіи саги Вальтари сталъ не заложникомъ, а дружинникомъ Аттилы, похитившимъ Гильдегунду, которую преданіе, какъ это обыкновенно бываетъ, могло поставить въ родственныя отношенія къ гунискому королю, что усилило-бы необходимость погони и безъ похищенія сокровищъ,—то погоня не представлялась-бы въ лицѣ одного только претендента на руку Гельгунды. Польское-же преданіе, именно, говоритъ объ этомъ одномъ преслѣдователѣ, и мотивъ боя—не желаніе сокровищъ [3]), но месть и стремленіе овладѣть возлюбленной. Такая подробность польскаго сказанія, какъ условіе противниковъ сражаться не только за обладаніе дѣвицей, но и конемъ и оружіемъ, могла быть заимствованной изъ германской саги, такъ какъ вполнѣ соотвѣтствуетъ корыстолюби-

[1]) Можетъ быть въ срединѣ XI в.,—время Казимира I-го; хотя со 2-ой половины X в., т. е. 962 г., когда Польша при кн. Mscislaw'ѣ сдѣлалась данницей германскаго императора Оттона I-го, германскія саги могли найти путь въ Польшу.

[2]) Шепелевичъ. Нѣм. повѣсть на слав. почвѣ, стр. 34.

[3]) Какъ это выходитъ по германскимъ варіантамъ.

http://rcin.org.pl

вымъ наклонностямъ германскихъ витязей. Другую подробность битвы въ польскомъ сказаніи—о взглядѣ возлюбленной, увеличивающемъ силы сражающагося, я готовъ былъ-бы скорѣе отнести къ мотивамъ славяно-русскимъ о помощи женщины, изъ-за которой происходитъ бой, одному изъ сражающихся; мотивъ этотъ могъ варьироваться такъ, что фактическая помощь обратилась въ ободреніе взглядомъ, принимаемое каждымъ изъ сражающихся на свой счетъ. Съ другой стороны, распространенность мотива о силѣ взгляда возлюбленной въ германскихъ сагахъ можетъ служить въ пользу его заимствованія изъ сказаній германскихъ. Во всякомъ случаѣ, такіе мотивы, какъ жизнь героя при иностранномъ дворѣ, любовь его къ королевской дочери, пріобрѣтаемая пѣніемъ, увозъ ея и счастливая битва его съ соперникомъ-преслѣдователемъ,—существовали независимо и на славянской почвѣ. Это даетъ мнѣ право заключить, что нѣмецкая сага о Вальтари и Гильдегундѣ, вступивъ въ Польшѣ въ соприкосновеніе съ существовавшими тамъ разсказами (сюжетъ которыхъ приведенъ выше), была, такъ сказать, полонизирована подъ вліяніемъ мѣстныхъ сюжетовъ, измѣнившихъ ея содержаніе, которое приняло видъ, извѣстный намъ по записямъ хроникъ. Въ хроникѣ велико-польской, гдѣ сказаніе это впервые записано, оно передается будто со словъ разсказчика; поэтому надо признать, что оно жило въ Польшѣ самостоятельно, принявъ лишь изъ нѣмецкой саги имена двухъ главныхъ дѣйствующихъ лицъ и кое-какія подробности. Теперь является вопросъ, почему нѣмецкая сага въ Польшѣ не укрѣпилась прочнѣе въ памяти народной, какъ это перѣдко случается съ захожими повѣстями. Главнѣйшей причиной усвоенія какимъ-либо народомъ чужого сказанія является, конечно, интересъ, вызываемый его содержаніемъ для данной страны; мы имѣемъ многочисленные примѣры того, что любимыя общія мѣста захожихъ преданій настолько прочно удерживаются на чуждой почвѣ, что привязываются къ различнымъ сказаніямъ, стоящимъ внѣ всякой связи съ тѣми, откуда они почерпнуты; напротивъ, другія мѣста того-же захожаго преданія, не представляющія интереса для чужого народа или мѣстности, утрачиваются вовсе или замѣняются новыми, мѣстнаго происхожденія. Иначе нѣсколько обстоитъ дѣло съ матеріаломъ, закрѣпленнымъ книгой въ переводѣ или переложеніи [1]). Читатели, при сравнительно

[1]) Переложеніе часто практиковалось старинными книжниками, извлекавшими изъ иноземныхъ разсказовъ только то, что казалось имъ важнымъ по назидательности или интереснымъ по фабулѣ.—Такова участь весьма многихъ русскихъ перехожихъ повѣстей.

http://rcin.org.pl

ограниченномъ матеріалѣ для чтенія, для такого перевода найдутся въ достаточномъ количествѣ, но, чтобы содержаніе прочтеннаго, выйдя за кругъ грамотнаго общества, сохранилось въ устномъ пересказѣ, надо, чтобы оно удовлетворяло по своему разборчивыхъ слушателей. Такъ какъ нѣмецкая сага о Вальтари достигла ушей польскаго люда въ формѣ устнаго преданія, а ея обстановка съ историческими отголосками объ эпохѣ владычества Аттилы была чуждой, забытой среди польскаго народа, то содержаніе ея было поглощено мѣстными сказаніями, при чемъ сохранились лишь имена и нѣкоторые факты. При столкновеніи сходныхъ по темѣ и мотивамъ сказаній чужестранныхъ и мѣстныхъ перевѣсъ, конечно, всегда останется на сторонѣ послѣднихъ, которыя приспособляютъ чужое къ условіямъ своего быта и готовымъ формамъ эпоса; чужія-же сказанія могутъ лишь дополнить свои, прибавляя лишній эпизодъ, имя, а самое ихъ содержаніе можетъ исчезнуть безслѣдно съ изображеніемъ непонятныхъ идеаловъ, историческихъ воспоминаній и бытовыхъ картинъ.

Итакъ, по моему мнѣнію, первая часть польскаго сказанія о Вальтерѣ и Гельгундѣ отнюдь не перенесена цѣликомъ изъ Германіи въ Польшу, но германская сага послужила на польской почвѣ лишь основой и дала имена, къ которымъ прикрѣпились существовавшія издавна сказанія объ уводѣ невѣсты,—любовь которой герой, находящійся при дворѣ иноземнаго короля, пріобрѣтаетъ посредствомъ различныхъ соблазнительныхъ диковинъ,—и боѣ съ преслѣдователями. Изъ этихъ диковинъ въ славяно-русскихъ сказаніяхъ выдѣлилась подробность объ увлекающемъ пѣніи и игрѣ на музыкальномъ инструментѣ, которая была приписана Вальтеру[1]). Что касается прочихъ подробностей, то онѣ частью принадлежатъ польской, частью нѣмецкой сагѣ. Вѣрно разграничить тѣ и другія невозможно въ виду сходства темъ, къ которымъ онѣ привязаны. Кромѣ того, сходные единичные народно-поэтическіе образы могутъ возникнутъ и возникаютъ у различныхъ народовъ не только путемъ заимствованія, но и вслѣдствіе единства ихъ психической организаціи и появиться совершенно самостоятельно, будучи вызваны сходными явленіями дѣйствительности.

Первая часть нашей саги такъ мало вообще напоминаетъ нѣмецкія, что, вѣроятно, никто не сталъ-бы доискиваться связи между

[1]) Этотъ эпизодъ польскаго сказанія, какъ и пѣніе Горанта, стоитъ въ нѣкоторомъ отношеніи къ сказаніямъ объ увозѣ Соломоновой жены и различнымъ ихъ варіаціямъ.

http://rcin.org.pl

ними, если-бы къ этому не побуждало присутствіе именъ Вальтера и Гельгунды [1]).

При другихъ именахъ героевъ польскаго сказанія оно сравнивалось-бы съ нѣмецкими сагами о Вальтари и Гильдегундѣ развѣ

[1]) Существуетъ „народный романъ", по сообщенію г. Генриха Влислоцкаго д. с. п. живущій въ Малой Азіи проводимый имъ (по „Anatoliai Kepek" Dr'a Ignaz Kunos, Budapest 1891, какъ „*турецкая Waltharisage*".

Особенное сходство съ германской сагой г. Влислоцкій видитъ во 2-ой части очень сложнаго по содержанію турецкаго разсказа. Я вкратцѣ приведу содержаніе интересущей насъ части: Гассанъ, сынъ славнаго богатыря Korolu, ѣдетъ за невѣстой, образъ которой показалъ ему добрый духъ; судьба устроила такъ, что и невѣста видѣла его образъ. Встрѣтясь, молодые люди рѣшили бѣжать, такъ какъ отецъ невѣсты, могучій Каравезиръ, не соглашается на этотъ бракъ. 3 дня и 3 ночи скачутъ они къ отцу Гассана. Во время сна витязя на колѣняхъ у дѣвы, она видѣла облако пыли поднятое погоней: отецъ, 6 братьевъ и 2000 всадниковъ догоняютъ ихъ. Слезой, капнувшей на спящаго, дѣва поднимаетъ витязя (обычная эпическая черта), который вступаетъ въ бой съ врагомъ, скрывши въ лѣсу невѣсту. Къ ночи онъ побѣдилъ всѣхъ братьевъ невѣсты. Израненный Гассанъ удалился въ пещеру подлѣ лѣса, гдѣ дѣва перевязала ему раны. Утромъ враги подошли къ пещерѣ и начался бой, шедшій до ночи. Опять дѣва перевязала раны совершенно обезсилѣнному Гассану; утромъ онъ проситъ дѣву выдать его отцу, чтобы получить прощеніе, но она взяла его мечь и храбро цѣлый день отбивала нападеніе. Ночью они, видя безплодность усилій и свою слабость въ виду полученныхъ ранъ, рѣшили призвать отца Гассана, сожигая 3 чудесныхъ волоса, данныхъ Королу сыну для вызова его въ минуту опасности. Прибывъ на помощь Королу выручилъ влюбленныхъ, вылѣчилъ Гассана и, испытавъ любовь къ нему невѣсты, отвезъ ихъ домой, гдѣ праздновали свадьбу 14 дней и ночей.

Кромѣ общаго съ нѣмецкой сагой традиціоннаго сюжета и случайной подробности о пещерѣ, у которой шелъ бой, едва-ли можно видѣть въ обѣихъ сагахъ сходство и связывать ихъ другъ съ другомъ. Мотивъ о помощи невѣсты (жены), жениху (мужу) во время боя съ преслѣдователями, отсутствующій въ германской Waltharisage, очень популяренъ въ южно-славянскихъ пѣсняхъ: женщина оказываетъ геройскіе подвиги (иногда она представляется въ видѣ паленицы удалой, какъ напр., Косовна дѣвойка, которая, встрѣтивъ Марка, Милуша и Момчила,

Ударила боіумъ да се биать,
Та се били три дни и три ношти.
Надвила имъ Косовка дѣвойка). (Сб. Мин. XII, стр. 66).

Напр.: Марко отнимаетъ жену изъ плѣна у турокъ:

Три дни са се били и кжцали
Гиздава Мариа стои та гледа,
А Марко вели и говори:
„Оі убава гиздава Мариа,
Іа земи си таа остра сабьа
Та махни по турци или по мене!" (Сб. Мин. XII, № 8 и мн. друг.).

http://rcin.org.pl

только относительно сходства темы; въ такомъ случаѣ не было-бы рѣчи ни о заимствованіи, ни объ искусственной подстановкѣ короля Франціи вмѣсто Аттилы, такъ какъ очевидно, что главные моменты польскаго сказанія жили въ Польшѣ издавна и развивались самостоятельно, какъ и многіе ихъ аксессуары.

Она взяла саблю:

Не махнала по Марко млади
Но махнала по турци лагарефци,

положила всѣхъ ихъ и вернулась съ мужемъ домой.

http://rcin.org.pl

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

2-я часть польскаго сказанія о Вальтерѣ и Гельгундѣ имѣетъ темой измѣну жены. Я нахожу въ ней слѣдующіе главные моменты:

A. Жена въ отсутствіе мужа бѣжитъ съ его врагомъ-плѣнникомъ, влюбившись въ него.

B. Мужъ, узнавъ объ этомъ, является въ отсутствіе похитителя, чтобы отомстить.

C. a) Измѣнница, увѣряя, что уведена насильно, хитростью заманиваетъ мужа въ засаду и выдаетъ любовнику, который заковываетъ его и

b) на глазахъ мужа наслаждается съ его женою.

D. a) Сестра любовника, подъ условіемъ брака съ ней, помогаетъ освободиться плѣннику.

b) Освободившись, онъ казнитъ преступную чету.

Либрехтъ указываетъ на варіанты этой повѣсти о невѣрной женѣ въ Англіи (XII в.), въ нѣмецк. „Gesta Romanorum" и въ ср.-верх.-нѣмецкомъ стихотв. „der Nussberg". Эти четыре версіи Либрехтъ называетъ славянскими. По его мнѣнію, польская версія первоначально была самостоятельной, а затѣмъ смѣшалась съ названными варіантами. Сюжетъ польской версіи Либрехтъ находитъ въ „Панчатантрѣ" Бенфея, гдѣ послѣднимъ указаны 4 сходныхъ мотива на тему: „какъ женщина вознаграждаетъ за любовь"; изъ нихъ Либрехтъ приводитъ 3-й (изъ сборника Сомадевы), который, по его мнѣнію, находится въ самой тѣсной связи со второй частью польской версіи [1]). Вотъ эта повѣсть:

У ревниваго мужа во время его отлучки сбѣжала жена съ любовникомъ (имя его — Бхилла). Мужъ находитъ жену одну, которая

[1]) Orient u. Occident. т. I, стр. 125—129, 1862 г.

http://rcin.org.pl

увѣряетъ мужа, что уведена силой. „Пойди, говоритъ она мужу: посиди въ пещерѣ, а когда Бхилла ночью заснетъ, мы убьемъ его“. Когда любовникъ вернулся, женщина указала ему убѣжище мужа, котораго онъ привязываетъ къ дереву и на его глазахъ тѣшится съ измѣнницей. Наконецъ, богиня Čandi, которой сталъ молиться несчастный мужъ, оказываетъ ему милость, давая возможность освободиться отъ путъ посредствомъ меча Бхиллы и тѣмъ-же мечемъ убить его. Либрехтъ находитъ, что все это имѣетъ параллели въ польскомъ варіантѣ разсказа о невѣрной женѣ Вальтера, кромѣ убійства Гельгунды.

Освободившись отъ неволи, мужъ съ женой отправляются дальше, но жена взяла съ собою тайкомъ голову убитаго Бхиллы. Когда они прибыли въ какой-то городъ, вѣроломная жена, показавъ чиновникамъ голову убитаго, потребовала казни мужа, называя его убійцей того, кто былъ ея настоящимъ мужемъ. Обоихъ отвели къ царю, который, узнавъ истину, приказалъ отрубить женѣ уши и носъ, а мужа отпустить.

Конецъ этотъ отсутствуетъ въ польскомъ разсказѣ, равно какъ въ англ. и въ Gesta Roman., хотя вездѣ невѣрная жена подвергается наказанію.

Либрехтъ заключаетъ, что этотъ разсказъ послужилъ источникомъ для польской версіи, изъ которой затѣмъ развились: англ. разсказъ, ср.-верх. нѣм. стих. и разсказъ изъ Gesta Rom. Либрехтъ полагаетъ, что индійская повѣсть пришла къ славянамъ черезъ монголовъ, которые вообще играли роль посредниковъ для перенесенія восточныхъ повѣстей къ славянамъ, а отъ нихъ по всей Европѣ. Въ доказательство ученый приводитъ двѣ русскихъ былины: объ Иванѣ Годиновичѣ и Михайлѣ Потокѣ Ивановичѣ [1]). Какъ уже упомянуто, Либрехтъ утверждаетъ, что польская редакція во второй части не можетъ имѣть ничего общаго съ нѣмецкими преданіями, но измѣна Гельгунды присоединена впослѣдствіи не нѣмцами, а славянами, взявшими ее съ Востока (Zur Volskunde).

Я обращаюсь теперь къ указаннымъ Либрехтомъ русскимъ былинамъ, чтобы, сравнивъ ихъ съ индійскимъ разсказомъ Сомадевы, провѣрить его положеніе относительно происхожденія того типа разсказовъ о невѣрной женѣ, къ которому относятся польская повѣсть и двѣ назван. русскихъ былины. Проф. Кирпичниковъ въ предисловіи къ „Поэмамъ ломбардскаго цикла“ говоритъ, что „изъ

[1]) Orient und Occident, III, p. 587—8.

http://rcin.org.pl

дѣйствительной жизни, условія которой одинаковы на всѣхъ концахъ міра, выработались такія общія рамки, такія темы, въ которыхъ должна вращаться народная поэзія, что бы ни легло въ ея основу: воззрѣніе или фактъ, миѳъ или исторія". Что-же касается вообще темы о невѣрной женѣ, то было-бы слишкомъ односторонимъ выводить ее съ Востока цѣликомъ, во всѣхъ варіантахъ: если бросающіяся въ глаза явленія жизни необходимо порождаютъ литературное ихъ отраженіе, то, само собою понятно, что на Западѣ и на Востокѣ во всякое время существовали разсказы о хитрости, коварствѣ и измѣнахъ женщинъ, равно какъ и объ ихъ героизмѣ и вѣрности. Однако, библейскія, классическія и народныя преданія, говоря о женскихъ злобахъ, охотно повѣствуютъ и о положительныхъ качествахъ женщины [1]), ихъ патріотизмѣ, героизмѣ и ревнивомъ обереганіи чести своей и мужней. Въ средніе вв., напротивъ, несмотря на возвышеніе рыцарскаго идеала женщины, развивался и отрицательный взглядъ на нее, поддерживалось темное подозрѣніе въ дьявольскомъ ея коварствѣ и хитрости. Старинные книжники признавали, правда, и добрыя качества женщины, какъ матери и жены, но говорили о нихъ мимоходомъ, чтобы рѣзче оттѣнить противоположныя свойства злой жены. Удовлетворяя средневѣковому аскетизму и грубымъ понятіямъ неразвитыхъ массъ, слово о женскихъ злобахъ, исходя изъ древнѣйшихъ источниковъ, рано встрѣчается на Западѣ; оно переходило изъ поколѣнія въ поколѣніе и, наконецъ, вошло въ обиходъ народнаго чтенія [2]). Такимъ образомъ, мы не можемъ выводить съ Востока всѣ разсказы на тему о невѣрной женѣ, но встрѣчающееся въ ихъ содержаніи сходство, должно иногда объяснять сходствомъ явленій жизни, вызвавшихъ ихъ сложеніе.

Проф. Кирпичниковъ [3]) сходство въ языкѣ, миѳахъ и поэтическихъ произведеніяхъ двухъ различныхъ народовъ объясняетъ „или единствомъ происхожденія, или заимствованіемъ одного народа отъ другого; но есть еще,—говоритъ онъ,—третья причина: сходство людей между собою, въ особенности тѣхъ, которые находятся на одинаковой степени духовнаго развитія. Такимъ единствомъ при-

[1]) Напр. въ „Декамеронѣ" Боккачіо, русскихъ былинахъ о Ставрѣ Годиновичѣ, южно-славянскихъ пѣсняхъ о вѣрныхъ женахъ, помогающихъ мужьямъ въ несчастіи и т. п. Въ западно-европейскихъ рукописяхъ часто за повѣстью о вѣрной послушной женѣ, слѣдовалъ разсказъ о невѣрной.

[2]) Буслаевъ. „Мои досуги", т. II, стр. 39—50.

[3]) „Кудруна". Харьковъ, 1875 г., стр. 46—47.

http://rcin.org.pl

роды человѣческой объясняется, напр., сходство эстонскихъ сказокъ съ „Пентамерономъ“ и почти всѣ сличенія въ пресловутыхъ статьяхъ г. Стасова“. Пр. Шепелевичъ, приводя это положеніе [1], прибавляетъ: „такимъ единствомъ природы человѣческой объясняется и сходство преданій о вѣроломной женѣ“. Я позволю себѣ возразить по поводу послѣдняго замѣчанія, что оно только тогда было-бы безусловно вѣрнымъ, если-бы можно было убѣдиться, что въ появленіи упомянутыхъ преданій не принимали никакого участія двѣ другія причины сходства, указанныя пр. Кирпичниковымъ, именно, единство происхожденія и заимствованіе; однако, и съ тѣмъ, и съ другимъ надо считаться. Поэтому является необходимымъ замѣчаніе, что невозможно распространить значеніе единства человѣческой природы для объясненія сходства преданій о невѣрной женѣ огульно на всѣ эти преданія; иначе заключеніе это будетъ страдать, именно, той односторонностью, въ какой пр. Шепелевичъ упрекаетъ Либрехта. Чтобы избѣжать этого недостатка, мнѣ кажется, необходимо раздѣлять разсказы на тему о вѣроломной женѣ по типамъ, и нѣкоторые изъ нихъ, быть можетъ, окажутся заимствованными у другого народа, хотя и подверглись вліяніямъ условій почвы, на которую были перенесены. Доказательствомъ заимствованія, кромѣ совпаденія основныхъ моментовъ разнонародныхъ разсказовъ одного и того-же типа, могутъ служить какія-либо черты, занесенныя съ родины разсказа и сохраненныя другимъ народомъ, хотя и подверглись измѣненіямъ и перетолкованіямъ; послѣднія совершаются постепенно, при чемъ иногда сохраняются первоначальныя черты безсознательно, открывая изслѣдователю своимъ присутствіемъ указанія на родину разсказа. Въ этомъ отношеніи очень важны варіанты одного и того-же преданія, въ которыхъ можно иногда увидѣть постепенное перетолкованіе непонятнаго чужеземнаго мотива и приспособленіе его къ мѣстнымъ воззрѣніямъ и различнымъ эпохамъ народной жизни.

1.

Былина объ Иванѣ Годиновичѣ существуетъ во многихъ варіантахъ, въ которыхъ находятся подробности, не имѣющія существеннаго значенія относительно темы былины. Чтобы болѣе не встрѣчаться съ такими подробностями, я выдѣляю ихъ совершенно. Та-

[1]) См. его „Нѣм. нов. на слав. почвѣ“, стр. 29.

http://rcin.org.pl

ковы слѣд.: родство Ивана Годиновича съ кн. Владиміромъ (который приходится ему то „крестовымъ батюшкой“, напр., Рыбн., I, № 34, то дядей: Рыбн., I, № 33),—дружина, которую онъ имѣетъ лично (100 человѣкъ) и которую даютъ ему Владиміръ и княгиня (по 100 человѣкъ) (Кирша, 15, Рыбн., III, 19—27,—или сила ратная 40 тысячей и казна 40 тысячей, посылаемыя ему княземъ: Рыбн., I, № 33, Гильф., № 51,—или дружина въ 30 богатырей: сб. Тихонр., № 42),—помощники (Добрыня Никитичъ, Алеша Поповичъ и Исаакъ Петровичъ: Гильф., № 179,—или одинъ помощникъ—паробокъ Ефимка: Тихонр., № 43, или Васильюшка Заморскій: Рыбн., I, № 34). (По нѣкоторымъ изводамъ Иванъ Год. отправляется за невѣстой одинъ; вообще-же, по большинству изводовъ, дружиною онъ не пользуется). Упоминаніе у Кир., III, стр. 10, что Иванъ Год. служилъ раньше у отца невѣсты—короля Черниговскаго „въ ключникахъ столовыихъ“, вѣроятно, перенесено изъ былинъ о Дунаѣ. Равнымъ образомъ я оставляю въ сторонѣ эпизодъ съ разутіемъ Ивана невѣстой (у Рыбн., II, № 12 и Гильф., № 102) и всякія соображенія о миѳологическомъ значеніи этой былины.

Иванъ Годиновичъ грустный сидитъ на почестномъ пиру у князя; на вопросъ о причинахъ его печали онъ отвѣчаетъ:

„. . . во нашемъ городѣ во Кіевѣ,
. . . .
У насъ нѣтъ дѣвицъ—бѣлыхъ лебедей,
У насъ всѣ молодцы приженилися,
У насъ дѣвицы за мужъ выданы,
Я одинъ, добрый молодецъ, холостъ хожу“ (Кир., III, стр. 10).

Оказывается, что есть подходящая для Ивана невѣста въ чужихъ[1]) краяхъ,—зовутъ ее Авдотьей, Марьей, или Настасьей, она дочь или „царя-Черниговца“ (Кир., III, 9—19), или Дмитрія, гостя торговаго въ Золотой Ордѣ (Рыбн., I, № 34, Гильф., № 93), или Дмитрія, купца за синемъ моремъ (Гильф., № 51), купца черниговскаго за славнымъ, за синимъ моремъ (Рыбн., III, № 23), или въ Индіи купца Дмитрія (Гильф., № 256), или Дмитрія, гостя черниговскаго (Кирша и сходн. Кир., III, 19—27, Рыбн., II, № 13, III, № 23, Гильф., № 179, 188 и Тихонр., № 43, 42); наконецъ, въ двухъ

[1]) Очень интереснымъ является въ этой былинѣ столкновеніе Ивана съ чужими людьми—отцомъ и женихомъ невѣсты. Кромѣ того, по замѣчанію О. Миллера (Илья, 370) въ ней есть „много чуждаго“.

http://rcin.org.pl

изводахъ (Рыбн., I, № 33 и Гильф., № 275) отецъ невѣсты названъ просто гостемъ торговымъ. Особенно обращаетъ вниманіе названіе отца Авдотьи „царемъ Черниговскимъ (Кир. III, 10—10); этотъ царь вмѣстѣ съ указаніемъ, что

Засватана Авдотья запоручена.
Что во ту-ли во Орду, во невѣрную,
За того-ли Одолища поганаго

заставляетъ видѣть въ былинѣ отзвуки воспоминаній о татарахъ. Сюда-же относятся былины Кирши Д. и Кир. III. стр. 19—27, которыя говорятъ о женихѣ Авдотьи, Афромеѣ, какъ о „царѣ дальней земли Загорской“; „Загорская земля“ не указываетъ-ли на земли за Ураломъ и Кавказомъ, откуда явились „Орды поганыя“; впрочемъ, это можетъ быть лишь порча обычнаго выраженія отдаленности, слова „заморскій“. По словамъ отца невѣсты Ивана, гостя Дмитрія черниговскаго, если она выйдетъ за Афромея, то

Пановя ей всѣ поклонятся,
Пановя и улановья,
А нѣмецкихъ языковъ и счету нѣтъ.

Соперникъ Ивана Год. у Гильф., № 83 называется царскимъ сыномъ Ѳедоромъ Ивановичемъ (. . . съ хороброй Литвы: Рыбн., I, № 34), въ остальныхъ-же пересказахъ—Кощеемъ Трипетовымъ, Царищемъ Кощерищемъ или Кощеемъ Безсмертнымъ. У Тихонр. (№ 42) Кощей обѣщаетъ Авдотьѣ, что ей „будутъ покланяться 30 идолищиповъ“, если она станетъ его женой. Этотъ Кощей Безсмертный, столь знакомый русской сказкѣ, какъ и царскій сынъ Ѳедоръ Ивановичъ, по моему мнѣнію, есть позднѣйшая замѣна Идолища поганаго, т. е. татарина, который оказывается соперникомъ Ивана. Воспоминаніе о татарскомъ происхожденіи его и названіе „татариномъ поганымъ“ сохранилось даже въ тѣхъ пересказахъ, гдѣ онъ названъ Кощеемъ, (напр., у Гильф. №№ 179, 188: Иванъ называетъ Кощерища—татариномъ, обращаясь съ заговоромъ къ стрѣлѣ: „воротись татарину во бѣлу грудь!“) или царскимъ сыномъ Ѳедоромъ Ивановичемъ съ хороброй Литвы (Рыбн., I, № 34): наказывая жену, Иванъ отрубаетъ ей руки, ноги и губы за прикосновеніе „къ татарину поганому, тому-ли Ѳедору Ивановичу“.

Упоминаніе о Золотой Ордѣ, пановяхъ-улановьяхъ, эпитетъ „поганый“ у Идолища, Кощея и Ѳедора, названіе ихъ татарами, невольно заставляютъ обратиться къ эпохѣ татарской и видѣть влія-

http://rcin.org.pl

ніе татаръ при появленіи былины. Въ томъ, что „царь вольный Черниговецъ“ превратился въ купца—гостя торговаго, я вижу позднѣйшую замѣну для объясненія непонятнаго для пѣвцовъ и слушателей „царя черниговскаго“; при этомъ Черниговъ считается принадлежащимъ вольному татарскому царю, тогда какъ Кіевъ—стольный городъ Владиміра. Купецъ Дмитрій, живущій въ Золотой Ордѣ, за дочь котораго сватается Одолище поганое, является первоначально такимъ-же поганымъ татариномъ, какъ и Одолище, и царь-Черниговецъ. Обращеніе съ этимъ гостемъ торговымъ Ивана—отсутствіе поклоновъ по ученому, креста по писаному, отворяніе двери на-пяту и т. п. прямо на это указываетъ, равно какъ и гордый отказъ его Ивану въ виду сватовства Афромея [1]). Эта гордость—остатокъ прежняго царскаго званія черниговскаго гостя.

Странно, что Черниговъ оказывается „за синимъ моремъ“. О. Миллеръ [2]) готовъ видѣть здѣсь указанія на варяжскій берегъ, родину купцовъ заморскихъ (стр. 575) и вообще усматриваетъ въ былинѣ присутствіе варяжскаго источника (378 стр.). Съ такимъ мнѣніемъ трудно согласиться, принявъ во вниманіе сказанное выше: скорѣе Черниговъ называется заморскимъ по присутствію въ немъ царя поганой орды, явившейся изъ-за моря по представленію русскихъ, изъ-за далекихъ морей: Азовскаго и Каспія. Одиноко стоитъ обозначеніе Дмитрія, какъ гостя изъ Индіи (Гильф., № 256). Во всякомъ случаѣ—это опредѣленіе отдаленности на Востокѣ. Черниговъ безъ перенесенія за горы или за море, въ которомъ Дмитрій просто оказывается гостемъ торговымъ, есть принадлежность новѣйшихъ пересказовъ былины, когда уже окончательно забыли о прежней родинѣ Дмитрія—Золотой Ордѣ и о царѣ-Черниговцѣ.—Возвращаюсь къ изложенію содержанія былины. Итакъ, Иванъ Годинов. отправляется къ отцу своей суженой, живущему гдѣ-то на востокѣ въ татарскихъ земляхъ, и сватаетъ его дочь. По большинству пересказовь, отецъ заявляетъ, что она уже просватана за другого, за такого-же нехристя, какъ и самъ онъ, за Одолища или за Кощея. Тогда Иванъ беретъ ее силою. Въ двухъ пересказахъ дѣло сватовства изложено иначе: когда Иванъ явился въ Орду свататься,

„Съ другой стороны, съ хороброй Литвы,
Пріѣзжаетъ царскій сынъ Θедоръ Ивановичъ“...

и тоже сватаетъ ее, но

[1]) Для тебя у меня срощена собака на чорномъ дворѣ...
[2]) „Илья Муромецъ и богат. кіевское“.

http://rcin.org.pl

„Не пошла она за сына царскаго
А пошла она за Иванушка Годиновича“ (Рыбн., I, № 34)

или:

„Позвалась она пойти за Иванушка Годиновича“.
(Гильф., № 275).

Въ этихъ пересказахъ о прежнемъ сватовствѣ соперника Ивана не говорится вовсе. Мнѣ кажется, что такое замужество Настасьи за Иваномъ Годинов.—„во люби“—мотивъ болѣе древній, чѣмъ насиліе Ивана и предварительное сватовство другого[1]), такъ какъ въ послѣднемъ случаѣ насильникомъ является Иванъ, уводящій чужую невѣсту, хотя и поганаго Идолища-Кощея. Эпосъ нашъ очень несочувственно относится къ подобнымъ захватамъ „чужого куса“; на это указываютъ укоры Добрыни по адресу Алеши Поповича и князя Влад., покушавшихся „отъ жива мужа жену отнять“ (См. был. объ отъѣздѣ Добрыни; то-же явное неодобреніе поступка кн. Влад. въ был. о Данилѣ Ловчанинѣ). Въ нашей былинѣ въ положеніи насильника,—въ позднѣйшихъ, очевидно, пересказахъ,—оказывается Иванъ; но и тутъ онъ получаетъ отъ Кощея, именно, такой упрекъ:

„Не честь твоя, хвала молодецкая—
Отъ жива мужа жену берешь“. (Тихонр., № 42).

или:

„Ты почто взялъ у меня Настасью Дм.?...
У меня три года, какъ сосваталось“. (Рыбн., II, № 13) (?).

Если другіе пересказы съ большимъ равнодушіемъ относятся къ незаконному поступку Ивана, то это объясняется позднѣйшей струей, національнымъ сочувствіемъ къ православному Ивану,—воззрѣніемъ, что „Богъ и Св. Писаніе велятъ бить басурманъ“, относительно которыхъ всякій поступокъ будетъ правильнымъ, если онъ служитъ къ выгодѣ „нашего“. Интересна въ этомъ отношеніи неоконченная былина у Рыбн. II, № 11, гдѣ вмѣсто Ивана Годино-

[1]) Намекъ на добровольное согласіе невѣсты Ивана видимъ у Кир., III (10—19): Иванъ говоритъ царю Черниговцу: „ужъ ты честью не отдашь—боемъ возьму“ (стр. 13). Несмотря на увѣренія его, что она „засватана, запоручена за Одолища, Иванъ врывается въ ея комнату, гдѣ невѣста встрѣчаетъ его словами:

„Ужъ ты здравствуй Иванъ, свѣтъ Годиновичъ!
. . . .
Она брала его за бѣлы руки,
Целовала миловала въ сахарныя уста“ (стр. 14).

http://rcin.org.pl

вича названъ Василій Буслaнеевичъ (смѣшеніе очевидно). Онъ отдыхаетъ *съ женой* въ шатрѣ среди поля. Наѣзжаетъ Кощей и отнимаетъ жену его.

Отъѣхавъ далеко съ невѣстой, Иванъ въ чистомъ полѣ развернулъ шатеръ бѣлъ-полотняный и сталъ съ нею „опочивъ держать“. Тутъ-то и является Кощей-Одолище, игравшій первоначально роль насильника; роль эта настолько соотвѣтствуетъ ему, что онъ въ былинѣ изображается въ ней даже и тогда, когда на самомъ дѣлѣ онъ оказывается лицомъ потерпѣвшимъ и защищающимъ свое право на невѣсту, которая за нимъ „запросваталась“ и „обмѣнялась перстнями однозолотными“. Какъ бы то ни было, послѣ упрека Ивану со стороны Кощея, какъ прежняго жениха, слѣдуетъ вызовъ и начинается бой. Здѣсь сочувствіе былины окончательно на сторонѣ Ивана. Иногда бой описывается обычными эпическими чертами (какъ бились сперва копьями мурзамецкими и т. п.), а иногда просто богатырь-Иванъ „сгибаетъ царя корчагою“; во всякомъ случаѣ Иванъ валитъ врага на землю. Тутъ требуется пороть у врага груди бѣлыя, но на этотъ случай у Ивана не оказалось „ножища-кинжалища“, который остался въ шатрѣ. Иванъ проситъ Настасью подать ему ножъ, но лежащій подъ нимъ врагъ начинаетъ уговаривать Настасью „словами прелестными“:

„Думай, Настасья, не продумайся,
За мной быть—царицей слыть,
. . . .
За Иваномъ быть холопкой (в. портамойницей) слыть“
(Кир., III, стр. 27).

или:

„За Ивана выйдешь будешь слыть поляницею
(в. Р. III, № 23: крестьянкою),
За меня выйдешь—будешь слыть царицею
И будутъ покланяться тебѣ 30 идолищовъ“
(Тихонр., № 42).

Тогда ей „за великую досаду показалося“; хватаетъ она Ивана за желты кудри, стаскиваетъ съ врага и вмѣстѣ съ послѣднимъ привязываетъ его „ко сыру дубу“ (в. къ кустечку ракитов.). Эта, повидимому, непонятная пощада Ивана его врагомъ объясняется (въ вар. у Кир., III, 10—19) просьбой его невѣсты: когда Одолище, одолѣвъ при ея помощи Ивана, хочетъ, въ свою очередь, пороть ему груди бѣлыя—„сожалѣлася Авдотья объ Иванушкѣ“; тогда рѣшаютъ

http://rcin.org.pl

привязать его къ дубу [1]). Въ упомянутыхъ уже не разъ варіантахъ: Рыбн., I, № 34 и Гильф., № 83—описаніе боя выпущено и соблазнъ со стороны врага Ивана предшествуетъ бою. Насиліе надъ Иваномъ выражается просто:

И взяли они двое обцеволили
Молода Иванушка Годиновича,
Привязали его къ сыру дубу (Р., I, № 34, стр. 50) [2]),

а сами зашли въ шатеръ и стали тамъ „опочивъ держать". Въ это время прилетѣли два голубя и сѣли на дубъ, у котораго былъ привязанъ Иванъ. По требованію вѣроломной жены любовникъ ея стрѣляетъ въ голубей, но стрѣла его возвращается обратно и убиваетъ самого стрѣлка.—Наказаніе врага Ивана чудеснымъ образомъ заставляетъ подробно остановиться на этомъ эпизодѣ, наиболѣе приближающемся къ подобному-же въ индійскомъ разсказѣ Сомадевы: здѣсь, именно, связанный мужъ, оказавшійся поневолѣ свидѣтелемъ утѣхъ жены съ любовникомъ, молится богинѣ Чанди, которая освобождаетъ его отъ путъ и помогаетъ убить Бхиллу его-же мечемъ. Всѣ пересказы былины объ Иванѣ Годиновичѣ содержатъ указанія на вмѣшательство чудесной силы для гибели его врага и большинство для освобожденія его отъ путъ. На сырой дубъ, стоящій у шатра, гдѣ опочивъ держитъ любовникъ Авдотьи съ нею-же на глазахъ связаннаго мужа, прилетаютъ два голубя (Кир. III, 18 ей хочется голубятины), или два ворона (Гильф., 179), или голубь съ голубушкой, или три лебедя по *Божьему повельнію.* (Рыбн. I, № 34, стр. 72), при чемъ Настасьѣ „захотѣлось на поносѣ мяса лебединаго" (Гильф., 83 и Рыбн., стр. 72), или птица малая пташица (Тихонр., № 43). Эти птицы, сидя на дубу, или смѣются вслухъ:

„ . . . Добро стоять Иванушку Гординычу
. . . .
Смотрѣть на забавушку великую"...
(Рыбн. II, № 13: Тихонр., № 42),

или жалѣютъ его (два ворона):

„ . . . привязана головушка, прикована,
Ради дѣвка, ради дурища"... (Гильф., № 179).

[1]) У Рыбн., II, № 13, напротивъ, она совѣтуетъ „отсѣчь Ивану буйну голову". За эти слова Иванъ, освободившись, вытягиваетъ ей языкъ (стр. 56).

[2]) У Гильф., № 183, васильническая роль Ивана смягчается тѣмъ, что, хотя Настасья просватана 3 года за Кощея,—она предпочитаетъ Ивана.

http://rcin.org.pl

или три голубя говорятъ:

. . . . Головушка эта привязана
Ради дѣвки, ради сводницы. (Гильф., № 188),

или черный воронъ пророчитъ:

„А не владѣть Марьей Дмитріевичной
Царю Кощею сыну Трипетову,
А владѣть Ивану Годиновичу.
(Рыбн., I, № 33; Гильф., № 51).

Въ онежскомъ пересказѣ у Гильфердинга (№ 256) объясненіе смерти Кощея слѣдующее: связанный Иванъ Годиновичъ молится Богу, „чтобы Ивану отъ смерти избавиться“. Тогда

Налетѣли на шатеръ на Кощеевъ вѣдь
Да два сизыхъ, два голубя,
Не два голубя налетѣли—два *ангела*,
Только Кощей Трипетовъ и живъ бывалъ.

Смерть Кощея, благодаря появленію ангеловъ, замѣнившему въ этомъ изводѣ стрѣльбу въ птицъ и смерть отъ стрѣлы, возвращающейся въ грудь стрѣлка по Божьему повелѣнію (см. выше: Рыбн., I, № 34), наиболѣе ясно указываетъ на связь нашей былины съ разсказомъ Сомадевы. Память о вмѣшательствѣ небесной силы для помощи обневоленному мужу, взмолившемуся къ небесамъ, удержалась очень прочно. Очевидно, это одинъ изъ древнѣйшихъ изводовъ былины, гдѣ мотивъ этотъ сохранился въ наибольшей чистотѣ, хотя уже примѣненъ къ христіанскому воззрѣнію; въ прочихъ—мотивъ о вмѣшательствѣ небесной силы затемняется, но все же существуетъ, хотя и въ перетолкованіи: паденіе стрѣлы. Такимъ образомъ, воспоминаніе о первоначальной роли богини (изъ инд. разсказа) удержалось въ дальнѣйшихъ передѣлкахъ, представляющихъ лишь отраженіе (иногда очень вѣрное) мотива первоначальнаго. Желаніе-ли возлюбленной поѣсть мяса этихъ птицъ, или насмѣшливыя рѣчи ихъ, или милованье голубя съ голубушкой, „дающія назолу“ Кощею (Рыбн., III, стр. 117; Гильф. № 275), или даже безъ всего этого, одно только присутствіе голубей (Гильф., 293), или боязнь, чтобы они не дали знать въ Кіевъ дружинѣ Ивана,—одинаково побуждаетъ врага его стрѣлять въ птицъ изъ лука. При этомъ онъ даже наговариваетъ стрѣлу:

http://rcin.org.pl

„Ты пади, стрѣла, не на воду, не на землю,
Ты пади, стрѣла, во дубъ древо,
Изъ сыра дуба - въ сиза голубя,
Сизу голубю пади ты въ право око. (Кир., III. стр. 18).

Но и заговоръ не помогаетъ[1], и стрѣла

. . . пала въ матерое дубъ-древо,
Отскочила отъ дуба Одолищу во черны груди.
Тутъ-то Одолище окончился".

Эта смерть соперника Ивана отъ собственной стрѣлы объясняется вмѣшательствомъ божества такими словами:

„А й по *Божьему да й вельнью*,
А свилась то стрѣлочка каленая,
Она пала то да во головушку".
(Гильф., № 83; под. Рыбн. I, 34).

Такъ погибъ супротивникъ Ивана.

Тогда Авдотья восклицаетъ:

„Отъ бережка теперь я откачнулася,
А къ другому я не прикачнулася". (Р., I, № 33).

Затѣмъ она обращается къ связанному Ивану:

„Не станешь меня ни бить, ни бранить,
Такъ отвяжу тебя отъ сыра дуба (вар. кустечка ракит.),
А станешь меня бить да бранить,
Отсѣку тебѣ буйну голову" (ibid).

Иванъ обѣщаетъ ей всего на всего „дать три грозы небольшенькія" или „три науки". Это „ей не показалося" и она беретъ саблю, чтобы убить Ивана, но тутъ опять вмѣшивается Провидѣніе и

„Здрожали у ней ручки бѣлыя,
И выпала сабля по поводамъ шелковымъ,
И сталъ то Иванъ по своей воли". (Рыбн., II, № 13).

[1]) Можетъ быть ему противодѣйствовалъ заговоръ со стороны Ивана, такъ какъ въ нѣкоторыхъ пересказахъ Кощей стрѣляетъ изъ лука его, а этотъ и заговариваетъ стрѣлу:

„Не пади ты, стрѣла не на́ воду
Не пади ты й не на землю,
А воротись ты татарину въ бѣлу грудь" (Гильф., № 179).

http://rcin.org.pl

Подобнымъ образомъ разсказано освобожденіе Ивана въ вар. у Кир., Ш, стр. 18, Тихонр., №№ 42, 43, Гильф., № 256). Въ другихъ пересказахъ нѣсколько иначе: она проситъ прощенья, боясь поднять руку во второй разъ на Ивана [1]):

„Прости меня во женскія во глупости,
Возьми опять за себя“. (Кир., Рыбн. I, № 34 и др.).

На это онъ обѣщаетъ дать ей „три заповѣди женскихъ“ и она отвязываетъ его [2]). Эти варіанты я считаю болѣе новыми, какъ и тѣ, гдѣ Ивана освобождаетъ дружина (Кир. Ш, 9—19): чудесный элементъ въ освобожденіи Ивана вполнѣ соотвѣтствуетъ такому-же въ смерти его врага въ русской былинѣ, какъ и въ индійскомъ разсказѣ. Казнь вѣроломной жены во всѣхъ почти пересказахъ описывается въ очень сходныхъ чертахъ:

„Сталъ онъ, Иванъ, жену свою учить:
Онъ перво ученье, то руку отсѣкъ ей:
Эта рука мнѣ не надобна:
Трепала она, рука, Афромея царя.
А второе ученье—ноги ей отсѣкъ
. . . .
Оплеталися со царемъ Афр. невѣрнымъ,—
А третье ученье—губы ей отрѣзалъ и съ носомъ прочь...
Четверто ученье—голову ей отсѣкъ и съ языкомъ прочь...
И этотъ языкъ мнѣ не надобенъ:
Говорилъ со царемъ со невѣрнымъ
И здавался на его слова прелестныя.
(Кирша Д. и Кир. Ш, стр. 27).

[1]) Въ неоконченной былинѣ Рыбн., II. № 11: забоялася она, застрашилася своего лютаго мужа...

[2]) Освобожденіе Ивана женой, соглашающейся на это условіе, очевидно, принадлежитъ болѣе позднимъ временамъ: жена надѣется на прощенье „во женскія во глупости“, ожидая отъ мужа упрековъ и какого-либо сравнительно мягкаго наказанія; она надѣется встрѣтить въ немъ взглядъ на „женскую глупость“, подобный высказанному Добрыней, заставшему свадьбу своей жены съ Алешей Поповичемъ. Добрыня говоритъ:

„ ... не дивую я разуму-то женскому.
Что волосъ дологъ, да умъ коротокъ:
Ихъ куда ведутъ, онѣ туда идутъ“... (Рыбн., I, № 25, стр. 138).

или:

„Знаю я ваши умы, разумы женскіе:
Мужъ пойдетъ за дровами въ лѣсъ,
А жена пойдетъ во замужество“ (Рыбн., I, № 26, стр. 145).

http://rcin.org.pl

Чаще 3 грозы: отсѣченіе головы, рукъ и ногъ; иногда языка за то, что говорилъ: „Отсѣки Ивану буйна голова“. Заключается былина обыкновенно словами:

„Только-то Иванушка и женатъ бывалъ“.

или:

„Всякъ-то жениться собирается,
Да не всякому женитьба издавается“.

На основаніи этого разбора былины объ Иванѣ Годиновичѣ я нахожу въ ней слѣдующіе главные моменты первоначальнаго вида.

1) Иванъ Год. беретъ жену въ татарской сторонѣ (или Индіи: Гильф., № 256) и уѣзжаетъ съ ней къ себѣ.

2) На дорогѣ на нихъ нападаетъ татаринъ, который, при помощи плѣненной его обѣщаніями жены Ивана, связываетъ послѣдняго и на его глазахъ наслаждается съ женою.

3) Небесная сила освобождаетъ Ивана, погубивъ его врага.

4) Онъ наказываетъ вѣроломную жену, отрубая ей члены.

Настоящимъ изслѣдованіемъ, я полагаю, добыты слѣдующіе выводы.

1) Благодаря присутствію „монгольскаго элемента“ въ былинѣ, очевидно, она явилась при посредствѣ монголовъ

2) изъ Индіи, что явствуетъ изъ сохраненія въ значительной чистотѣ чертъ индійскаго разсказа.

Отсюда вытекаетъ заключеніе, что мнѣніе Либрехта о ея индійскомъ источникѣ, проникшемъ на Русь при посредствѣ монголовъ, можетъ быть принято съ достаточнымъ основаніемъ.

Существуетъ южно-русская сказка, близкая по содержанію къ былинѣ объ Иванѣ Годиновичѣ, объ Иванѣ и Марьяночкѣ [1]): Иванъ, женатый на Марьяночкѣ (Иванъ и Марья Дмитріевична въ былинѣ), вмѣстѣ съ женой пахалъ свое поле. Является турчинъ (татаринъ был.) и требуетъ у Ивана, чтобы отдалъ ему жену или бился съ нимъ. Въ бою турчинъ одолѣлъ Ивана, который сталъ просить жену помочь ему; она-же отвѣчаетъ на это:

„За Иваномъ бидувати,
За турчиномъ панувати“.

Вдвоемъ они связали Ивана и привязали къ коню. Черезъ два часа Иванъ проситъ турчина освободить его, обѣщая быть ему

---

[1]) Kolberg. Pocucie, II. стр. 17 (по Máchal'y: O bohatyrsk. epose slovansk. стр. 173).

http://rcin.org.pl

слугою. Турчинъ соглашается, и Иванъ вновь на свободѣ. При дорогѣ стояли 2 дуба, а на нихъ сѣли два голубя. Иванъ проситъ у турчина лукъ, чтобы застрѣлить этихъ голубей. Получивъ лукъ, Иванъ одной стрѣлой убиваетъ турчина, другой — невѣрную жену.

Кромѣ указанныхъ внѣшнихъ признаковъ сходства содержанія этой сказки съ былиной объ Ив. Год., его можно видѣть въ избавленіи Ивана и его мести, благодаря поддатливости турчина и роли голубей [1]); эти непонятные, сами по себѣ, мотивы разъясняются въ виду сходства съ былиной.

Болѣе отдаленное сходство замѣчается въ великорусской сказкѣ о невѣрной женѣ, помѣщенной у Садовникова (Великорусск. повѣсти, № 38, стр. 156—158).

Мужъ съ женой караулили ульи, которые кто-то кралъ. Ночью приходитъ молодой воръ, съ которымъ хозяинъ сталъ биться. Мужъ проситъ помощи у жены, а она отвѣчаетъ, что будетъ принадлежать тому, кто осилитъ другого. Здѣсь уже отсутствуетъ мотивъ о соблазнѣ со стороны любовника, но жена все-таки отказывается помочь мужу, повидимому, плѣненная молодостью и наружностью вора. Въ концѣ концовъ мужъ спасенъ вѣрной собакой. Помощь собаки—очень распространенный мотивъ въ русскихъ и южно-славянскихъ сказаніяхъ о невѣрной женѣ. У Драгоманова (399—400) помѣщена сказка, въ которой невѣрная жена съ любовникомъ связываетъ мужа и на его глазахъ тѣшится съ первымъ. Мужъ освобождается маленькимъ сыномъ [2]) и убиваетъ жену и любовника. Изъ приведенныхъ отрывковъ (а ихъ существуетъ довольно много) [3]) видно, что отдѣльные моменты былины объ Иванѣ Год. были распространены въ русск. и южно-русск. народныхъ сказа-

[1]) Птицы играютъ большую роль въ различныхъ южно-славянскихъ пѣсняхъ: См. Шепелевичъ, „Кудруна“, Зап. Харьк. Унив., 1895 г., IV.

[2]) Помощь дѣтей въ сказаніи о невинной женѣ составляетъ значительный отдѣлъ въ западныхъ и славянскихъ странахъ. Напр. Вук., II, 7: Сб. Мин., II. 114—116 и др. Сюда-же относится болгарская пѣсня въ Сборн. Мин. за нар. ум., т. XIII, № 11 („Мицко войвода, неговата жена и кърджалии“), помѣщенная съ выноской: „Waltheriussage“: разбойники, при помощи жены Мицка, овладѣли имъ во время сна. 3 дня ѣхали всѣ (Мицко былъ привязанъ къ коню) до рѣки Ситницы, у которой легли спать, привязавъ плѣнника къ дереву. Онъ велѣлъ своему сыну украсть ножъ у матери, разрѣзалъ веревки и убилъ враговъ. Жену онъ повѣсилъ на деревѣ, обмазалъ сѣрой и зажегъ, а самъ съ сыномъ ушелъ на Стару Планину.

[3]) Напр., въ пов. изъ Житія Іосифа Волоц. (Веселовск.) Ж. М. Н. Пр., 263. 35, 38; Халанскій Вел.-рус. былины. Р. Ф. В., XIII, 124 сл.

http://rcin.org.pl

ніяхъ. Самой значительной разницей между былиной объ Иванѣ Год. и индійскимъ сказаніемъ Сомадевы мнѣ кажется слѣдующее: въ послѣднемъ жена заманиваетъ мужа въ ловушку, а въ первой въ бою, происшедшемъ между мужемъ и его противникомъ, помогаетъ этому. Такой мотивъ весьма распространенъ въ южно-славянскихъ пѣсняхъ о невѣрной женѣ; послѣднее обстоятельство заставляетъ предположить, что онъ принадлежалъ искони къ славянскимъ сказаніямъ этого типа. Разсказывается, что мужъ бьется съ противникомъ, а жена помогаетъ послѣднему, иногда прельщенная его обѣщаніями роскошной жизни или подарками, и на глазахъ связаннаго мужа любовникъ наслаждается съ его женою. Въ концѣ-же мужъ освождается и казнитъ преступниковъ. Такъ, напр., въ сербской пѣснѣ о кралевичѣ Маркѣ (Филиповичъ, № XXII), въ бою его съ гайдуномъ Міятомъ, возлюбленная Марка помогаетъ врагу его, соблазнившись брошеннымъ ей золотымъ яблокомъ. Подобный соблазнъ находимъ въ одной изъ болгарскихъ пѣсенъ о воеводѣ Момчилѣ: врагъ его, краль Петрушинъ, уговариваетъ жену его выдать ему мужа:

„У Момчила се у свила одишь.
Моіа да си у сжрма би била“ [1]).

Чаще, однако, помощь жены противнику мужа вызывается просьбой того или другого помочь одному изъ нихъ, такъ какъ бой длится уже три дня и три ночи. Жена бросается на мужа, но не можетъ ему принести вреда; въ то-же время мужъ, при помощи какой-либо хитрости или вѣрной собаки, убиваетъ врага. Затѣмъ слѣдуетъ казнь вѣроломной [2]).

---

[1]) Сборникъ за народни умиротворения, наука и книжнина. Изд. Мин. на нар. просв., т. II, стр. 84—85. Краль Вълкашинъ пишетъ въ письмѣ къ женѣ Молчила:

Мош, какво мош, Момчила да утровиш,
Или да го погубиш!
Шта те зема кралица ми бадеш,
Шта те држжа на мекьи душеци.
Шта те рапа левобе симиде.
Шта те облачам в ђреп катински.
Шта те поја вино тригодишно...
(Сборн. Мин., XVI—XVII, стр. 149).

[2]) Напр. Богиѣиѣ, № 40, или Вукъ, II, № 44, 262—288 и др. Въ сторонѣ отъ пѣсенъ интересующаго насъ типа стоятъ болгарскія пѣсни объ измѣнѣ жены воеводы Момчила, лица историческаго, при чемъ, однако, смерть его, благодаря

http://rcin.org.pl

Но существуетъ громадный отдѣлъ пѣсенъ о невѣрной женѣ, въ которыхъ присутствуетъ мотивъ о боѣ мужа съ врагомъ, причемъ жена помогаетъ послѣднему. Королевичъ Марко ѣдетъ съ женой лѣсомъ и проситъ ее спѣть; она отвѣчаетъ, что боится, какъ-бы не услышалъ ея голоса живущій въ этомъ лѣсу гайдукъ Малета, который до Марка три раза свата лъ ее. Марко ободряетъ жену, говоря, что не боится гайдука и 16-ти его товарищей. Анделія (жена Марка) запѣла. Является Малета съ 16 товарищами; перебивши ихъ, Марко схватываатся съ гайдукомъ. Наконецъ, Малета, послѣ долгаго боя, проситъ Анделію помочь ему, либо мужу. Принявъ сторону насильника, Анделія попыталась пронзить Марка у пояса, но не смогла его ранить, а Марко, хитростью заставивъ врага оглянуться, убилъ его ножемъ, вытащивъ его изъ-за пояса. Тогда, схвативъ жену, Марко спрашиваетъ ее:

измѣнѣ жены плодъ народнаго творчества (Máchal, стр. 71, Исторія болгаръ. К. Иречекъ, стр. 399—400). Здѣсь развивается мотивъ объ измѣнѣ слѣд. образомъ: невѣрная жена, заранѣе уговорившись съ врагомъ Момчила, портитъ его коня, и саблю (конь съ крыльями и сабля съ глазами). Когда на него нападаютъ враги, онъ, видя себя обезсиленнымъ, бѣжитъ къ своему дому, гдѣ застаетъ, что ворота заперты его женой. Не смотря на помощь сестры его, протягивающей брату со стѣны „триста лакти платно“, измѣнница сбрасываетъ Момчила со стѣны на копья враговъ, которые его убиваютъ. Но вѣроломная и тутъ не остается безъ наказанія: врагъ Момчила, увидя по его платью, что за юнакъ онъ былъ, сжигаетъ измѣнницу и женится на его вѣрной сестрѣ. Сб. Миладиновыхъ, № 105; другіе варіанты въ Сборн. Мин., I, стр. 67—68; II, 85—86; сербск. Вукъ, II, 25 и др. Есть и другія пѣсни о невѣрной женѣ, гдѣ мужъ, узнавъ объ измѣнѣ жены, сжигаетъ ее заживо, хотя еще онъ не былъ жертвой ея вѣроломства. Напр., Сборн. Миладиновыхъ, № 163: „Димни Марко и Елена не̓веста“; Сб. Мин., т. XIV, стр. 58; Сб. Мин., т. IX, стр. 77: „Дамьянъ и невѣрното му либе“ и мн. др. Часто дѣло происходитъ иначе: жена помогаетъ мужу; въ Сб. Мин., т. XII, стр. 46, Люлянка, сестра Николы, во время боя его съ Вѫлканомъ, сказала:

„Либе Вѫлкане, Вѫлкане,
Подай ми сабльа френгіна,
На баічо глава да зема,
Че тоі ма тебе не даде“.
Послуша Вѫлкан Льуланка,
Извади сабльа френгіна,
Та ва Льуланка подаде,
Та са развѫрта Льуланка
Веднаж на' лево, на десно,
Вѫлкану глава одрьаза.

Сходнаго содержанія пѣсни въ Сб. Мин., т. XIV, стр. 81: „Миленъ, Милица и Косер войвода“.

http://rcin.org.pl

Al' mi voliš svitlit dok večeram,
Al' mi voliš osvitlati cordu?

Она соглашается свѣтить за обѣдомъ; Марко намазываетъ ей волосы порохомъ и сѣрой и зажигаетъ; самъ-же садится ѣсть.

Когда огонь дошелъ до очей ея, она проситъ потушить его, чтобъ не сгорѣли очи, которыя столько на него смотрѣли. Марко сидитъ молча и ѣстъ. Съ тою-же просьбою она обращается къ нему, когда огонь добирается до устъ ея, столько цѣловавшихъ Марка, рукъ, обнимавшихъ его и грудей, вскормившихъ ему двухъ сыновей. Наконецъ, Марко отсѣкаетъ ей саблей голову. (Марьяновичъ. Hrvatski narod. pisni № VI. По Mahal'y 73 стр.) [1]).

Такое наказаніе невѣрной жены посредствомъ сожженія ея по частямъ и разговоръ жены съ Маркомъ отчасти напоминаютъ отсѣченіе конечностей Иваномъ Годинов. у измѣнившей ему жены и приговариваніе его при этомъ. Неудачная попытка вѣроломной убить мужа, въ свою очередь, напоминаетъ „дрожаніе рукъ" Авдотьи и выпаденіе сабли, перерѣзавшей путы, когда она намѣревалась отрубить Ивану голову.

Въ варіантѣ „Hrvat. nar. p. u Istru na Kvarn. otocih" (Trst. 1880, № XXV. Халанскій „Южно-слав. сказ. о крал. Маркѣ", т. III. 594), жена Марка вынула у него изъ-за пояса ножъ и ударила имъ мужа, но перерѣзала лишь гайтанъ шароваръ его. Спали шаровары Марку на колѣни, но онъ не потерялся: заставивъ посмотрѣть врага на солнце, онъ отрубилъ ему голову. Подобнымъ образомъ, въ пѣснѣ у Филиповича (№ XXXIV) жена Марка, помогая въ борьбѣ его съ врагомъ—царемъ стамбульскимъ, ударила мужа саблей по головѣ, но лишь отсѣкла перья на колпакѣ его. Конецъ здѣсь измѣненъ: Марко прощаетъ жену, такъ какъ она „женска глава—дугихъ коса, а памети кратне". (Послѣднее напоминаетъ отношеніе Добрыни къ женѣ его: „у бабъ волосъ дпритенъ, да умъ коротокъ" и т. п.).

Въ южно-славянскихъ пѣсняхъ иногда очень явственно проглядываетъ мотивъ о сверхъестественной помощи мужу, которому измѣняетъ жена. Такъ, у Филиповича № XXII [2]) Марку помогаютъ вилы-посестримы, которыхъ онъ призвалъ, „обневоленный" женою и врагомъ своимъ. Вилы убили послѣдняго, а женѣ онъ выкололъ

[1]) Подобный сюжетъ въ пѣсняхъ серб. о Іованѣ Поповиħѣ и Стојанѣ Поповичѣ въ болгарск.

[2]) Халанскій, т. III, стр. 595; Macha'. стр. 74.

http://rcin.org.pl

глаза и бросилъ ее въ лѣсу. Такой же мотивъ о нев. женѣ находится въ пѣсняхъ болгарскихъ: Жена Искрена помогаетъ прежнему своему поклоннику—воеводѣ Парвану. *Мужъ привязанъ къ дереву и на его глазахъ происходитъ „забавушка великая"*. Искренъ освобожденъ Парваномъ, которому онъ отсѣкаетъ голову во время сна. а жену казнитъ, приведя ее домой (Dozon, № 34)[1].

Въ этой пѣснѣ обстановка очень напоминаетъ былину объ Иванѣ Год. Помощь жены врагу мужа и вмѣшательство провидѣнія изображается въ болгарской пѣснѣ у Миладиновыхъ, № 161 (252—253 стр.) „Тодора, Богданъ и Никола". Богданъ проситъ жену помочь ему или Николѣ-харамін. Она беретъ ножъ и

Богдану ючкур преряза.
Да му надвіе Никола.
Да си ѭ земе Тодора.-
Богдану Господь помогна
Изъвржхъ го глава издигна.
То го в земя-та закара.

Изъ этого очень краткаго обзора южно-славянскихъ пѣсенъ о невѣрной женѣ. очевидно, что въ нихъ были распространены мотивы о соблазнѣ жены врагомъ мужа путемъ заманчивыхъ обѣщаній. о слѣдующей за этимъ измѣнѣ жены мужу во время боя его съ врагомъ, равно какъ и о наслажденіи вѣроломной съ любовникомъ, врагомъ побѣжденнаго мужа, на его глазахъ. Присутствіе тѣхъ-же мотивовъ въ русской былинѣ объ Иванѣ Год., въ великорусскихъ и южно-русскихъ сказкахъ даетъ мнѣ поводъ заключить, что мотивы эти принадлежатъ къ обще-славянскому типу сказаній о невѣрной женѣ.

Кромѣ того, можно видѣть, что нѣкоторыя черты индійскаго разсказа, особенно чисто сохранившіяся въ былинѣ объ Иванѣ Год., проникли отчасти и въ южно-славянскія пѣсни. Сюда я отношу мотивъ о вмѣшательствѣ небесной силы для освобожденія или спасенія мужа и утѣхи жены съ любовникомъ на глазахъ послѣдняго. Въ первомъ случаѣ, я думаю. произошла реализація сверхъестественной помощи, и мужъ сталъ освобождаться вѣрнымъ псомъ, или другомъ, или, наконецъ, своей находчивостью, хитростью и т. п.

Затѣмъ, примѣшались черты изъ был. объ Иванѣ Годиновичѣ. о неудачной попыткѣ жены убить своего мужа; черта эта въ былинѣ является разложеніемъ мотива индійскаго разсказа о помощи

[1]) Máchal. стр. 74.

http://rcin.org.pl

богини. Отсюда съ очевидностью слѣдуетъ, что мотивъ польскаго сказанія о Вальтерѣ—наслажденіе жены съ любовникомъ на глазахъ связаннаго мужа не можетъ считаться пришедшимъ исключительно съ Запада, но былъ въ значительной мѣрѣ распространенъ въ странахъ славянскихъ.

2.

Одинъ изъ основныхъ моментовъ индійской повѣсти Сомадевы—заманиваніе мужа невѣрною женою въ ловушку и выдача его любовнику, отсутствующій въ разсмотрѣнной былинѣ объ Иванѣ Годиновичѣ, сохранился въ другой, также указанной Либрехтомъ для сопоставленія съ польской повѣстью о Вальтерѣ, былинѣ русской о Михайлѣ Потокѣ Ивановичѣ. Былина эта является, по мнѣнію Либрехта, на ряду съ былиной объ Иванѣ Годиновичѣ, переходнымъ пунктомъ между индійскимъ и польскимъ разсказами о невѣрныхъ женахъ.

Въ содержаніи былины о Михайлѣ Потокѣ (Потыкѣ) различаются обыкновенно двѣ части, изъ которыхъ вторая содержитъ разсказъ объ измѣнѣ жены Потока и наказаніи имъ невѣрной и ея похитителя. Содержаніе первой части слѣдующее.

Богатырь женится на Настасѣ-Лебеди-Бѣлой, которую онъ впервые увидѣлъ на охотѣ въ образѣ лебедя. Они заключили условіе, предложенное Настасьей:

„... Кто изъ насъ прежде умретъ.
Второму за нимъ живому въ гробъ итти“ (Кирша Д.).

Когда жена умерла (вар. притворилась мертвой), вѣрный слову Потокъ отправился за ней въ могилу „съ конемъ и збруей ратною“. Въ могилу приплыла змѣя подземная, чтобы сосать тѣло мертвое, но Потокъ, осиливши ее, заставилъ принести цѣлющей и живущей воды, силу которой испробовалъ сначала на умерщвленныхъ имъ змѣенышахъ, а затѣмъ оживилъ свою жену. Послѣ этого она перестала „искать мудрости надъ мужемъ своимъ“ и стали они жить во-люби до глубокой старости; когда-же Михайло умеръ, жена его въ свою очередь была зарыта съ нимъ въ могилу.

Такою является былина въ пересказахъ у Кирши Дан. и Кирѣевскаго (т. IV, 52—58) [1].

[1]) Въ имѣющей вполнѣ законченный видъ былинѣ записанный Гильфердингомъ (Онежск. былины) № 62, говорится лишь о женитьбѣ Потока и мирной жизни съ женой до старости безъ эпизода съ ея мнимой смертью и оживленіемъ.

http://rcin.org.pl

Обращаюсь ко второй части былины о Михайлѣ Потокѣ.

Во время отсутствія Потока, который ѣздилъ за данями-выходами въ дальнія земли по порученію кн. Владиміра, является король Политовскій (Рыбн., I, № 38; II, 16, 17; IV, 12; Гильф., 6. 40, 150), или царь Вахрамей Вахрамеевичъ изъ земли Волынской (Рыбн., I, № 37; II, № 15,—царскій сынъ Ѳедоръ Ивановичъ съ поганой Литвы: Рыбн., I, № 36,—король земли Ляхетскія: Гильф., № 39,—Иванъ Окульевичъ: Гильф., № 52) и уводитъ съ собой жену Потока Марью (в. Настасью). Узнавъ объ этомъ, Потокъ отправляется за ними [1]). Когда Потокъ догналъ жену во время сна любовника, она оправдывается:

„Безъ тебя, говоритъ она,
Не могу ни ѣсть, ни пить, ни жива быть:
Вахрамей-то царь меня на силу взялъ“... (Р., I, № 38).
„Отдалъ-де меня кн. Владиміру неволею“... (Р., II, № 15).
„У насъ волосъ дливенъ да умъ коротокъ:
Насъ куда ведутъ, мы туда идемъ“...[2]) (Рыбн., I, № 38).

Тутъ-же подноситъ она Потоку чару зелена вина съ зельями забыдущими, которую выпилъ мужъ, вообще „до вина упачливый“, и тотчасъ заснулъ крѣпкимъ сномъ. Коварная жена-волшебница обращаетъ Потока въ бѣлъ-горючъ камень и отправляется съ лю-

---

Разсказы съ подобнымъ условіемъ о погребеніи живого супруга съ мертвой и оживленіи по примѣру года встрѣчаются какъ на Востокѣ, такъ и на Западѣ. Таковы—въ Cesta Roman, с. 61, у Аполлодора въ Миѳич. Библ., III, 3, 1; Всев. Миллеръ приводитъ сходный разсказъ у кабардинцевъ; у Аѳанасьева Рус. ск., т. II, стр. 222 (См. Machal, стр. 171 сл.; Ор. Миллеръ. Илья etc. 393 сл.). Восточные примѣры исцѣленія змѣиной травой и головой змѣя приводятся въ Панчатантрѣ Бенфея (т. I, стр. 200—207).

[1]) По пересказу Рыбникова (т. I, № 37), вернувшись домой, онъ удивляется, почему его не встрѣчаетъ жена, такъ какъ:

„Стрѣчаютъ его братья названые,
Не стрѣчаетъ богатырска молода жена“.

Такая подробность находится во всѣхъ варіантахъ сказанія польскаго, въ былинѣ о Васильѣ Окульевичѣ и царицѣ Саламаніи прекрасной.

[2]) Под. образ., какъ мы видѣли, оправдывается жена Добрыни мужемъ своимъ (въ былинѣ о Добрынѣ въ отъѣздѣ).

http://rcin.org.pl

бовникомъ въ его государство. Долго прождавши возвращенія Потока, „стосковались по немъ“ братья названые (Добрыня, Алеша Поповичъ и Илья Муромецъ) и отправились искать его, „накрутившись каликами“. По дорогѣ къ нимъ присоединился четвертый старецъ-калика, который возвратилъ Потоку прежній образъ. Старецъ этотъ, оказавшійся Николой Можайскимъ, исчезъ, а братьица названые вернулись въ Кіевъ, приглашая то-же сдѣлать и Потока; но послѣдній опять идетъ искать жену: „набъ отсѣчь Марьѣ буйна голова“. Встрѣтясь съ Потокомъ, она объясняетъ ему, что во всемъ виноватъ ея насильникъ, и опять подноситъ чару вина „съ зельями спящими, зельями забыдущими“. Когда Потокъ заснулъ, она его:

Стащила во глубокъ погребъ,
Приковала къ стѣнѣ на гвоздики“ (Рыбн., I, № 36).
Забила въ руки, ноги по гвоздю (Рыбн., I. 37).

Не хватило у нея здѣсь гвоздя пятаго —„сердечнаго“, за которымъ она побѣжала „на торгъ“ къ кузнецамъ, оставивъ прибитаго къ стѣнѣ богатыря въ погребѣ.—Въ это время дочь похитителя (Анна: Рыбн., т. I, № 36; Настасья: Рыбн., I, 38, II, 15) или сестра его (Марья, Настасья), влюбившись въ Потока (Рыбн., I, № 36), предлагаетъ ему:

„Возьмешь-ли меня въ замужество,
Сейчасъ я тебя со стѣны сойму“ (Рыбн., II, 15)

или:

„Возьми меня за себя за мужь,
То избавлю тебя отъ смерти напрасныя“ (Рыбн., I, № 37)

(Подобное предложеніе со стороны избавительницы находится у Рыбн., I, № 37, II, № 16, Гильф., № 39 и др. Въ другихъ варіантахъ, какъ напр., Рыбн., I, № 38, II, № 17, Потокъ первый обращается къ ней съ просьбой о помощи). Онъ обѣщаетъ жениться на ней и отрубить злой женѣ голову, не слушая больше ея оправданій и не сдаваясь на ея приглашенія пить вино. Тогда избавительница сняла со стѣны Михайла, а вмѣсто него прибила татарина (вар.: мертваго татарина — мерзлаго) и увела Потока изъ погреба подъ своей шубкой соболиною, объясняя встрѣчнымъ, что это ея дѣвушка, испугавшаяся русскаго богатыря. „Сердечный гвоздь“, съ которымъ вернулась злая жена, такимъ образомъ, достался татарину.

http://rcin.org.pl

Скрываемый своей союзницей, Потокъ излѣчился отъ ранъ и, благодаря ея хитрости, получивъ оружіе, является къ женѣ съ цѣлью убить ее и любовника; но коварная опять предлагаетъ ему чару, зная „упьянсливость“ богатыря, который и тутъ уже готовъ былъ поддаться искушенію. Слѣдившая за нимъ Настасья-королевична закричала ему изъ окна „жалкимъ голосомъ“:—„ты, знать, позабылъ свою заповѣдь (Рыбн., I, № 38): если выпьешь—и самъ загинешь, и меня сгубишь“ (Рыбн., I, 36). Опомнившись, Потокъ убилъ любовника своей жены, а ее привязалъ къ семи жеребцамъ, которые „раздернули ее“ (Рыбн., I, № 37; варіантъ: отсѣкъ голову, разстрѣлялъ обоихъ на воротахъ) и женился на своей спасительницѣ.

Наша былина напоминаетъ русскія и западно-европейскія сказки, особенно первою своею частью, а изъ второй къ сказочнымъ мотивамъ относится обращеніе Михайла въ камень [1]).

На сказочный характеръ былины было обращено вниманіе изслѣдователей, которые указали подобные разсказы въ восточно-и западно-европейскихъ литературахъ (см. Ор. Миллеръ „Илья“ 387—400 и Máchal 168 слл.). Ѳ. Буслаевъ, говоря, главнымъ образомъ, о первой части былины, приводитъ одну изъ сказокъ Гриммовъ (Kind u. Hausmärch, I, № 16) и, сравнивая ее съ былиной о Потокѣ, полагаетъ, что оживленная мужемъ жена должна къ концу разсказа стать невѣрной, чтобы правоученіе его сохранилось до конца: правда, все таки торжествуетъ, и невѣрная погибаетъ съ любовникомъ, а мужъ остается въ живыхъ [2]).

Весьма вѣроятно, что присоединеніе разсказа объ измѣнѣ жены Потока къ первой части былины произошло на указанныхъ Буслаевымъ основаніяхъ, такъ это—пріемъ, нерѣдко наблюдаемый въ разсказахъ о непрочности женской любви (напр., о Матронѣ Эфесской, въ китайской новеллѣ и пр. См. Буслаевъ „Мои досуги“ II). Въ виду большой сложности былины о Потокѣ, повѣствующей о раз-

---

[1]) Даже нѣкоторыя выраженія носятъ вполнѣ сказочный характеръ: напр., превратившись вновь въ человѣка, Потокъ говоритъ: „фу-фу, какъ я долго спалъ“. Помощь Николы напоминаетъ отчасти сказки о „вѣрномъ слугѣ“ или „дорожномъ товарищѣ“, которые помогаютъ героямъ въ подобныхъ приключеніяхъ. Впрочемъ, помощь Николы, быть можетъ, является здѣсь остаткомъ воспоминаній о вмѣшательствѣ сверхъестественной силы въ судьбу несчастнаго мужа. Надо замѣтить, что былина о Потокѣ находится въ извѣстной связи съ былиной объ Иванѣ Годиновичѣ (во 2-ой части), а въ первой съ различными сказками зап.-евр. и индійск.: погребеніе мужа съ женой и оживленіе по примѣру гада (см. выше).

[2]) „Историч. оч. р. нар. сл.“, I, 239—241.

http://rcin.org.pl

нообразныхъ приключеніяхъ Потока, и чисто сказочныхъ наслоеній, я готовъ считать ее въ цѣломъ составѣ гораздо болѣе молодой, нежели уже разсмотрѣнная былина объ Иванѣ Годиновичѣ; съ послѣдней я долженъ сопоставить эпизодъ о невѣрной женѣ Потока по единству темы и въ виду отдѣльныхъ совпаденій; при этомъ я оставляю въ сторонѣ всѣ сказочные и бытовые мотивы, наросшіе въ былинѣ о Потокѣ.

Изъ внѣшнихъ совпаденій обращаютъ вниманіе имена жены Потока и Ивана Год.: Марья, Настасья, и похитителя: царскій сынъ Ѳедоръ Ивановичъ съ хороброй Литвы, Вахрамей Вахрамеевичъ [1]). Иванъ Окульевичъ [2]) „улещаетъ“ жену Потока такими словами:

А ты пойди за меня за мужь,
А будешь слыть за мной ты царицею,
А за Михайломъ будешь слыть не царицею,
А будешь слыть портамойницей
У стольняго у князя у Владиміра“ (Гильф., № 52).

Эти „слова прелестныя“, конечно, цѣликомъ выхвачены изъ былины объ Иванѣ Годиновичѣ. вліяніе которой на 2-ую часть былины о Потокѣ—несомнѣнно.

Послѣдняя былина—составная и первоначально, очевидно, была разбита на нѣсколько отдѣльныхъ разсказовъ, которые, принявъ въ себя сказочные и былинные мотивы, составили одну сложную былину. Благодаря этой сложности было-бы неосновательно выводить былину о Потокѣ съ Востока цѣликомъ, какъ и съ Запада, гдѣ есть много сходныхъ сюжетовъ. Иноземныхъ сказаній, родственныхъ этой былинѣ, я буду касаться лишь настолько, насколько они относятся къ разсматриваемому типу о вѣроломной женѣ. Интересно замѣчаніе г. Махала [3]), что былина о Потокѣ гораздо ближе къ повѣстямъ западно-европейскимъ, чѣмъ къ азіатскимъ, но, именно въ тѣхъ частяхъ, въ которыхъ русская былина разнится отъ повѣстей западно-европейскихъ, существуетъ аналогія съ повѣстями азіатскими. Это положеніе оправдывается наличностью фактовъ, но я не рѣшусь выводить изъ него никакихъ заключеній о происхожденіи былины въ цѣломъ ея составѣ.

---

[1]) Конечно—Афромей Афром., какъ это въ „Иванѣ Годиновичѣ“.

[2]) „Окульевичъ“ не взято-ли изъ былинъ о Вас. Окул. и увозѣ имъ жены Соломона.

[3]) O bohatyr. epose slovansk., стр. 171.

http://rcin.org.pl

Если сравнить разсказъ о вѣроломствѣ жены Потока съ былиной объ Иванѣ Год. и индійскимъ разсказомъ о Бхилѣ, то здѣсь оказываются сходные моменты, сближающіе эти три разсказа.

Чтобы не встрѣчаться болѣе со вставками, испещряющими былину о Потокѣ, я выдѣляю существенныя черты развиваемой здѣсь темы о вѣроломствѣ жены богатыря.

1) Въ отсутствіе мужа, жена убѣгаетъ съ соблазнившимъ ее любовникомъ.

2) Мужъ находитъ ее, но коварная увѣряетъ, что уведена силой, опаиваетъ мужа и приковываетъ его къ стѣнѣ погреба [1]).

3) Благодаря вмѣшательству высшей силы, не позволяющей погибнуть правому, у измѣнницы не достаетъ гвоздя сердечнаго. Это заставляетъ ее на время оставить мужа и даетъ возможность.

4) Сестрѣ или дочери похитителя освободить прикованнаго за обѣщаніе жениться на ней. Она добываетъ хитростью оружіе для освобожденнаго, который казнитъ жену и ея любовника.

Мы видимъ, что въ былинѣ о Потокѣ жена его овладѣваетъ богатыремъ посредствомъ опаиванія; такой захватъ и это средство входитъ въ южно-славянскія пѣсни, какъ одинъ изъ эпическихъ мотивовъ. Такова пѣсня о Сибинянинѣ Янко (Петрановичъ. III, № 47); Янко идетъ въ гости къ сестрѣ, которая замужемъ за охридскимъ воеводой; она опаиваетъ Янка соннымъ зельемъ и выдаетъ мужу для казни. Освободившись, онъ убиваетъ обоихъ. Подобное-же приключеніе приписывается Марку Кралевичу [2]). Иногда опаиваніе употребляется корчмаркой Марой, расположенной къ Марку, чтобы усыпить Арапа и освободить Марка отъ него (Сборн. бр. Миладиновыхъ; Сборн. Мин. XVI—XVII, стр. 163, № 8 и др.). Мотивъ о женѣ, выдающей мужа любовнику, естественно, могъ быть отнесенъ къ сестрѣ, выдающей мужу брата пріѣхавшаго ее навѣстить. Такъ у Вука (I, № 723), Лутица Богданъ навѣщаетъ сестру, которая находится у везира Тодора: сестра призываетъ врага брата Николу и

---

[1]) Эпизодъ съ превращеніемъ въ камень я считаю подробностью сказочнаго содержанія, введенной для развитія темы о вѣроломствѣ, какъ украшающая подробность о коварствѣ жены Потока и его податливости. Сюда-же относится и послѣднее поднесеніе Потоку чары питей забыдущихъ.

[2]) Филиповичъ, № XVI. См. Халанскій: Сказ. о крал. М., стр. 80—81.—Совершенно подобнаго содержанія пѣсня въ Сб. Мин., т XIV, стр. 83, № 12 и 78, № 10:

Натурьа билки вов вино.
Та си Батура іопои.

http://rcin.org.pl

выдаетъ ему Богдана, который освобождается при помощи своей находчивости. Къ пѣснямъ такого рода присоединятся мотивъ объ опаиваніи. Кромѣ указанныхъ, я приведу еще одну.

Богданъ, узнавъ, что сестра его увезена туркомъ Мујо, отправляется къ ней; она ласково встрѣчаетъ брата, кормитъ его и опаиваетъ соннымъ зельемъ. Когда пришелъ Мујо, она выдаетъ ему скованнаго Богдана, который, освободившись, убиваетъ сестру и ея любовника [1]).

Подобные сюжеты о невѣрной сестрѣ, которая съ любовникомъ хочетъ извести брата, находится въ русскихъ сказкахъ: сестрѣ обманомъ удается связать брата, при чемъ она совѣтуетъ любовнику убить его; несчастнаго освобождаетъ названая сестра или невѣста. Тогда онъ казнитъ вѣроломную [2]).

Не отрицая совершенно сходства въ разсказѣ о вѣроломствѣ жены Потока съ нѣкоторыми индійскими повѣстями на тему „Какъ женщина вознаграждаетъ за любовь" и монгольской басней о Богда-Гессеръ-Ханѣ, я полагаю, что руская былина въ эпизодѣ о невѣрности жены имѣетъ наиболѣе сходства съ упомянутой повѣстью изъ Сомадевы. Въ этомъ легко убѣдиться, сравнивъ оба разсказа. Правда, въ индійскомъ отсутствуетъ мотивъ объ опаиваніи мужа питьями забыдущими, который легко могъ привиться на славянской почвѣ, и для плѣненія мужа употребляется другой способъ: заманиваніе въ ловушку подъ предлогомъ выдачи любовника. Такое положеніе мы находимъ въ былинѣ объ увозѣ и измѣнѣ жены Соломона.

Эпизодъ съ вмѣшательствомъ богини, отмѣченный въ индійскомъ разсказѣ, мнѣ кажется, близко стоитъ съ эпизодомъ объ освобожденіи Потока „отъ смерти напрасныя, благодаря отсутствію „сердечнаго" гвоздя. Такъ сказать, матеріализація богини Чанди въ сестру или дочь насильника, я думаю, не содержитъ ничего невѣроятнаго, тѣмъ болѣе, что сюда примѣшана струя сказаній о дѣвицѣ, предлагающей себя въ замужество плѣннику подъ условіемъ освобожденія его. Сказанія этого типа хорошо извѣстны русскому и вообще славянскому эпосу. Совершенно напрасно Ор. Миллеръ готовъ считать ее заимствованной изъ азіатскихъ источниковъ [3]),

[1]) Вукъ, I. № 724.

[2]) Аѳанасьевъ. Рус. ск., т. VIII. № 52[b]. То-же о злодѣйкѣ матери въ словацкой сказкѣ Westbaw Märchenschatz. 144—145. См. Аѳан., т. VIII, стр. 385. В Караджичъ. II, № 8 и др.

[3]) О. Миллеръ, „Илья" etc., стр. 407.

http://rcin.org.pl

такъ какъ предложенiе дѣвицы себя въ жены не болѣе, какъ черта древнихъ брачныхъ отношенiй, вовсе не исключительно существовавшая на Востокѣ. Въ эпоху гетеризма, когда въ отношенiяхъ между полами господствовала полная свобода, не было понятiя о стыдливости, и цѣломудрiе не имѣло цѣны. Поэтому, и съ этой стороны не можетъ быть препятствiя для дѣвушки самой предложить бракъ человѣку, который ей нравится. Съ утвержденiемъ началъ индивидуальнаго брака развивается чувство стыдливости, и дѣвственность получаетъ нравственное значенiе. Вмѣстѣ съ этимъ образуется понятiе, что предложенiе брака—не дѣвичье дѣло и должно идти отъ мужчины. Впрочемъ, съ развитiемъ началъ индивидуальнаго брака, народному воззрѣнiю еще долго представляется предложенiе брака со стороны дѣвушки столь-же естественнымъ, какъ и со стороны мужчины.

Такъ было, напр., у древнихъ чеховъ: по свидѣтельству Козьмы Пражскаго—non eas (sc. virgines) viri, sed ipsaemet sibi viros, quos et quando voluerunt, accipiebant. Прекрасная королевична говоритъ Ильѣ, указывая на „кроваточку подложную“:

„У тя есть-ли охота, горитъ-ли душа
Со мной, со дѣвицей, позабавиться“.

Запава сама пришла свататься за Соловья Будимiровича и онъ согласился на ея предложенiе (у Кирши, стр. 9). Марина Игнатовна сама сватается за Добрыню Никитича,—Авдотья-Лебедь-Бѣлая предлагаетъ Потоку „принять золоты вѣнцы“. Въ сказкахъ Анастасiя прекрасная сама говоритъ Тугарину: „будь ты мнѣ мужъ, а я тебѣ жена“ (Аѳан., I, стр. 454) [1]). Сюда-же относится предложенiе Настасьи прикованному Потоку и Ринги Вальтеру во 2-ой части польскаго сказанiя. Въ былинѣ о Потокѣ предложенiе, исходящее отъ него самого (Рыбн., I, 38, II, № 17) можетъ быть признано позднѣйшей поправкой древняго мотива, какъ и въ былинѣ о Соловьѣ Будимiровичѣ (Рыбн., I, 331—332 и др.), гдѣ Соловей, готовый жениться на Запавѣ, отказывается отъ нея подъ тѣмъ предлогомъ, что „сама себя дѣвица просватала“.

Влiянiемъ позднихъ воззрѣнiй на брачныя приличiя объясняется неодобренiе хрониста [2]) въ великопольской хроникѣ по по-

[1]) Очерки семейныхъ отношенiй по обычному праву русскаго народа. Смирнова. М. 1887, стр. 131—132.

[2]) Pudore puellari prorsus remoto...

http://rcin.org.pl

воду предложенія брака Рингою Вальтеру. Тотъ же мотивъ о предложеніи брака дѣвицей плѣннику за его освобожденіе знакомъ и юго-славянскому эпосу.

Такъ, въ сербской пѣснѣ кралевичъ Марко разсказываетъ своей матери о томъ, что послѣ семилѣтняго заключенія его въ тюрьмѣ у арапскаго короля, дочь послѣдняго на восьмой годъ пришла къ окну его темницы и говорила:

Не трун', јадан, у тавници Марко!
Веħ дај мене твоју вјеру тврду,
Да ħеш мене узет' за љубовцу,
Да избавлю тебе од тавнице... Вукъ, II. № 64.

Марко клянется взять за себя королевну; она выпустила его изъ тюрьмы, достала двухъ коней—себѣ и маркова Шароца и убѣжала съ нимъ. Конецъ этой пѣсни содержитъ разсказъ объ убійствѣ Маркомъ его черной подруги и наказаніи его за эту измѣну данной клятвѣ. Подобная пѣсня у Миладиновыхъ (№ 54): Марко 3 года боленъ въ наказаніе за убійство дочери аранскаго короля, которая посѣщала его въ тюрьмѣ и освободила оттуда. Послѣ исповѣданія этого грѣха матери, Марко сталъ опять здоровъ. Приведу еще одну пѣсню: „Женитба Стојана Јанковиħа". Стојанъ содержится въ тюрьмѣ Мустай-бегомъ. Сестра этого Хайнуна освобождаетъ его подъ условіемъ брака на ней; она крадетъ у брата ключи отъ его оковъ и бѣжитъ со Стояномъ [1]).

Возвращаясь къ разсказу о вѣроломствѣ жены Потока, я заключаю, что онъ непремѣнно находится въ связи съ индійскимъ черезъ заимствованіе нѣкоторыхъ моментовъ, впослѣдствіи разложившихся и стершихся подъ вліяніемъ многочисленныхъ западныхъ и южно-славянскихъ разсказовъ соотвѣтствующаго типа, а также существовавшей уже былины объ Иванѣ Годиновичѣ. Эта былина служила ближайшимъ образцомъ для такихъ разсказовъ на Руси вмѣстѣ съ распространеннымъ сказаніемъ объ увозѣ жены Соломона и былинами на эту тему.

Самымъ значительнымъ отличіемъ второй части былины о Потокѣ отъ индійскаго разсказа Сомадевы и былины объ Иванѣ Го-

---

[1]) Въ Сбор. за нар. умотв. etc., т. VIII, стр. 102, въ пѣснѣ о Стојанѣ Хайдуринѣ разсказывается, какъ при помощи Гаулы, снашицы попа Ерина, у котораго онъ содержался въ тюрьмѣ, Стојанъ былъ наканунѣ казни вымыть и постриженъ, что́ измѣнило его видъ настолько, что онъ не былъ узнанъ и отпущенъ на волю.

http://rcin.org.pl

диновичѣ я считаю отсутствіе мотива о томъ, какъ связанный мужъ принужденъ смотрѣть на любовныя утѣхи его жены съ насильникомъ. Въ былинѣ о Потокѣ, какъ мы видѣли, жена пользуется его „упачливостью до вина", которая отмѣчена въ былинѣ, какъ средство для „обневоливанія" коварною могучаго богатыря. Эта черта „упьянсливости" настолько свойственна эпическому представленію о Потокѣ, что одна былина перенесла ее даже на жену его: думая, что покончила совершенно съ мужемъ, она на радостяхъ шесть сутокъ пьянствуетъ въ кабакѣ [1]).

Страсть Потока къ вину является чертой, играющей замѣтную роль въ русскомъ эпосѣ: вспомнимъ о „Василіи Пьяницѣ", Ильѣ, гуляющемъ съ голями кабацкими, чарахъ въ полтора ведра, которыми угощаются богатыри при всякомъ случаѣ, наконецъ—о пресловутомъ веселіи русскомъ: „пити". Это свойство, утвердившись въ былинномъ образѣ Потока, не давало уже повода измышлять какія-либо средства для лишенія его силы и свободы. Къ тому-же опаиваніе, какъ мы видѣли, обычный мотивъ славянскихъ сказаній (какъ и западныхъ), очень удобно примѣнимый къ охочему до вина Потоку. Овладѣвши Потокомъ, жена хотѣла лишить его жизни, вколотивши гвоздь въ сердце, —остановка была только въ отсутствіи „гвоздища"; такъ какъ это обстоятельство входитъ въ изложеніе, какъ одинъ изъ главныхъ его моментовъ,—съ нимъ именно связано освобожденіе Потока,—то слѣдующій непосредственно за этимъ моментъ—вмѣшательство королевичны, сестры или дочери насильника, уничтожилъ возможность и надобность присоединенія сюда еще мотива о наслажденіи жены съ любовникомъ на глазахъ мужа, какъ это находится въ индійскомъ разсказѣ, русскихъ былинахъ объ Иванѣ Годиновичѣ, сказкѣ объ Иванѣ и Марьяночкѣ и южно-славянскихъ пѣсняхъ (напр., Dozon, № 34). Самой главной причиной отсутствія этой сцены въ былинѣ о Потокѣ служитъ очевидное вліяніе на ея конецъ эпизода изъ сказаній объ увозѣ соломоновой жены—былины о „царѣ Василіи Окульевичѣ и царицѣ Саламаніи", гдѣ находится мотивъ о заманиваніи мужа невѣрною женой въ ловушку, даже опаиваніе его, но отсутствуетъ разсказъ о наслажденіяхъ жены съ любовникомъ на глазахъ связаннаго мужа. Аналогія съ такими разсказами, къ которымъ переходитъ содержаніе былины о Потокѣ, устранила, как сказано, надобность въ послѣднемъ мотивѣ.

---

[1]) Рыбн., I, № 37.

http://rcin.org.pl

Сравнивая русскія былины объ Иванѣ Годиновичѣ и Михаилѣ Потокѣ съ индійскимъ разсказомъ Сомадевы, изъ сходства основныхъ моментовъ ихъ содержанія можно видѣть, какую роль игралъ азіатскій элементъ въ сложеніи этихъ былинъ, поставляемыхъ Либрехтомъ въ связь съ польскимъ сказаніемъ о Вальтерѣ. Я обращаюсь теперь къ отмѣнѣ, указанной Либрехтомъ въ названныхъ русскихъ былинахъ и польскомъ сказаніи, сравнительно съ индійскимъ разсказомъ, это—самосудъ оскорбленныхъ мужей надъ вѣроломными женами въ славянскихъ сказаніяхъ, тогда какъ въ индійскихъ (различныхъ варіантахъ на тему о невѣрныхъ женахъ) участь послѣднихъ зависитъ отъ царскаго суда. Отмѣчая этотъ фактъ, Либрехтъ не даетъ ему объясненія. Орестъ Миллеръ, обративъ вниманіе на это различіе славянскихъ и индійскихъ разсказовъ о невѣрныхъ женахъ, утверждаетъ, что оно является важнымъ доказательствомъ противъ восточнаго вліянія на эти разсказы, такъ какъ, въ виду большей древности самосуда, сравнительно съ судомъ царскимъ, существовавшимъ во времена историческія,—наши предки не имѣли-де никакого основанія замѣнять самосудомъ, какъ нѣчто непонятное, царскій судъ, извѣстный имъ и въ своемъ быту [1]. Я позволю возразить на это, что, конечно, царскій, т. е. княжескій, судъ былъ извѣстенъ нашимъ предкамъ въ дѣлахъ, касающихся уголовщины и гражданскаго правонарушенія, но въ сферѣ семейной мужъ былъ господиномъ и судьею [2]. Кромѣ того, нашъ эпосъ не знаетъ примѣровъ такого княжескаго суда, къ которому обращались бы богатыри, недовольные своими женами; напротивъ, совершенно согласно съ духомъ общественнаго строя русской жизни, они единолично расправляются съ измѣнницами [3].

Такимъ образомъ, я полагаю, что въ данномъ случаѣ будетъ справедливымъ мнѣніе, какъ разъ противоположное выставленному Ор. Миллеромъ, именно: наши предки, встрѣтивъ въ индійскихъ разсказахъ царскій „проницательно-грозный судъ“, имѣли полное основаніе исключить его, какъ нѣчто непонятное, и замѣнить само-

[1]) О. Миллеръ. „Илья“ etc., стр. 405.

[2]) Если для развода жены съ мужемъ требовались доказательства вины ея и производился судъ, то это было въ компетенціи суда духовнаго, а не княжескаго, но, если (по Русской Правдѣ) разрѣшалось убивать вора въ клѣти, пойманнаго на мѣстѣ преступленія, то, естественно, измѣна жены на глазахъ мужа давала ему право казнить ее своей властью безъ опасенія отвѣта передъ закономъ.

[3]) Напр. Берма Вас. съ Катериной и Чурилой въ многихъ пересказахъ и Святогоръ. Сюда-же отчасти относятся былины о Добрынѣ въ отъѣздѣ и паралл. содерж. слав. пѣсни. Напр., Сб. Мин., т. XIII. стр. 101; XIV, стр. 58, стр. 75 и др.

http://rcin.org.pl

судомъ мужа надъ измѣнницей женой. То-же можетъ быть приблизительно сказано и относительно отсутствія царскаго суда въ славянскихъ пѣсняхъ и сказаніяхъ и зап.-евр. повѣстяхъ.

Я говорилъ уже выше, что никакъ не слѣдуетъ выводить изъ Индіи вообще разсказы на тему о невѣрной женѣ, такъ какъ сходные факты жизни въ каждой странѣ могли породить совершенно самостоятельно подобные разсказы. При этомъ, разумѣется, сходство будетъ касаться лишь сюжетовъ и не можетъ быть столь же выражено во многихъ основныхъ моментахъ и частностяхъ, какъ рѣзко въ повѣствованіяхъ, происшедшихъ изъ одного источника и разошедшихся по свѣту въ массѣ варіантовъ.

Не смотря, однако, на затемнѣніе первоначальнаго сходства разсказовъ, заимствованныхъ путемъ передачи устной и книжной,—въ особенности, когда книжники свои измышленія, обставленныя произвольными собственными именами, выдаютъ за достовѣрные факты [1],—въ большинствѣ случаевъ сохраняются главные моменты разсказа, послужившаго оригиналомъ для иноземныхъ его варіантовъ. Долгій путь, пройденный такимъ сказаніемъ, кладетъ на немъ отпечатокъ каждой стоянки въ смыслѣ времени, пережитаго сказаніемъ и мѣстности, гдѣ оно культивировалось, принимая въ себя различныя наслоенія быта, эпоса, подчасъ и современныхъ историческихъ фактовъ, пріурочиваемыхъ къ чужеземнымъ героямъ. Сталкиваясь съ мѣстными сказаніями, захожая повѣсть не можетъ избѣжать принятія въ себя изъ первыхъ хотя нѣкоторыхъ чертъ, благодаря непрочному закрѣпленію въ памяти народной новаго разсказа, сравнительно съ хорошо извѣстными существующими искони съ тою-же темой, развиваемой своеобразно. Отсюда уже въ новое сказаніе входятъ части мѣстныхъ, являющіяся готовыми формами, какъ для замѣны утраченныхъ, спутанныхъ эпизодовъ, такъ и для вставки новыхъ. Этому процессу подвергаются не только иноземныя повѣсти, зашедшія на чуждую почву, но каждое вновь слагающееся сказаніе. Мы видимъ, какъ примѣръ этому, что въ русскихъ былинахъ нерѣдко цѣлыя части и отдѣльные эпизоды изъ одной былины входятъ въ другую и существуютъ въ ней въ видѣ, почти не измѣненномъ. Заимствованіе это происходитъ тѣмъ легче и чаще, чѣмъ ближе сюжетъ новаго произведенія стоитъ къ существующимъ уже въ данномъ мѣстѣ. Какъ можно видѣть изъ разбора русскихъ былинъ объ Иванѣ Годиновичѣ и Михаилѣ Потокѣ Ивановичѣ, польское сказаніе о Вальтерѣ и Гельгундѣ нахо-

---

[1] См. Веселовскій. „Разыск. въ обл. дух. ст.". Сб., II отд. И. А, Н., г. 21.

http://rcin.org.pl

дится съ ними въ родственныхъ отношеніяхъ, которыя намѣчаются благодаря сходству темы, развиваемой въ сходныхъ основныхъ моментахъ. Я, однако, вовсе не утверждаю, что тотъ или другой варіантъ этихъ былинъ служилъ непосредственнымъ источникомъ для польскаго сказанія, но былины эти служатъ лишь звеньями въ той цѣпи, которая соединяетъ восточный оригиналъ, первообразъ, съ славянскими варіантами, гдѣ славянская фантазія по своему пользовалась доставляемымъ ей матеріаломъ, испытывая давленіе и со стороны Запада. Отношенія южно-славянскихъ пѣсенныхъ мотивовъ къ польскому сказанію о Вальтерѣ, мнѣ кажется, достаточно уже опредѣлились: они лишь свидѣтельствуютъ о существованіи и значительной распространенности на славянской почвѣ, на всемъ ея протяженіи, многихъ мотивовъ, входящихъ, какъ основные моменты, въ польское сказаніе; при этомъ одни изъ нихъ, какъ мы видѣли, принадлежатъ къ исконнымъ славянскимъ, другіе—къ заимствованнымъ съ Востока, сохранившими свой первоначальный видъ, или измѣнивши его подъ вліяніемъ мѣстныхъ условій, пріуроченій и перетолкованій.

Справедливо замѣчаетъ Веселовскій, что матеріалъ былинъ подвергался не только историческому и бытовому примѣненію, но и всѣмъ случайностямъ устнаго пересказа, нерѣдко собирающаго въ одно, что пѣлось порознь, или разбрасывающаго по разнымъ пѣснямъ и лицамъ, что пѣлось въ одной пѣснѣ и объ одномъ лицѣ [1]). Это положеніе можетъ быть отнесено не только къ русскимъ былинамъ, но вообще ко всѣмъ произведеніямъ народнаго творчества, разъ дѣло коснется ихъ литературнаго общенія.

Излагая новый варіантъ сказанія или пѣсни о невѣрной женѣ, которая убѣгаетъ отъ мужа съ любовникомъ, а затѣмъ выдаетъ послѣднему разыскавшаго ее мужа, или въ битвѣ между тѣмъ и другимъ становится на сторону его противника, причемъ обневоленный мужъ въ концѣ концовъ освобождается и является грознымъ мстителемъ за поруганіе своихъ правъ и чести,—разсказчикъ, зная много прежнихъ подобныхъ повѣствованій, часто невольно смѣшивалъ эпизоды одного съ эпизодами другихъ. Творческая способность и сила воображенія пѣвца или разсказчика также налагали извѣстный отпечатокъ на повѣствованіе, которое охотнѣе повторялось другими уже въ томъ видѣ, какой былъ приданъ ему сказителемъ наиболѣе популярнымъ.

---

[1]) А. Веселовскій. „Южно-русскія былины“. вып. I, стр. 40. Спб. 1885. Сб., II, отд. И. А. Н.

http://rcin.org.pl

Такимъ образомъ, благодаря возможности заимствованія отдѣльныхъ чертъ вновь слагающагося или занесеннаго сказанія или пѣсни изъ существующихъ уже своихъ и чужихъ, получившихъ достаточную извѣстность,—съ послѣдними надо считаться для опредѣленія того вліянія, какое они оказали на новое.

Такую роль популярнаго разсказа, вліявшаго на вновь слагающіеся, относительно интересующаго насъ типа сказаній о вѣроломной женѣ—играли западныя и славянскія сказанія объ увозѣ соломоновой жены, къ которымъ теперь и обращаюсь.

3.

Сказанія объ увозѣ жены Соломона посредствомъ заманиванія ее на корабль [1]) съ разными диковинами были чрезвычайно популярны во всей средневѣковой Европѣ. Сюда-же примыкаетъ разсказъ объ измѣнѣ жены Соломону, который является за нею переодѣтый; она заманиваетъ мужа въ ловушку и выдаетъ его своему любовнику. Сказанія эти оканчиваются освобожденіемъ Соломона его войскомъ, прибывающимъ по условленному сигналу (троекратный трубный зовъ Соломона), когда его собираются уже повѣсить по приказу невѣрной жены и ея любовника. Послѣдніе оба при этомъ терпятъ наказаніе, погибая той смертью, которая была назначена для Соломона, т. е., черезъ повѣшеніе на той-же висѣлицѣ. (Иногда, впрочемъ, на мѣстѣ повѣшенъ любовникъ, а невѣрная казнена въ царствѣ Соломона). Веселовскій въ своемъ изслѣдованіи соломоновой легенды у славянъ и на Западѣ заключаетъ, что эпизодъ о похищеніи жены Соломона долженъ былъ находиться въ той первичной легендѣ, изъ которой развились самостоятельно нѣмецкія сказанія о Соломонѣ и Марольфѣ и славянскій легендарный циклъ Соломона и Китовраса [2]). Первоисточникъ Веселовскій считаетъ восточнымъ, усматривая въ Китоврасѣ образъ индійскаго гандарвы (миѳическія существа, охотно общающіяся со смертными женами, похищающія ихъ либо сами для себя, либо для другихъ). Эпизодъ объ увозѣ соломоновой жены, будучи самымъ популярнымъ изъ всего цикла, проникъ цѣликомъ въ былевой эпосъ, заимствуя изъ него второстепенные мотивы и строгія краски. Пред-

[1]) Это обыкновенно дѣлаетъ лицо, посланное чужимъ царемъ, въ видѣ купца, явившееся въ Соломоново царство".

[2]) А. Веселовскій. „Славянскія сказанія о Солом. и Китовр. и западныя легенды о Морольфѣ и Мерлинѣ", стр. 224—225.

http://rcin.org.pl

ставителемъ на Руси сказаній объ увозѣ жены Соломона является былина о „прекрасномъ царѣ Василіи Окульевичѣ и царицѣ Саламаніи“ [1]). Вотъ ея содержаніе:

Въ поганомъ царствѣ Кудріянскомъ (Р. II, 53, III, 56) или Цареградѣ живетъ прекрасный наличный царь Василій Окульевичъ; онъ хочетъ выбрать себѣ достойную жену. Ивашко-Таракашко (в.: Заморянинъ) указываетъ, что подходящей ему женой могла-бы быть царица Саламанія, жена царя іерусалимскаго Соломона. Способъ увоза, предложенный Ивашкой и исполненный имъ слѣдующій: снарядили корабли съ богатымъ грузомъ, питьями забыдущими и разными диковинами и послали въ Іерусалимъ. Здѣсь заманили на корабль царицу, чтобы показать различныя рѣдкости, напоили этими питьями и незамѣтно для нея отплыли. Когда привезли Саламанію къ Василію Окульевичу, они повѣнчались и стали жить въ любви 3 года. Въ это время обиженный Соломонъ собралъ силу крылатую и условился затѣмъ съ нею, чтобы по третьему зову рога турьяго (в.: пастушьяго) она явилась къ нему на выручку. Устроивъ это, самъ Соломонъ, нарядившись въ „платья нищія, каличія“, отправляется одинъ къ женѣ въ царство Василія Окульевича и видится съ нею въ отсутствіе новаго мужа; она-же, ласково встрѣтивъ Соломона, и увѣряя, что увезена обманомъ, угощаетъ его, напаиваетъ до-пьяна и сажаетъ въ кованъ-ларецъ, на которомъ усаживается сама. Когда явился Василій Окульевичъ, Саламанія говоритъ ему:

„Жили мы въ совѣтѣ, въ любви по три году.
Мы кого боялись по три году,
Тотъ сидитъ теперь подъ... бабьею.
Казни его скорѣй по холоньему... (Тих., № 66),

такъ онъ очень хитеръ-мудеръ и имѣетъ силу крылатую“. Отвѣчаетъ на это Соломонъ: „ты не слушай бабы: если-бъ она была разумная,—не шла-бы на корабли, не пила-бы питей забыдущихъ, не вышла-бы замужъ за другого“. Для Соломона устраиваютъ висѣлицу, находясь у которой онъ проситъ разрѣшенія въ послѣдній разъ поиграть на рожкѣ [2]). По третьему зову является крылатая сила, освобождаетъ Соломона и вѣшаетъ на той-же висѣлицѣ Василія Окульевича, Саламанію и Ивашку.

---

[1]) Рыбн., II, № 52 и 53, III, 56; Сб. Тихонр., № 66.

[2]) „Въ молодости я былъ охочь коровъ пасти“, говоритъ онъ въ одномъ изъ пересказовъ былины.

http://rcin.org.pl

Въ этой былинѣ мы встрѣчаемся съ мотивомъ заманиванія мужа вѣроломной женой въ ловушку, съ цѣлью выдачи его любовнику; тотъ-же мотивъ мы уже видѣли въ индійской повѣсти, былинѣ о Михаилѣ Потокѣ, польскомъ сказаніи о Вальтерѣ Удаломъ и южно-славянскихъ пѣсняхъ. Въ послѣднихъ, однако, гораздо чаще встрѣчается мотивъ о заманиваніи разными диковинами и увозѣ жены (или сестры) героя, которую онъ добываетъ, внезапно явившись къ похитителю [1]). Мотивъ-же объ измѣнѣ жены (или сестры) и захватѣ въ плѣнъ ею мужа (или брата) по большей части выдѣляется въ особыя пѣсни [2]). Изъ южно-славянскихъ сказаній Веселовскій [3]) указываетъ одно, удержавшее въ совокупности наиболѣе моментовъ изъ разсматриваемаго сказанія объ увозѣ соломоновой жены: жена Соломона, влюбившись въ другого царя, при помощи соннаго зелья, даннаго ей ея пособникомъ, приняла видъ мертвой и была похоронена Соломономъ послѣ испытанія подлинности ея смерти. Люди чужого царя вырыли ее изъ могилы и повезли къ нему. (До сихъ поръ развивается мотивъ, преимущественно распространенный въ западныхъ сказаніяхъ этого рода, но далѣе идетъ полное согласіе и съ русскими былинами о Василіи Окульевичѣ). Соломонъ, узнавъ о похищеніи мнимо-умершей, условился со своими людьми, чтобы они явились къ нему на выручку на трубный зовъ, и отправляется къ царю, любовнику его жены. Она запираетъ Соломона въ комнату, хитростью заманивъ его туда, а когда вернулся новый ея мужъ съ охоты, послала его убить Соломона. Этотъ желаетъ публичной смерти въ полѣ. Врагъ на это соглашается и Соломона ведутъ на казнь. На его трубный зовъ являются его люди, которые убиваютъ царя, невѣрную жену и слугъ ихъ. (Вукъ Кар. Српске нар. приповjетке у Бечу. 1853) [4]).

---

[1]) Напр., Сб. Миладиновыхъ. №№ 116, 184, 150 и Вукъ, т. II, 111.

[2]) Онѣ обыкновенно содержатъ еще эпизодъ о выборѣ мужемъ себѣ казни (что особенно часто встрѣчается въ западныхъ соломоновыхъ сагахъ) и спасеніи его путемъ хитрости (напр., Вукъ, I, 724). Богданъ, преданный врагу сестрою во время сна, на вопросъ, какою смертью онъ хочетъ умереть, выбираетъ разсѣченіе на 4 куска и повѣшеніе ихъ на четырехъ дорогахъ. На мѣстѣ казни Богданъ предложилъ снять съ него дорогой кафтанъ, чтобы не запачкать его кровью. Когда ему развязали руки, онъ выхватилъ у врага саблю, и отсѣкъ ему голову и казнилъ вѣроломную сестру. Подобн. у Вука, I, № 223 и въ Сб. Мин., т. XIV, стр. 78.

[3]) „Солом. о Китовр.“, стр. 243

[4]) Отдѣльные моменты соломоновой саги распространены въ юго-славянск. пѣсняхъ, напр., переодѣванье мужа, чтобы не быть узнаннымъ невѣрной женой: въ женское платье (Сб. Мин., XIII, стр. 80); мужъ „створи се цӂрна каугьера“ (ibid., стр. 101; XIV, стр. 75 и т. д.).

http://rcin.org.pl

Изъ приведенныхъ сказаній цикла соломоновой легенды, я полагаю, достаточно выясняется отношеніе первыхъ къ былинѣ о Потокѣ и польскому сказанію о Вальтерѣ. Когда популярно общее сказаніе, то легко себѣ представить, говоритъ А. Н. Веселовскій [1]), что отдѣльныя формы его могли отрываться отъ общаго корня, повторялись и существовали на сторонѣ, какъ любимое общее мѣсто, забывъ всякое отношеніе къ Соломону. Такимъ общимъ мѣстомъ Веселовскій называетъ сцену подъ висѣлицей со звукомъ рожка и ожидающей его засадой; такимъ-же общимъ мѣстомъ считаю я эпизодъ съ заманиваніемъ мужа въ ловушку вѣроломной женой (отс. и брата—сестрой), съ цѣлью выдачи его любовнику для казни. Эпизодъ этотъ, находясь въ индійскихъ повѣстяхъ на тему о вѣроломствѣ женъ, могъ проникнуть оттуда въ былину о Потокѣ, распространившись въ то-же время и въ сказаніяхъ объ увозѣ и измѣнѣ жены Соломона. Отсюда уже очень легко тотъ-же эпизодъ могъ попасть въ славянскія пѣсни и сказанія о вѣроломствѣ женъ и сестеръ.

Такимъ образомъ, эпизодъ съ заманиваніемъ мужа въ ловушку, войдя въ славяно-русскія повѣствованія о невѣрной женѣ, могъ существовать и въ польскихъ пересказахъ, утративъ заключительную сцену подъ висѣлицей. Польское сказаніе о Вальтерѣ Веселовскій считаетъ однимъ изъ источниковъ распространенія сказанія объ увозѣ жены изъ соломоновой легенды вмѣстѣ съ былиной объ Иванѣ Годиновичѣ, Михайлѣ Потокѣ Ивановичѣ и западными повѣстями De Rasone et uxore ejus, der Nussberg и др. [2]). Я полагаю, что вообще можно объединять эти повѣствованія съ эпизодомъ о невѣрности жены въ соломоновой сагѣ, но выводить отсюда роль сестры похитителя, освободившей плѣненнаго мужа, едва́-ли справедливо. Именно, А. Н. Веселовскій, соглашаясь съ мнѣніемъ нѣмецкаго ученаго Фохта, утверждаетъ, что новое лицо, введенное въ разсказъ объ измѣнѣ жены Соломона,—сестра похитителя,—существовало уже въ первичномъ разсказѣ: Соломонъ, явившись въ Китоврасово царство, встрѣченъ служанкой царицы, его бывшей жены, которая и узнаетъ отъ нея о пришельцѣ—мужѣ. Къ этому образу, полагаетъ Веселовскій, легко было привязать позднѣйшее распространеніе: прислужница стала сестрой похитителя [3]).

---

[1]) „Солом. и Китовр.“, стр. 296—297.

[2]) Веселовскій. „Солом. и Китовр.“, стр. 287.

[3]) Веселовскій. „Разыск. въ обл. дух. ст.“, гл. V, стр. 74—75. Сб., II, отд. И. А. Н., т. 28.

http://rcin.org.pl

Повторяю, такое толкованіе едва-ли вѣроятно, такъ какъ встрѣча мужа служанкой, сообщающей о немъ женѣ, — эпизодъ чисто вводный, — безъ котораго легко обходятся многіе варіанты сказанія, гдѣ Соломонъ лично, въ видѣ нищаго, предстаетъ передъ женой, — не имѣетъ никакого отношенія къ той роли, какую играетъ *сестра или дочь похитителя, спасающая отъ смерти обневоленнаго мужа.* Кромѣ того, введеніе этого лица измѣняетъ окончаніе разсказа, устраняя сцену подъ висѣлицей и пр.

Мы видѣли уже выше, насколько этотъ мотивъ (участіе сестры похитителя — любовника) распространенъ въ славянскихъ сказаніяхъ; при отсутствіи его въ соломоновой легендѣ, рѣшительно не представляется никакой нужды толковать его введеніе путемъ распространенія столь незначительной роли служанки въ соломоновой легендѣ.

Гораздо проще было-бы отнести сложеніе этого мотива къ распространенію роли богини Чанди (въ сказаніи Сомадевы), которая могла превратиться въ сестру похитителя — избавительницу Потока (въ былинѣ о Михайлѣ Потокѣ) и Вальтера въ польскомъ сказаніи [1]). Однако, и такое предположеніе не можетъ считаться состоятельнымъ, такъ какъ мотивъ объ освобожденіи плѣнника влюбившейся въ него близкой родственницей насильника часто стоитъ совершенно внѣ связи съ восточными повѣстями о невѣрной женѣ и, слѣдовательно, долженъ считаться сложившимся независимо отъ этихъ. Въ былинѣ о Потокѣ и польской повѣсти можно наблюдать повтореніе одного и того-же мотива въ двухъ видахъ: 1) жена, дочь (или сестра) бѣжитъ съ *любовникомъ — плѣнникомъ* мужа, отца (брата, за которымъ ей порученъ надзоръ): (польск. сказ., южнослав.: Марко и дочь арапскаго короля и др.). 2) Захваченному мужу (или брату), явившемуся за женой (или сестрой) въ домъ къ насильнику, помогаетъ близкая родственница послѣдняго (которой иногда также порученъ надзоръ за плѣнникомъ: был. о Потокѣ, польское сказаніе, Стоянъ Гайдутинъ и др.).

Происхожденіе второго вида изъ перваго — очевидно, такъ какъ существуетъ много эпизодовъ, особенно въ южно-славянскихъ пѣсняхъ, гдѣ развивается только первый видъ этого мотива, именно,

---

[1]) Воспоминаніе о роли богини-избавительницы могло, конечно, удержаться въ близко стоящей къ индійскому разсказу былинѣ объ Иванѣ Годиновичѣ и отчасти въ был. о Потокѣ, гдѣ оно служило, быть можетъ, лишь поводомъ (недостатокъ гвоздя сердечнаго), чтобы присоединить извѣстный уже разсказъ о помощи несчастному мужу со стороны родственницы насильника.

http://rcin.org.pl

въ тѣхъ случаяхъ, когда правымъ изображается въ разсказѣ плѣнникъ, освобождаемый полюбившей его дѣвушкой, близкой родственницей насильника. Если-же плѣнникъ дѣлается похитителемъ жены своего побѣдителя (2-ой видъ), который въ этомъ случаѣ является уже пострадавшимъ, то преступленіе его и невѣрной жены требуетъ наказанія [1]); роли мѣняются: прежній побѣдитель, явившійся за женой, становится плѣнникомъ, благодаря ея хитрости, но освобождается въ свою очередь полюбившей его дѣвушкой,—родственницей похитителя его жены (возвращеніе къ первому виду), которая со своимъ любовникомъ наказывается мужемъ съ помощью его освободительницы. Такое, именно, положеніе этого мотива наблюдается въ польскомъ сказаніи.—Итакъ, роль сказаній объ увозѣ жены Соломона относительно разсматриваемаго типа вѣроломной жены ограничивается почти исключительно распространеніемъ мотива о захватѣ женою посредствомъ хитрости разыскивающаго ее мужа и выдачѣ его любовнику—похитителю для казни. Мотивъ этотъ былъ излюбленнымъ мѣстомъ и готовой формой для западныхъ и славянскихъ разсказовъ о выроломствѣ жены и является однимъ изъ соединительныхъ звеньевъ между азіатскими и славянскими сказаніями о вѣроломной женѣ. Другой-же мотивъ объ освобожденіи обманутаго мужа родственницей похитителя стоитъ независимо отъ соломоновой легенды и, по всему вѣроятію, представляетъ типъ общеевропейскій.

Прежде, чѣмъ перейти къ разсмотрѣнію западныхъ повѣстей на тему о невѣрной женѣ, я попытаюсь на основаніи изложеннаго выше выяснить тѣ отношенія, въ какихъ стоитъ польское сказаніе о Вальтерѣ Удаломъ къ русскимъ былинамъ объ Иванѣ Годиновичѣ и Михайлѣ Потокѣ, южно-славянскимъ пѣснямъ и сказаніямъ объ увозѣ жены въ соломоновой легендѣ.

Чтобы повторить все сказанное о вліяніи разныхъ иноземныхъ мотивовъ на вторую часть польскаго сказанія, я представлю схему главныхъ его моментовъ, сравнивая каждый изъ нихъ со сходными въ другихъ сказаніяхъ на ту-же тему о вѣроломной женѣ.

1. Жена въ отсутствіе мужа бѣжитъ съ его плѣнникомъ, въ котораго влюбляется.

Ближе всего сюда стоятъ южно-славянскія пѣсни о бѣгствѣ жены, сестры, дочери насильника съ героемъ, содержащимся въ плѣну у перваго. Въ былинѣ о Потокѣ—жена въ

[1]) По логикѣ и морали, въ народныхъ сказаніяхъ весьма обычныхъ и послѣдовательныхъ.

http://rcin.org.pl

отсутствіе мужа убѣгаетъ съ соблазнителемъ. То-же въ индійскихъ расказахъ. Болѣе развитъ мотивъ о соблазнѣ жены врагомъ мужа въ славянскихъ сказаніяхъ: былина объ Иванѣ Годиновичѣ, южно-русскія и южно-славянскія сказанія.

2. Мужъ узнаетъ объ этомъ и является въ отсутствіе похитителя, чтобы отмстить; но жена, увѣряя, что увезена насильно, заманиваетъ мужа въ ловушку и выдаетъ любовнику, который заковываетъ его.

То-же въ южно-славянскихъ пѣсняхъ, при чемъ вѣроломною чаще оказывается сестра героя; въ былинѣ о Потокѣ— жена. Сюда-же примыкаетъ струя сказаній объ увозѣ жены Соломона. Въ былинѣ объ Иванѣ Годиновичѣ этотъ моментъ выпалъ, замѣнившись другимъ, весьма популярнымъ общеевропейскимъ мотивомъ о боѣ за невѣсту (наход. въ 1-ой части польскаго сказанія). Далѣе, въ былину введенъ чистославянскій мотивъ о помощи врагу мужа со стороны жены, плѣненной заманчивыми обѣщаніями.

3. Жена на глазахъ скованнаго мужа наслаждается съ любовникомъ.

Индійскія повѣсти Сомадевы, былина объ Иванѣ Годиновичѣ, южно-славянскія и южно-русскія сказанія. (Въ былинѣ о Потокѣ этотъ моментъ выпалъ, замѣнившись подробностью казни посредствомъ распятія. Мѣсто казни здѣсь погребъ, какъ въ польскомъ сказаніи).

4. Сестра любовника (дочь и т. п.), подъ условіемъ брака съ нею, помогаетъ освободиться обманутому мужу.

Южно-славянскія пѣсни. (Народная логика и мораль развили этотъ мотивъ въ двухъ формахъ; обѣ онѣ—въ польскомъ сказаніи). Былина о Потокѣ.—Мотивъ о вмѣшательствѣ высшей силы для освобожденія обманутаго мужа, находящійся въ индійской повѣсти, въ польскомъ сказаніи утраченъ совершенно. Мы видѣли, насколько онъ затемненъ уже въ близко стоящей къ индійской повѣсти былинѣ объ Иванѣ Годиновичѣ; поэтому отсутствіе этого мотива въ польскомъ сказаніи весьма естественно.

5. Освобожденный мужъ казнитъ преступную чету (и увозитъ съ собой свою спасительницу).

Въ южно-славянскихъ пѣсняхъ казнь большею частью состоитъ въ сожженіи невѣрной (рѣдко она получаетъ проце-

http://rcin.org.pl

ніе. Срв. Добрыня или снисходительность Владиміра къ Апраксіи за благосклонность къ Чурилѣ), а любовникъ убивается его-же оружіемъ.—Въ былинахъ объ Иванѣ Годиновичѣ и Михаилѣ Потокѣ жестокость казни (особ. въ первой) напоминаетъ индійскія повѣсти. Царскій судъ, встрѣчающійся здѣсь вездѣ, замѣненъ у славянъ самосудомъ, какъ я полагаю, на достаточныхъ основаніяхъ.

Изъ этого схематическаго обзора явствуетъ, что всѣ существенные моменты второй части польскаго сказанія были распространены въ славянскихъ земляхъ; выйдя большей частью изъ источника азіатскаго, мотивы эти ославянились подъ вліяніемъ мѣстныхъ сказаній, кое-что откинувъ и многое принявъ изъ быта и эпоса славянскихъ народовъ.

Такимъ образомъ, формированіе польскаго сказанія произошло именно этимъ путемъ при нѣкоторомъ вліяніи западныхъ повѣстей о невѣрныхъ женахъ, конечно, извѣстныхъ въ Польшѣ. Незначительная роль послѣднихъ опредѣляется уже тѣмъ обстоятельствомъ, что имъ почти ничего не оставалось прибавить къ сказаніямъ, хорошо извѣстнымъ и считавшимся своими.

Я настаиваю на этомъ соображеніи въ виду той роли передаточной станціи, какую играла Византія для перехода восточныхъ литературныхъ мотивовъ въ Западную Европу. Можно считать вполнѣ доказаннымъ, что отрывки византійскихъ новеллъ уже въ X вѣкѣ были извѣстны нѣмецкимъ шпильманамъ [1]). Еще болѣе очевидно вліяніе византійскаго эпоса на русскій. Эти факты наталкиваютъ на соображеніе, что азіатскія повѣсти, двигаясь морскими путями на Западъ черезъ Византію, въ то-же время оказывали болѣе постоянное давленіе на славянскій міръ, съ которымъ Византія находилась въ тѣсномъ историческомъ и географическомъ соприкосновеніи. Случалось, конечно, что однѣ и тѣ-же повѣсти и сюжеты направлялись черезъ Византію въ Европу двумя дорогами: моремъ—въ страны западно-европейскія, рѣчными и сухопутными дорогами—къ русскимъ и южнымъ славянамъ; эти-же немедля дѣлились новымъ литературнымъ достояніемъ со всѣмъ славянскимъ міромъ. Когда-же заимствованная такимъ путемъ повѣсть, принявшая новыя формы въ чужой странѣ, совершала обратный путь на

[1]) Византійскіе отголоски легко видѣть въ поэмахъ о Ротерѣ, о Hug и Wolfdietrich'ахъ. См. Веселовскій. „Южно-русскія былины“, III, стр. 35. Сб. II отд. И. А. Н., т. 36.

http://rcin.org.pl

востокъ Европы черезъ Новгородъ и Польшу, то едва-ли она могла оказать значительное вліяніе, если тѣ-же мотивы уже существовали въ одеждѣ народности въ сказаніяхъ мѣстныхъ, занесенные изъ того-же источника, но другими путями [1]). Относительно знакомства поляковъ съ русскимъ и южно-славянскимъ эпосомъ не можетъ быть никакого сомнѣнія въ виду родства этихъ народовъ и непрерывнаго общенія, какъ дружественнаго, такъ и враждебнаго. Кромѣ того, даже при наличности самыхъ тѣсныхъ сношеній Польши съ западной Европой, близость польскаго языка къ родственнымъ славянскимъ значительно облегчала доступъ въ Польшу южно-славянскимъ разсказамъ предпочтительно передъ нѣмецкими; послѣдніе могли быть доступны сначала меньшинству, знакомому съ иностранными языками, затѣмъ уже, появившись въ переводѣ, большему кругу читателей и слушателей, постепенно принимая въ себя мѣстныя наслоенія, какъ въ переложеніяхъ книжныхъ, такъ, въ особенности, въ устныхъ пересказахъ. Съ другой стороны, русскія, южно-русскія и южно-славянскія сказанія имѣли непосредственное вліяніе на народныя массы, усваивавшія ихъ, какъ свои собственныя, благодаря указанному родству и единству быта славянскихъ народовъ.

Обращаясь къ западнымъ повѣстямъ о вѣроломной женѣ, я прежде всего отмѣчу то обстоятельство, что сказаніе объ увозѣ соломоновой жены играло здѣсь такую-же важную роль, какъ и въ земляхъ славянскихъ. На распространенность и древность этого сказанія на Западѣ указываетъ А. Н. Веселовскій (въ Разыск. въ обл. д. ст. V, стр. 82), говоря, что главные его моменты существуютъ въ поэмѣ о Ротерѣ и въ chanson de geste о Bastard de Buillon. Бодуэнъ овладѣваетъ возлюбленной Корсабрина и женится на ней противъ ея воли. Пока мужъ сражается подъ Вавилономъ, она, оставшись въ Obrie, убѣгаетъ оттуда на кораблѣ къ милому. Мужъ въ одеждѣ угольщика проникаетъ къ ней; она принимаетъ его съ

---

[1]) Наблюдая вліяніе Византіи на зап.-европ. пѣсенные сюжеты, нельзя не видѣть и обратнаго явленія: вліяніе западныхъ сюжетовъ на восточные и югославянскіе, способствовало развитію „традиціонныхъ сюжетовъ", варьировавшихся на разные лады средне-вѣковыми пѣвцами. См. Созоновичъ. „Къ вопросу о западномъ вліяніи на юго-славянскій эпосъ". Въ тожествѣ юго-слав. и ново-греч. пѣсенъ съ произведеніями романскихъ народовъ, авторъ видитъ „отраженіе той поэтической волны, какая шла широкой полосой изъ южной Франціи, начиная съ крестовыхъ походовъ, захватывая почти всѣ европейскія страны и въ томъ числѣ Грецію и Балканскій полуостровъ" (стр. 27).

http://rcin.org.pl

притворной радостью и приготовляетъ баню, куда онъ идетъ; но туда же присылаетъ Корсабрина съ вооруженными людьми. Бодуэнъ выбираетъ себѣ смерть—быть повѣшеннымъ на одномъ изъ трехъ указанныхъ имъ высокихъ деревьевъ въ лѣсу. На мѣстѣ казни онъ проситъ позволенія затрубить въ рогъ, которымъ зоветъ друга. Этотъ его освобождаетъ, а вѣроломная жена казнена посредствомъ сожженія.—Изъ приведеннаго и подобныхъ [1]) разсказовъ можно видѣть, что отдѣльныя черты сказанія объ увозѣ жены изъ соломоновой саги вошли въ различныя западныя повѣсти о невѣрныхъ женахъ, гдѣ были приняты, какъ готовыя формы, разукрасившись варіантами. Однако, кромѣ заимствованныхъ, во всякомъ случаѣ надо признать несомнѣннымъ фактъ существованія въ Западной Европѣ [2]) и самостоятельно возникшихъ повѣствованій о вѣроломныхъ женахъ. Я приведу лишь указанныя Либрехтомъ, которыя онъ считаетъ „славянскими", т. е., вышедшими изъ польскаго сказанія о Вальтерѣ и Гельгундѣ.

Таковы, именно, Либрехтъ считаетъ англійскую повѣсть XII в. въ Gesta Rom. и ср.-верх. нѣм. стих. „Der Nussberg" [3]). Въ „Zur Volkskunde" (1879 г., стр. 39) онъ приводитъ разсказъ „De Rasone et uxore ejus" изъ сбор. Мапа (Gwalterus Mapes): Разонъ, христіанинъ и мелкій феодалъ, поймавъ языческаго адмирала, посадилъ его въ тюрьму и велѣлъ стеречь своей женѣ. Жена-же, въ отсутствіе мужа, освобождаетъ адмирала и убѣгаетъ съ нимъ на любимомъ конѣ Разона. Этотъ, огорченный не столько потерей жены, сколько коня, отправляется въ языческій городъ и подслушиваетъ здѣсь случайно свою жену, уговаривавшуюся бѣжать съ какимъ-то рыцаремъ. Въ темную ночь мужъ ухитряется занять мѣсто любовника, а вѣроломная, не узнавъ мужа, убѣгаетъ съ нимъ на его любимомъ конѣ. Утомленный Разонъ вздремнулъ въ пути; по храпу узнала его жена и убѣждала прилечь и заснуть. Онъ-же дремалъ, опершись на копье. Между тѣмъ бѣглецовъ настигалъ обманутый любовникъ. Разонъ проснулся и призвалъ находившагося вблизи сына: любовникъ и вѣроломная жена убиты и послѣдняя—своимъ

[1]) Напр., приводимая проф. Schuck'омъ шведская баллада о похищеніи „новгородскимъ конунгомъ" жены Давида—Сольфагеръ (изъ сб. Аррвидсона XVI в.), и англійская баллада о Джонѣ Томсонѣ (привед. у I. Child'a „The engl. aud scot. popular ballads"). Въ послѣдней Веселовскій („Шведская баллада объ увозѣ соломоновой жены", стр. 76) находитъ слѣд. первонач. сод.: въ отсутствіе мужа жена бѣжитъ съ любовникомъ; мужъ идетъ на поиски, узнанъ и выданъ похитителю.

[2]) И въ Германіи въ частности.

[3]) Orient und Occident, т. I, стр. 126.

http://rcin.org.pl

пасынкомъ.—Въ этомъ разсказѣ нельзя отмѣтить сходства съ славянскими ни въ чемъ, кромѣ мотива о бѣгствѣ жены съ плѣнникомъ мужа; дальнѣйшія похожденія жены уже съ другимъ лицомъ нисколько не напоминаютъ поступковъ славянскихъ измѣнницъ. Съ индійскими разсказами также повѣсть о Разонѣ сходства не имѣетъ. Мотивъ о бѣгствѣ жены съ плѣнникомъ мужа, правда, встрѣчается въ славянскихъ сказаніяхъ, но это указываетъ не на заимствованіе, но на распространенность и всеобщность его. Очевидно, что разсказъ о Разонѣ принадлежитъ къ типу западныхъ повѣстей о невѣрной женѣ, сложившихся самостоятельно, при чемъ типъ этотъ не имѣетъ никакого отношенія къ польскому сказанію. То-же можно заключить и о поэмѣ „Der Nussberg", гдѣ разсказывается о женѣ христіанскаго рыцаря Нуссберга, которая освобождаетъ заключеннаго мужемъ въ тюрьму язычника и убѣгаетъ съ нимъ и его свитой. Кромѣ указанныхъ, имѣющая свою самостоятельную исторію латинская повѣсть Петронія о непрочности женской любви (жена, плачущая на могилѣ мужа, тутъ-же влюбляется въ незнакомаго ей воина) и ей подобныя вмѣстѣ со „словами о злобахъ женскихъ" (какъ, напр., XII в. въ „Disciplina Clericalis" Петра Альфонса, гдѣ жена сравнивается со львомъ и змѣемъ) подтверждаютъ фактъ существованія въ западной Европѣ цѣлаго отдѣла литературы о злыхъ и невѣрныхъ женахъ. При этомъ совершенно очевидно, что возникали и самостоятельныя повѣствованія на эти темы.

Проф. Шепелевичъ, сравнивая западныя повѣсти о вѣроломной женѣ съ польскою, приводитъ разсказъ о Рудольфѣ изъ Шлиссельберга, который, по его мнѣнію, напоминаетъ индійскіе разсказы изъ Панчатантры и во многихъ пунктахъ „представляетъ замѣчательное сходство съ польской редакціей" [1]). Вотъ содержаніе этого разсказа: Рудольфъ исцѣляетъ свою жену, больную проказой, посредствомъ цѣлебной воды одного источника; доступъ къ нему охранялся гадами, съ которыми ему пришлось долго сражаться. Выздоровѣвъ, жена измѣняетъ мужу, вступивъ въ связь съ языческимъ королемъ, и вмѣстѣ съ дѣтьми (сыномъ и дочерью) уходитъ къ нему. Мужъ, переодѣвшись купцомъ, идетъ за женой и около храма раскладываетъ свои товары. Сынъ, узнавши отца, извѣщаетъ мать. Король позволяетъ ей судить мужа; она придумываетъ для него самыя ужасныя мученья, напр., ставитъ на раскаленныхъ угляхъ, привязавъ къ столбу, а сама на глазахъ несчаст-

---

[1]) Шепелевичъ. Нѣм. нов., стр. 30.

http://rcin.org.pl

наго мужа предается чувственнымъ наслажденіямъ съ королемъ. Отца спасаетъ сынъ, убивающій спящихъ любовниковъ. Противъ очевидности сходства этого разсказа съ индійскими, отмѣченнаго пр. Шепелевичемъ, нечего возражать, но для сопоставленія „Рудольфа“ съ польскимъ сказаніемъ я нахожу лишь одинъ его моментъ, именно,—наслажденіе любовниковъ на глазахъ связаннаго мужа; но, какъ мы видѣли, такой мотивъ находится въ индійскихъ и южнославянскихъ сказаніяхъ о невѣрной женѣ. Отсюда можно было-бы заключить, что, такъ какъ мотивъ этотъ изъ западно-европейскихъ повѣстей встрѣчается лишь въ „Рудольфѣ“, то онъ заимствованъ изъ повѣстей восточныхъ при посредствѣ славянскихъ; однако, еще болѣе вѣроятнымъ является предположеніе, что онъ появился подъ непосредственнымъ вліяніемъ восточныхъ сюжетовъ, развиваемыхъ самостоятельно въ западной Европѣ, какъ и въ земляхъ славянскихъ.—Сюжетъ повѣсти о Рудольфѣ—измѣна жены, слѣдующая за самоотверженными подвигами мужа, совершенными имъ для спасенія ея жизни, распространенный подъ вліяніемъ восточныхъ повѣстей: „какъ женщина вознаграждаетъ за любовь“,—пришелся весьма по вкусу средневѣковымъ книжникамъ. Въ западно-европейскихъ рукописяхъ весьма часто вслѣдъ за повѣстью о женѣ вѣрной и послушной слѣдовалъ разсказъ о невѣрной; тѣмъ болѣе охотно соединяли эти разсказы въ одинъ, изображая непрочность женской любви, какъ въ извѣстной повѣсти о „Матронѣ эфесской“, или невѣрность жены, обязанной мужу своимъ спасеніемъ. (Сюда какъ нельзя болѣе подходитъ условіе о совмѣстномъ погребеніи и оживленіе жены мужемъ, послѣ чего она измѣняетъ ему) [1].

Но, кромѣ указанной черты сходства, не дающей основаній ставить въ преемственную зависимость польское сказаніе о Валь-

[1]) Изъ западно-европейскихъ разсказовъ съ подобнымъ содержаніемъ, я укажу нѣкоторые. Такъ у Гриммовъ (сказ № 16, 88—92) мужъ оживляетъ погребенную съ нимъ по условію жену, которая, затѣмъ, ѣдучи по морю, влюбилась въ корабельщика и бросила мужа въ воду съ его помощью. Вѣрный слуга поймалъ его и оживилъ. Невѣрная жена была посажена съ любовникомъ въ дырявый корабль и утонула. Подобный разсказъ французскій (безъ условія о погребеніи вмѣстѣ) приводится у Cosquin'a, II, 82: Викторъ Lu Fleur по смерти жены ходитъ плакать на ея могилу. Явившаяся ему здѣсь „une belle dame blanche“ даетъ ему чудесную мазь, которою онъ оживилъ жену. Позже она убѣгаетъ въ Африку съ драгунскимъ полковникомъ. Явившійся къ ней мужъ узнанъ и приглашенъ къ обѣду, затѣмъ обвиненъ въ кражѣ и застрѣленъ. Другъ оживилъ его, послѣ чего невѣрная наказана. Разсказъ этотъ существуетъ въ различныхъ версіяхъ (см. Machal, стр. 170—171), очевидно заимствованный изъ литературы восточной. Въ русск. был. Потокъ подобнымъ образомъ оживляетъ Авдотью Лиховидьевну (см. выше, гл. III, отд. 2).

http://rcin.org.pl

терѣ и пов. о Рудольфѣ, нѣтъ болѣе ни одной, которая совпадала бы въ обоихъ разсказахъ; напротивъ,—прочія части ихъ весьма разнятся—особенно, въ концѣ: обманутый мужъ освобождается не сестрой любовника, но помощникомъ является его-же сынъ, который и убиваетъ измѣнницу; въ польскомъ же сказаніи мстителемъ (какъ въ славянскихъ вообще) является самъ оскорбленный мужъ. Такая значительная разница обоихъ разсказовъ не позволяетъ видѣть „замѣчательнаго сходства“ [1]) и заключать о вліяніи одного на другой, такъ какъ мы знаемъ, что единственный сходный моментъ былъ хорошо извѣстенъ славянскимъ сказаніямъ независимо отъ западноевропейскихъ.

Говоря въ частности о вліяніи повѣстей нѣмецкихъ на сказаніе о Вальтерѣ, необходимо обратить вниманіе на имена героевъ послѣдняго, извѣстныя въ отличной по содержанію повѣсти нѣмецкой о Вальтари и Гильдегундѣ. Имена эти проникли въ Польшу вмѣстѣ съ содержаніемъ разсказа на тему объ увозѣ Вальтари жены; на польской почвѣ эта тема была развита совершенно своеобразно, подъ вліяніемъ мѣстныхъ славянскихъ мотивовъ, но имена героевъ взяты нѣмецкія. Относительно имени Виславъ Гейнцель [2]) допускаетъ, что оно было извѣстно нѣмецкой сагѣ. Нэрингъ (Athen., 1883 г., стр. 360) указываетъ на богемскаго короля Wizlan'a, упоминаемаго въ „Битерольфѣ“. (Онъ предполагаетъ, что это имя обозначало то-же, что и Weneslan, т. е., король датскій въ „Дитрихѣ и Венесланѣ“ и Wizlan von Griechland, т. е., изъ Россіи, въ Diethichs Flucht). Это сближеніе Wislan'a съ Виславомъ (Wislaus и—съ болѣе полонизированымъ окончаніемъ—Wislimierz) заслуживало-бы вниманія, если бы польское имя Виславъ не объяснялось проще и, какъ я думаю, правдоподобнѣе: оно родилось въ Польшѣ и употребляется первый разъ здѣсь въ нашемъ сказаніи по аналогіи съ Вислицей и Вислой, иначе говоря, Вислица есть патрономическая форма для Вислава.

Гораздо труднѣе опредѣлить національность имени Рынга (Rynga), котораго мы не находимъ (кромѣ сказанія о Вальтерѣ) въ числѣ именъ извѣстныхъ въ Польшѣ или на Западѣ. Г. Ришка хочетъ видѣть въ немъ древне-сѣверное имя Rindr; пр. Шепелевичъ считаетъ его германскимъ и видитъ въ этомъ одно изъ самыхъ убѣдительныхъ доказательствъ нѣмецкаго происхожденія

---

[1]) См. проф. Шепелевича. „Нѣм. пов.“, стр. 30.
[2]) Ueber die Walthers, стр. 91; Learned, стр. 187.

http://rcin.org.pl

польскаго сказанія о Вальтерѣ, такъ какъ оно не ославянено [1]). Не говоря уже о томъ, что по одному имени нельзя заключать о національности сказанія въ цѣломъ составѣ, имени Rynga нѣтъ въ великопольской хроникѣ и это можетъ послужить основаніемъ мнѣнія, что его не было въ древнѣйшихъ варіантахъ устнаго преданія; Папроцкій-же могъ и лично вставить имена Ринги и Аринальдуса для приданія большей достовѣрности своему разсказу. Во всякомъ случаѣ, если имя „Rynga" германскаго происхожденія, то это рѣшительно не имѣетъ никакого значенія для опредѣленія національности разсказа, такъ какъ ко времени Папроцкаго, кромѣ многочисленныхъ западно-европейскихъ повѣстей съ именами героевъ ихъ, въ Польшу проникли во множествѣ иностранныя женскія имена, между прочимъ, и потому, что короли и вельможи нерѣдко женились на иностранкахъ.

Очень важнымъ является то обстоятельство, что ни одна подробность 2-ой части польскаго разсказа,—не говоря уже объ основныхъ его моментахъ, (кромѣ разсмотрѣнной повѣсти о Рудольфѣ) не совпадаетъ съ повѣстями нѣмецкими; совершенно иначе обстоитъ дѣло относительно повѣствованій славянскихъ: восточная основа при посредствѣ былины объ Иванѣ Годиновичѣ и о Михайлѣ Потокѣ, при участіи русскихъ и южно-славянскихъ сказаній о невѣрныхъ женахъ и соломоновой легенды, прекрасно сохранилась въ польскомъ сказаніи. Больше всего связи, какъ очевидно, оно имѣетъ съ двумя названными русскими былинами: въ нихъ находятся всѣ главные моменты польскаго сказанія, кромѣ бѣгства жены съ плѣнникомъ мужа, который дѣлается ея любовникомъ. Но мы видѣли, что этотъ мотивъ связанъ съ другимъ—освобожденіе обманутаго мужа сестрой любовника и бѣгство ея съ первымъ [2]).

Итакъ, съ одной стороны, невозможно принять мнѣніе Либрехта о происхожденіи западныхъ повѣстей изъ польской, съ другой—нѣтъ основаній считать послѣднюю нѣмецкой, перенесенною въ Польшу въ цѣломъ составѣ, какъ это доказываетъ проф. Шепелевичъ: польское сказаніе о Вальтерѣ сложилось въ Польшѣ, подъ вліяніемъ существовавшихъ здѣсь и вообще на славянской

---

[1]) Шепелевичъ. „Нѣм. пов." etc, стр. 31.

[2]) См. стр. 144—145.

http://rcin.org.pl

почвѣ другихъ сказаній, какъ сложившихся самостоятельно изъ мѣстныхъ или обще-европейскихъ сюжетовъ, такъ и изъ занесенныхъ съ Востока, какіе намѣчаются въ былинахъ объ Иванѣ Годиновичѣ и Михайлѣ Потокѣ. Въ этомъ отношеніи мнѣніе Либрехта должно быть признано справедливымъ. Называть-же „славянскими", приводимыя имъ западно-европейскія повѣсти, Либрехтъ не имѣлъ основанія, такъ какъ сходство ихъ съ индійскими могло возникнуть подъ непосредственнымъ вліяніемъ восточныхъ разсказовъ, пришедшихъ въ западную Европу не черезъ славянскія земли, а воднымъ путемъ черезъ Византію. Византія играла не послѣднюю роль въ дѣлѣ общенія Востока и Запада; она была на стражѣ между Европой и Азіей,—это было ея естественное призваніе [1]). Оглядываясь по пути, по которому слѣдовали странствующія повѣсти въ своемъ распространеніи по Европѣ,—говоритъ Ѳ. Буслаевъ [2]),—не можемъ не замѣтить, что главными путеводителями ихъ были византійцы, аравитяне и евреи. Византійцы передали ихъ міру славянскому и вообще восточной половинѣ Европы, аравитяне—отдаленному Западу, гдѣ черезъ Испанію оказывали вліяніе на другія страны. Разсѣянные повсюду, преданные торговымъ интересамъ, евреи очень удобно могли служить и дѣлу литературной взаимности. Либрехтъ и Бенфей утверждаютъ, что за-долго до Р. Х. Востокъ постоянно сносился съ классическимъ міромъ при посредствѣ областей, находившихся съ нимъ въ близкомъ историческомъ соприкосновеніи; кромѣ того, эти ученые указываютъ еще и на роль монголовъ, которые въ своемъ нашествіи на Европу могли служить посредниками въ передачѣ повѣствовательнаго матеріала. Соображеніе это оправдывается при разсмотрѣніи, напр., былины объ Иванѣ Годиновичѣ. Такъ или иначе, но вліяніе Востока на Западъ въ смыслѣ повѣствовательной литературы—фактъ несомнѣнный. При этомъ многія восточныя повѣсти о неисчерпаемости женскихъ обмановъ и хитростей дали сюжеты для очень популярныхъ западно-европейскихъ разсказовъ. Популярность эта объясняется, конечно, и фактами жизни западной Европы, которые давали и свои темы для подобныхъ разсказовъ. Восточная струя лишь подновляла и вливала новый матеріалъ въ существовавшія и слагавшіяся западныя повѣсти.

Что же касается въ частности сюжетовъ повѣстей разсматриваемаго типа—„какъ женщина вознаграждаетъ за любовь" Панча-

---

[1]) См. Веселовскій. „Солом. и Китовр." введ., стр. XI.

[2]) „Мои досуги", II, стр. 341.

http://rcin.org.pl

тантры и Сомадевы,—то, быть можетъ, мнѣ удалось выяснить, что, слѣдуя различными путями изъ Азіи въ Европу, они развивались самостоятельно въ странахъ западно-европейскихъ и славянскихъ. При этомъ въ странахъ славянскихъ восточные мотивы сохранились чище и въ большемъ количествѣ, нежели въ западныхъ.

Причинами этого служили непрерывное общеніе славянъ съ Византіей и монголы, главный и наиболѣе продолжительный натискъ которыхъ выпалъ на долю славянъ.

Относительно перехода чужеземныхъ произведеній повѣствовательной литературы, А. Н. Веселовскій, въ предисловіи къ сочиненію, посвященному вопросу о связи и происхожденіи славянскихъ сказаній о Соломонѣ и Китоврасѣ и западной легенды о Морольфѣ и Мерлинѣ, высказываетъ соображеніе, мнѣ кажется, весьма заслуживающее вниманія, именно: „памятникъ, литературно законченный, создававшійся при опредѣленныхъ историческихъ условіяхъ, могъ въ извѣстную пору перейти въ чуждое общество, благодаря измѣненію въ именахъ и чисто внѣшнему пріуроченію событій, одѣться тамъ во всѣ краски народности и не только обнароднѣть, но и представиться домашней своей сагой“.

Такому процессу, я полагаю, подверглись индійскія повѣсти разсматриваемаго типа о вѣроломной женѣ: восточный первоисточникъ, прошедшій славянскія земли, достигъ западнаго ихъ края—Польши въ разнообразныхъ отраженіяхъ, одѣтыхъ, по выраженію Веселовскаго, во всѣ краски народности славянской.

На этомъ долгомъ пути, разсказъ, явившійся источникомъ для чужихъ земель, то распадался на части, и каждый отдѣльный его моментъ служилъ темой новаго разсказа или прибавлялъ эпизодъ къ существовавшему уже старому,—то утрачивалъ, продолжая свой путь, лишь подробности, непонятныя для чужой страны, гдѣ онѣ замѣнялись домашними своими. Слагавшіяся такимъ образомъ новыя повѣствованія, двигаясь дальше, были настигаемы свѣжими струями, идущими изъ родины первоисточника, которыя подновляли затемненныя первоначальныя черты и вносили новые сюжеты для заимствованія; на встрѣчу этимъ струямъ шли широкія волны чисто-мѣстныхъ сказаній, рожденныхъ фактами домашней жизни, принимали ихъ въ себя и, въ свою очередь, распространялись уже съ измѣненнымъ содержаніемъ. Въ этотъ потокъ проникали со стороны излюбленныя общія мѣста другихъ, родственныхъ по темѣ повѣствованій, оторванныя отъ своего русла, присоединяясь къ той или другой струѣ, утративъ всякое отношеніе къ первоначальному сюжету и его дѣйствующимъ лицамъ.

http://rcin.org.pl

Благодаря столкновеніямъ самыхъ разнообразныхъ элементовъ, въ процессѣ сложенія сказаній подъ вліяніемъ источниковъ мѣстныхъ, родственныхъ и иноземныхъ, невозможно искать строгаго порядка въ соединеніи однихъ съ другими, установить точки соприкосновенія заимствованнаго и туземнаго матеріала и указать точно пути слѣдованія отъ первоисточника. Въ большинствѣ случаевъ мы можемъ лишь съ относительной вѣроятностью выдѣлить моменты, заимствованные цѣликомъ изъ чужихъ странъ и рожденные на мѣстной почвѣ; опредѣлить-же въ послѣднихъ черты вліянія чужеземнаго, часто бываетъ очень затруднительно въ виду общераспространенности многихъ сюжетовъ, имѣя при этомъ дѣло съ матеріаломъ, подвергавшимся всѣмъ случайностямъ устнаго пересказа.

Считая польское сказаніе о Вальтерѣ состоящимъ изъ двухъ частей, я разсматривалъ отдѣльно происхожденіе каждой изъ нихъ, опредѣливъ ту роль, какую играла въ сложеніи первой части германская сага о Вальтари Аквитанскомъ. Роль эта, повторяю, мнѣ представляется весьма незначительной. Первая часть польскаго сказанія о Вальтерѣ Удаломъ, окончательно поглотивъ германскую сагу и заимствовавъ изъ нея лишь имена Вальтера и Гельгунды,— быть можетъ, популярныя возлѣ Кракова, одно время подъ вліяніемъ названной саги, забытой впослѣдствіи,—жила въ Польшѣ до соединенія со второй въ видѣ повѣсти объ увозѣ героемъ невѣсты съ различными приключеніями. Но въ Польшѣ вообще не посчастливилось произведеніямъ народнаго творчества: вниманіе народа цѣликомъ обратилось къ фактамъ исторической кипучей жизни, создававшей преданія, пріурочиваемыя къ опредѣленнымъ историческимъ мѣстностямъ или лицамъ.

Что до второй части, то, я думаю, она сложилась въ Польшѣ изъ произведеній повѣствовательной литературы, хорошо здѣсь извѣстныхъ и, быть можетъ, варьировавшихся на разные лады, пока не составился цѣльный разсказъ съ присоединеніемъ эпизода объ увозѣ невѣсты. Разсказъ этотъ, смѣшавшись съ остатками преданій о борьбѣ князей Тынца и Вислицы, сталъ мѣстнымъ сказаніемъ, знающимъ имена яко-бы историческихъ лицъ Вальтера и Вислава. Если-же одно изъ этихъ именъ, можетъ быть и оба, фугурировало такъ или иначе въ мѣстныхъ воспоминаніяхъ, то это, конечно, весьма способствовало-бы пріуроченію сказанія. Въ такомъ предположеніи нѣтъ ничего невѣроятнаго, тѣмъ болѣе, что устная тра-

http://rcin.org.pl

диція не стѣсняется даже самымъ незначительнымъ сходствомъ именъ, намекомъ на сходство фактовъ, чтобы приплесть тотъ или другой разсказъ къ опредѣленному лицу или мѣсту.

По вкусу времени причиной борьбы тынецкаго и вислицкаго владѣтелей весьма удобно было выставить женскую измѣну. Первая часть сказанія вставлена, какъ эпизодъ, долженствующій служить иллюстраціей общей мысли о преступности жены, которую мужъ добылъ „не безъ большихъ опасностей“ (см. хрон. Богухв. и Паска). Развитіе этого эпизода въ подробностяхъ служитъ примѣромъ того, что народное творчество всегда остается вѣрнымъ своему обыкновенію, облекая извѣстныя темы въ опредѣленныя формы: добываніе невѣсты соединено съ привлеченіемъ ея любви, увозомъ и боемъ съ преслѣдователемъ.

Старый памятникъ, высѣченный на камнѣ въ Вислицѣ, послужилъ основой для локализаціи нашего сказанія. Чей это былъ памятникъ, мы не знаемъ, но народная молва приписывала его Гельгундѣ; надписи на немъ не было никакой, иначе о ней непремѣнно было-бы упомянуто кѣмъ-либо изъ лицъ, приводящихъ сказаніе въ лѣтописяхъ. Было-ли изображеніе женщины на этомъ памятникѣ, дѣло очень сомнительное, такъ какъ объ этомъ не упоминаетъ великопольская хроника. Впрочемъ, быть можетъ, на этомъ памятникѣ, покрывавшемъ останки какого-нибудь вислицкаго князя или цѣлой фамиліи, сохранилось полуразрушенное изображеніе головы, принимаемой за женскую. Памятникъ этотъ былъ весьма старъ, если уже въ концѣ XIII и началѣ XIV вв. исторія о Вальтерѣ и Виславѣ казалась очень давней, имѣвшей мѣсто въ языческія времена (великопол. хр.: olim... tempore paganissimo); она несомнѣнно явилась на смѣну прежнихъ преданій, утратившихъ опредѣленныя формы, и заняла ихъ мѣсто, утвердивши за собой, какъ ихъ наслѣдница, патентъ на древность. По причинѣ ветхости памятника, фигуры на немъ не могли отличаться отчетливостью; возможно даже, что ихъ не было вовсе, но народная фантазія изъ пятенъ и обломковъ камня, служившаго матеріаломъ памятнику, дорисовывала женское лицо. При такихъ условіяхъ пріуроченіе сюда сказанія очень естественно.

Въ краткихъ чертахъ я повторю главнѣйшіе выводы, къ какимъ я пришелъ во второй части настоящей работы.

1. Германская сага о Вальтари Аквитанскомъ оказала очень слабое вліяніе на польское скааааніе о Вальтерѣ Удаломъ: вліяніе это почти исключительно выразилось въ заимствованіи именъ Вальтера и Гельгунды (незначит. подробности).

http://rcin.org.pl

2. Разсказъ великопольской хроники, очевидно, устнаго происхожденія; онъ жилъ въ видѣ мѣстнаго сказанія въ окрестностяхъ Кракова. Историки, на которыхъ ссылается Папроцкій,—вѣроятно, и самъ онъ,—пользовались тѣмъ-же устнымъ источникомъ.

3. Въ польскомъ сказаніи двѣ части, сложившіяся независимо одна отъ другой. Первая сложилась подъ вліяніемъ германской саги, благодаря сходству темъ, развиваемыхъ европейскими народами въ опредѣленныхъ разсказахъ; при этомъ, существенные моменты первой части развились изъ мотивовъ, издавна распространенныхъ на славянской почвѣ, отчасти мѣстныхъ, отчасти общеевропейскихъ. Вторая часть явилась на славянской почвѣ.

4. Первоисточникомъ для разсказа о невѣрной женѣ разсматриваемаго типа, послужили индійскія повѣсти,—преимущественно одна: изъ сб. Сомадевы, которая, выйдя съ Востока, прошла черезъ славянскія земли, гдѣ оставила значительные слѣды, особенно въ былинахъ объ Иванѣ Годиновичѣ и Михаилѣ Потокѣ. Эти былины, какъ и славянскія сказанія объ увозѣ соломоновой жены, оказали существенное вліяніе на польское сказаніе.

5. Распространенные такимъ образомъ среди славянъ мотивы подобныхъ сказаній, пришли и въ Польшу, гдѣ, встрѣтившись возлѣ Кракова съ повѣстью объ увозѣ Вальтеромъ жены, составили цѣлое преданіе, пріуроченное въ Вислицѣ, благодаря воспоминаніямъ о борьбѣ вислицкаго и тынецкаго князей, и старому памятнику въ Вислицѣ.

6. Западно-европейскія повѣсти о невѣрной женѣ, существеннаго вліянія на вторую часть польскаго сказанія не оказали и слагались независимо отъ нея.

---

http://rcin.org.pl

Поэма о Вальтари.

Эккегарда I-го.

(Переводъ съ латинскаго по тексту изданія Scheffel'я и Holder'a)·

Третья часть міра Европою, братья, зовется. Народы
Разные въ ней обитаютъ: изъ нихъ отличается каждый
Образомъ жизни и вѣрой, по имени, рѣчи и нравамъ.
Племя одно превозносятъ изъ нихъ, что́ въ Панноніи жило;
Гуннами чаще, однако, его называть мы привыкли.
Сильный былъ это народъ и прославленный доблестью бранной.
Власти своей подчинилъ онъ не только окрестныя страны,
Но и достигъ береговъ Океана. Союзы даруя
Мира покорно просящимъ, онъ въ прахъ повергалъ непокорныхъ.
Много вѣковъ, говорятъ, онъ такъ властвовалъ сильно и крѣпко.
Гунновъ корону носилъ въ это время Аттила, который
Вовсе покоя не зная, искалъ себѣ новыхъ тріумфовъ.
Сильное войско собравши, велитъ онъ отправиться къ франкамъ.
Гибихъ король возсѣдалъ здѣсь на тронѣ высокомъ; утѣху
Въ отпрыскѣ юномъ онъ видѣлъ (о немъ разскажу я позднѣе).
Сынъ у него былъ наслѣдникъ, котораго Гунтеромъ звалъ онъ
Вѣсти летучей молвы донеслися до царскаго уха.
Съ ужасомъ Гибихъ услышалъ, что Истръ перешелъ ужъ, вр~~рось~~ грозный;
Счета нѣтъ войску его, какъ рѣчному песку или звѣздамъ.
Не довѣряя оружью и крѣпости силы народной,
Франковъ король созываетъ совѣтъ и вопросъ предлагаетъ:
„Какъ тутъ теперь поступить? и что дѣлать вы намъ укажите".

http://rcin.org.pl

Общій совѣтъ былъ за то, что имъ мира просить теперь надо:
Руку врагу протянуть, если миръ онъ принять согласится,
Золотомъ алчность его утолить и, заложниковъ давши,
Мира достигнуть вѣрнѣе, чѣмъ въ битвѣ кровавой погибнуть,
Женъ и дѣтей погубить, погубить съ ними также и царство.
Юноша Гагенъ, едва возмужалый, былъ знатенъ у франковъ:
Доблестей много имѣлъ онъ и родъ выводилъ отъ троянцевъ.
Такъ какъ сынъ Гибиха, Гунтеръ, былъ въ возрастѣ нѣжномъ и даже
Онъ безъ груди материнской не могъ-бы въ живыхъ оставаться,—
Гагена съ тьмою сокровищъ рѣшили отправить къ Аттилѣ.
Тотчасъ послы удаляются съ юношей вмѣстѣ и данью,
Просятъ о мирѣ Аттилу и тутъ-же союзъ закрѣпляютъ.
Мощной рукою держалъ въ это время Бургундіи скипетръ
Геррикъ, страны той король. У него была дочь одна только,—
Имя ей было Гильдгунда; изяществомъ формъ, красотою,
Граціей также и знатностью рода она обладала:
Ей, какъ наслѣдницѣ, въ дѣдовскомъ замкѣ всю жизнь вѣдь, казалось,
Можно-бы было провесть, наслаждаясь богатствами предковъ.
Вотъ ужъ авары, со франками миръ заключивши надежный,
Войско свое отъ границъ ихъ страны безъ сраженья отводятъ.
Быстро отсюда впередъ направляетъ коня царь Аттила,
Мчится за нимъ по слѣдамъ его царская свита и войско.
Стройно неслися ряды за рядами большой вереницей,
Громко стонала земля, сотрясаясь отъ конскаго бѣга,
Эхо вторило съ боязнью бряцанью щитовъ и оружья:
Лѣсъ волновался желѣзный, въ равнинахъ широкихъ сверкая:
Словно, какъ солнца блестящаго утренній лучъ озаряетъ
Край отдаленный земли, прорываясь сквозь твердь океана.
Рѣки глубокія Араръ и Роданъ они переходятъ;
Здѣсь разсыпается войско и жадно спѣшитъ за добычей.
Геррикъ, властитель Бургундьи, тогда находился въ Шалонѣ.
Стражникъ, глядѣвшій изъ башни высокой, вдругъ поднялъ тревогу:
„Облако пыли, я вижу, вдали поднялося густое!
Вражье то войско идетъ! затворяйте ворота повсюду!“
Франковъ поступокъ навѣстенъ тогда уже былъ государю;
Всѣхъ на совѣтъ созываетъ поспѣшно онъ знатныхъ сеньоровъ:
„Если народъ столь отважный,—а съ нимъ вѣдь намъ трудно сравниться,—

http://rcin.org.pl

Гуннамъ уже покорился, то гдѣ вы найдете тѣ силы,
Чтобы, сразившись съ врагами, защитить намъ милую землю?
Лучше пусть дань получаютъ и миръ намъ дарують безъ битвы.
Дочь, что одна у меня, не колеблюсь отдать за отчизну:
Такъ да учинятъ всѣ тѣ, кто надежнаго мира желаетъ".
Вышли послы ко врагамъ; безоружные, просятъ смиренно,
Царскій приказъ исполняя, страну невредимой оставить.
Съ лаской обычной ихъ принялъ Атилла, враговъ предводитель:
„Мира я больше желаю всегда, говоритъ онъ, чѣмъ битвы:
Гунны всегда вѣдь готовы господствовать мирно и кротко,
Но, противъ воли, смиряютъ оружьемъ возстаніе буйныхъ.
Царь вашъ за миромъ пусть явится самъ и получитъ таковый".
Геррикъ тогда отправляется съ дочерью въ лагерь Аттилы;
Много сокровищъ онъ отдалъ безцѣнныхъ и дочь вмѣстѣ съ ними.
Вотъ, далеко на чужбину родителей счастье, уходитъ.
Здѣсь договоръ заключивши и дани размѣръ обозначивъ,
Полчища грозныя двинулъ на Западъ Аттила воитель.
Въ тѣ времена, говорятъ, былъ Альфере царемъ аквитанскимъ.
Также потомство имѣлъ онъ, то сынъ былъ и звался Вальтари.
Мальчикомъ былъ онъ еще, расцвѣтая, какъ нѣжный цвѣточекъ.
Этотъ Альфере и Геррикъ бургундскій давно порѣшили
И договоръ заключили посватать дѣтей непремѣнно,
Въ возрастъ лишь только придутъ они, браку приличный.
Вѣсть лишь дошла до Альфере, что два ужъ смирились народа,
Страхъ охватилъ его сильный и сердце забилось тревожно:
Не было вовсе надежды спасенья достигнуть оружьемъ.
„Если сражаться не можемъ, то какъ поступить?" говоритъ онъ:
„Франковъ, а также бургундовъ рѣшенье примѣромъ намъ служитъ,
Намъ вѣдь позора не будетъ, когда подражать мы имъ станемъ.
Я отправляю посольство; велю ему миромъ покончить.
Сына любезнаго я отдаю: онъ заложникомъ будетъ:
Также и дань мы заплатимъ, какую намъ гунны назначатъ".
Слово свое онъ исполнилъ. Тогда возвратились авары
Радостно съ бездной сокровищъ на родину, взявши съ собою

http://rcin.org.pl

Знатныхъ заложниковъ: Гагенъ. Гильдгунда младая,
Также Вальтари за ними отправились въ чуждую землю.
Прибывъ въ Паннонью, Аттила опять водворился въ столицѣ;
Къ дѣтямъ, отчизны лишеннымъ, онъ милость свою обращаетъ:
Ихъ содержать приказалъ онъ, какъ будто его были дѣти;
Дѣву-же онъ поручаетъ заботамъ жены—королевы.
Юношамъ царь повелѣлъ быть всегда у него предъ очами.
Разнымъ наукамъ они обучались, а также военнымъ
Играмъ съ особымъ стараньемъ, какъ принято было въ ту пору.
Съ возрастомъ вмѣстѣ и силой у юношей умъ укрѣплялся,
Разумомъ—мудрыхъ и сильныхъ оружьемъ они побѣждали.
Всѣхъ, наконецъ, превзошли они мужествомъ гунновъ. Аттила
Главными войска вождями тогда порѣшилъ ихъ назначить;
Честь та была по заслугамъ: какъ только война возгаралась,
Мужествомъ рѣдкимъ они достигали тріумфовъ блестящихъ.
Сильно обоихъ за это любилъ повелитель Аттила.
Плѣнная дѣва, по милости Божьей, понравилась сразу
Личикомъ милымъ царицѣ; но больше любовь привлекали
Рѣдкій характеръ ея, прилежанье и ловкость въ работѣ:
Всѣ драгоцѣнности ввѣрены были надзору Гильдгунды;
Малаго тутъ не хватало, чтобъ властвовать ей, какъ царицѣ:
Что бы она ни желала, все тотчасъ исполнено было.
Временемъ тѣмъ умираетъ царь Гибихъ. На франкскомъ престолѣ
Гунтеръ возсѣлъ по наслѣдству и прежній союзъ онъ разрушилъ,
Подать паннонцамъ платить отказавшись тотчасъ-же. Лишь только
Гагенъ, изгнанникъ невольный, объ этихъ событьяхъ услышалъ,
Ночью предпринявши бѣгство, помчался скорѣй къ господину.
Гунновъ водилъ на сраженья въ то время Вальтари; всегда вѣдь
Были удачны походы, когда предводителемъ былъ онъ.
Сильно смутило царицу нежданное Гагена бѣгство;
Съ рѣчью такою Оспиринъ тогда къ королю обратилась.
„Все приложите старанье, прошу васъ, король, непремѣнно,
Какъ-бы не стала шататься основа у вашего царства.
Здѣсь я Вальтари любезнаго вамъ разумѣю, а въ немъ-то
Много поддержки имѣютъ могущество наше и сила.
Бѣгства его я боюсь, а вѣдь въ Гагенѣ видѣлъ примѣръ онъ.
Мой вы примите совѣтъ и какъ только Вальтари прибудетъ,
Съ нимъ разговоръ заведите и вотъ что ему вы скажите:

http://rcin.org.pl

Будучи нашимъ слугой, ты исполнилъ не мало великихъ
Трудныхъ работъ; но извѣстно тебѣ, что за это всегда мы
Милостью нашей тебя отличали предъ прочими сильно.
Нынѣ хочу я, чтобъ ты убѣжденъ былъ не словомъ, но дѣломъ:
Выбери здѣсь у паннонскихъ вельможъ ты невѣсту по сердцу
И не тревожься о томъ, что женѣ будетъ бѣдность удѣломъ:
Много даровъ ты получишь, земель и сокровищъ,—
Стыдно не будетъ семейству, откуда возьмешь ты невѣсту.
Если вы скажете такъ, то опутаемъ крѣпко Вальтари".
Царь, этотъ принявъ совѣтъ, поступилъ по желанью царицы.
Только Вальтари явился, король, изложивши все это,
Бракомъ ему предложилъ сочетаться со знатною дѣвой.
Витязь, тогда ужъ замысливъ о дѣлѣ, исполненномъ позже,
Хитро отвѣтилъ царю, не поддавшись его искушенью:
„Милость ко мнѣ вы простерли свою чрезвычайную, право,
Скромную службу мою, почитая достойной вниманья,
Такъ какъ заслугъ никакихъ за собою не знаю я вовсе.
Но, я прошу васъ прослушать, что преданный скажетъ слуга вашъ:
Если-бъ, исполнивъ совѣтъ господина, я выбралъ подругу—
Тотчасъ любовь и заботы о милой меня увлекли бы
Такъ, что не могъ-бы нести я по прежнему царскую службу:
Домъ мнѣ построить пришлось-бы, хозяйствомъ заняться въ деревнѣ.
Это служило-бъ помѣхой мнѣ быть у царя предъ очами
И посвящать всѣ заботы на благо паннонскаго царства.
Каждому, разъ кто отвѣдалъ блаженства, съ тѣхъ поръ тяжелѣе
Кажется бремя труда. Для меня же ничто такъ не сладко,
Какъ неизмѣнная преданность вамъ и прошу я
Жизнь проводить мнѣ позволить свободнымъ отъ брачнаго ига.
Если ты дашь порученье мнѣ вечеромъ позднимъ иль въ полночь,
Тотчасъ я буду готовъ и спокойно пойду, куда скажешь.
Въ войнахъ меня никакія заботы къ уступкѣ не склонятъ,
Мысли о дѣтяхъ, супругѣ любимой, меня не удержатъ,
Также бѣжать не побудитъ желанье скорѣй ихъ увидѣть.
Жизнью твоею, о добрый отецъ, я тебя заклинаю,
Непобѣдимымъ доселѣ народомъ великимъ паннонскимъ.
Пусть незажженнымъ останется брачный мой факелъ на вѣки".
Просьбой такою склоненный, оставилъ Аттила совѣты,

http://rcin.org.pl

Думая, что никогда ужъ бѣжать не помыслитъ Вальтари.
Царь между тѣмъ узнаетъ изъ вѣрнѣйшихъ извѣстій, что нѣкій
Вновь покоренный народъ порѣшилъ отложиться отъ гунновъ.
Знамя возстанія поднялъ и вскорѣ войну затѣваетъ.
Дѣла веденье поручено было Вальтари; онъ быстро
Правильный въ войскѣ порядокъ устроилъ; его осмотрѣвши,
Мужество воинамъ въ сердце вдохнулъ, убѣждая ихъ помнить
Славу побѣдъ и тріумфы, добытые въ войнахъ прошедшихъ;
Онъ увѣрялъ, что возставшихъ съ обычной отвагою свергнетъ,
И для сосѣднихъ земель это страшнымъ примѣромъ послужитъ.
Войско немедля поднялось и стройно въ походъ устремилось.
Мѣсто сраженья намѣтивъ, Вальтари войска размѣщаетъ
Въ строгомъ порядкѣ для битвы въ поляхъ и долинахъ широкихъ.
Вотъ ужъ приблизились оба враждебныя войска на выстрѣлъ;
Кликами бранными всюду наполненъ былъ воздухъ и въ грозный
Голосъ сливались сигналы, зовущіе къ битвѣ кровавой.
Тучами копья летали туда и сюда безпрерывно,
Дротики съ копьями вмѣстѣ игру затѣвали, казалось,—
Точно какъ молньи сверкали концы ихъ, грозящіе смертью.
Стрѣлы жестокія всюду роились подобно снѣжинкамъ,
Кучу которыхъ собравши, Борей разсыпаетъ вдругъ сразу.
Вотъ, наконецъ, у обѣихъ сторонъ истощились запасы
Дротиковъ острыхъ и стрѣлъ, — за мечи всѣ немедля схватились.
Ярко мечи заблистали, щиты ужъ отброшены вовсе;
Близко сошлись оба строя, и бой рукопашный начался.
Кони другъ съ другомъ сшибаются грудью, сбиваяся въ кучи;
Много ужъ витязей пало; щиты покрываютъ ихъ трупы.
Въ самой срединѣ кроваваго боя Вальтари летаетъ,
Все на пути сокрушаетъ, дорогу мечемъ пролагая.
Горы убитыхъ рукою героя враговъ устрашили:
Будто бы смерть передъ ними предстала, грозя истребленьемъ.
Вправо иль влѣво свой путь направляетъ побѣдный воитель,
Тылъ обращаютъ враги и, щиты положивши на спины,
Мчатся, коней понукая, пустивши свободно поводья.
Гуннское сильное войско, вождя возбуждаясь примѣромъ,
Яростно въ битву стремится; враговъ поражая отважно,
Всѣхъ низвергаетъ готовыхъ сражаться и давитъ бѣгущихъ.
Жребій войны имъ достался счастливый, успѣхъ безпримѣрный.

http://rcin.org.pl

Гунны пустились по трупамъ, снимая съ убитыхъ доспѣхи.
Вотъ, наконецъ, полководецъ трубою войска созываетъ.
Первый онъ лавромъ зеленымъ чело съ торжествомъ украшаетъ,
Сдѣлавъ вѣнокъ въ честь побѣды. Примѣру его подражая,
Лавръ знаменосцы надѣли, за ними и прочее войско.
Радостно шли въ украшеніи этомъ обратно паннонцы;
Въ землю родную вступивши, они по домамъ разбрелися.-
Прямо въ столицу Аттилы Вальтари направился быстро.
Вотъ выбѣгаютъ поспѣшно дворцовые слуги изъ замка,
Съ радостью встрѣтивъ героя; коня за узду придержали,
Чтобы съ высокаго выйти сѣдла могъ прославленный воинъ.
Славно-ль окончилось дѣло, осыпанъ вопросами былъ онъ.
Въ краткихъ словахъ о войнѣ разсказавши, — усталъ онъ дорогой,—
Входитъ герой во дворецъ, направляясь въ покои Аттилы.
Тамъ онъ Гильдгунду засталъ въ одиночествѣ. Дѣву обнявши,
Нѣжно ее цѣловалъ онъ; затѣмъ обратился къ ней съ просьбой:
„Пить мнѣ скорѣй принеси,—отъ усталости я задыхаюсь“.
Тотчасъ вина налила она въ кубокъ роскошный герою.
Выпилъ вино онъ, креста осѣнившись знаменьемъ, и близко
Дѣву привлекъ онъ рукою. Прекрасная молча стояла,
Взоръ на него устремивши пытливый Гильдгунда. Вальтари
Кубокъ до дна осушённый отдалъ ей.—И оба въ то время
Знали они хорошо, что обручены были давно ужъ.
Рѣчь онъ такую повелъ, обращаяся къ дѣвѣ прелестной:
„Долго ужъ вмѣстѣ изгнаніе наше мы терпимъ, Гильдгунда!
Не безызвѣстно намъ то, что рѣшили родители наши
Между собою о нашемъ союзѣ грядущемъ. Доколѣ
Будемъ молчать мы объ этомъ и другъ передъ другомъ таиться“?
Дѣва рѣшивши, что милый надъ ней посмѣяться задумалъ,
Молча стояла сначала, затѣмъ-же отвѣтила прямо:
„Ахъ, для чего твой лукавитъ языкъ и притворно меня убѣждаетъ
Въ дѣлѣ, которое въ сердцѣ своемъ и душѣ ты отвергнулъ?
Будто великій ужъ стыдъ навлекла-бы супруга такая“.
Рѣчью отвѣтилъ такою на это Вальтари разумный:
„Вовсе не думай объ этомъ и мысль обрати ты ко правдѣ!
Знать ты должна-бы, что я говорю, какъ всегда, безъ лукавства;
Вѣрь мнѣ, ни капли здѣсь хитрости нѣтъ иль обмана какого.
Нѣтъ тутъ теперь никого, кто-бъ услышать могъ замыслы наши:
Если-бъ я зналъ, что душою готова ты мнѣ подчиниться,

http://rcin.org.pl

Также, что вѣрность обѣту въ тебѣ сохранится надежно,—
Сердца всѣ тайныя думы тебѣ я открыть пожелалъ-бы".
Дѣва, склонившись къ ногамъ его, тотчасъ сказала: „охотно
Всюду пойду, господинъ мой, на что бы меня ни позвалъ ты;
Всею душой я желаю твоимъ покориться велѣньямъ".
Витязь отвѣтилъ на это: „досадно изгнанье мнѣ наше!
Землю родную я часто съ тоской вспоминаю сердечной.
Тайно бѣжать я замыслилъ и скоро ужъ планъ свой исполню.
Это давно вѣдь я могъ совершить и, конечно, съ успѣхомъ,
Если-бъ не грустно мнѣ было одну здѣсь Гильдгунду покинуть".
Дѣва отъ чистаго сердца прибавила голосомъ нѣжнымъ:
„Ваши желанья моими да будутъ, — лишь этимъ горю я желаньемъ.
Пусть господинъ повелитъ мнѣ: несчастье равно какъ и счастье,
Съ полной готовностью встрѣтить съ его я любовью согласна".
Планъ свой тогда излагаетъ Вальтари на ухо Гильдгундѣ:
„Властью тебѣ королевской поручена стража сокровищъ.
То, что тебѣ я скажу, хорошенько отмѣть и запомни:
Прежде всего я хотѣлъ-бы имѣть шлемъ царя и тунику,—
Далѣе, кожаный панцырь тройной, отличаемый мастера знакомъ;
Ящика два небольшихъ сверхъ того ты возьми непремѣнно;
Столько туда положи золотыхъ ты запястьевъ паннонскихъ,
Чтобъ отъ земли до груди одинъ ящикъ едва подняла ты.
Крѣпкихъ дорожныхъ сапогъ ты должна изготовить четыре
Пары, чтобъ мнѣ въ нихъ итти и, себѣ изготовивши столько-жъ,
Оба наполни ты ящика этимъ до самаго верха.
У кузнецовъ раздобудь потихоньку изогнутыхъ крючьевъ:
Пищею нашей дорожною будутъ и рыбы, и птицы.
Рыбу ловить я умѣю и стану въ нуждѣ птицеловомъ.
Сроку недѣлю даю осторожно собрать эти вещи.
Слышала все ты, что нужно имѣть непремѣнно въ дорогу.
Планъ я открою теперь, какимъ образомъ бѣгство предпримемъ.
Послѣ того, какъ семь разъ Феба путь круговой совершится,
Пиръ я веселый устрою, истративши множество злата.
Царь и царица, вельможи, вожди и прислуга здѣсь будутъ.
Всѣхъ опоить постараюсь, насколько умѣнія хватитъ,
Чтобъ никого не осталось, кто-бъ могъ догадаться о дѣлѣ,
Что совершиться должно тутъ. Межъ тѣмъ ты вина пей не много:
Жажду едва только лишь за столомъ утолить постарайся.—
Вотъ, какъ послѣдніе встанутъ, спѣши ты къ извѣстному дѣлу;

http://rcin.org.pl

Но, лишь когда овладѣетъ повальное пьянство ужъ всѣми,
Тотчасъ-же вмѣстѣ бѣжимъ мы, направивши путь свой на западъ“.
Помня, что сказано было, исполнила дѣва. И вотъ ужъ
День наступилъ, предназначенный пиру. Вальтари тутъ лично
Къ пиршеству все приготовилъ, казны издержавши не мало.
Роскошь сама на столахъ возсѣдала, казалось. Въ палату,
Стѣны которой увѣшаны были коврами богато,
Входитъ король,—съ подобающей честью его провожаетъ
Витязь отважный до трона, покрытаго пурпурной тканью,—
Сѣлъ и двоимъ полководцамъ велѣлъ размѣститься съ нимъ рядомъ;
Прочихъ гостей усадилъ по мѣстамъ самъ хозяинъ. Здѣсь разомъ
Гунны за сотней столовъ возлежали, и каждый, отвѣдавъ
Множества яствъ всевозможныхъ, уже обливается потомъ:
Блюда одни уберутъ лишь, подносятся тотчасъ другія;
Пѣнятся рѣдкія вина и паръ поднимается въ воздухъ.
Утварь изъ золота только стояла на скатерти браной;
Чаши полны золотыя виномъ ароматнымъ. Напитки
Видомъ и вкусомъ пріятнымъ манятъ зачерпнуть и отвѣдать.
Всѣхъ угощаетъ Вальтари, вино предлагая и яства.—
Отдыхъ теперь наступилъ послѣ пира. Столы ужъ убрали.
Съ радостнымъ видомъ Вальтари сказалъ, обращаясь къ владыкѣ:
„Васъ я прошу, да сіяетъ намъ царская милость, чтобъ первый
Дали примѣръ вы другимъ веселиться“. И съ рѣчью такою,
Кубокъ ему подаетъ онъ искусной работы чеканной:
Были на немъ по порядку представлены предковъ дѣянья.
Духомъ единымъ Аттила, тотъ кубокъ до дна осушивши,
Тотчасъ велитъ остальнымъ подражать всѣмъ такому примѣру.
Кравчіе быстро бѣгутъ и назадъ возвращаются мигомъ,
Полныя чаши подносятъ, пустыми назадъ принимаютъ.
Просьбы царя и хозяина всѣ исполняютъ усердно.
Пьянство тутъ въ полномъ разгарѣ во всемъ ихъ дворцѣ воцарилось:
Сталъ и языкъ заплетаться у пьяныхъ, утративши рѣчи способность;
Витязей сильныхъ здѣсь можно-бы видѣть, ступавшихъ не твердо.
Такъ затянулъ это пьянство до ночи глубокой Вальтари;

http://rcin.org.pl

Всѣхъ онъ успѣлъ удержать, кто пытался домой возвратиться.—
Сонъ, наконецъ, сталъ клонить опьяненныхъ гостей, и повсюду
Спящіе люди лежать во дворцѣ, на полу распростершись.
Если-бъ тогда захотѣлъ предать пламени замокъ Вальтари,
Гибели общей причину никто объяснить не нашелся-бъ.
Дѣву, любезную сердцу, тогда онъ къ себѣ призываетъ:
Ей повелѣлъ поскорѣе заняться рѣшеннымъ ужъ дѣломъ.
Самъ онъ изъ стойла выводитъ коня—побѣдителя прочихъ.—
Львомъ его назвалъ Вальтари за страшную силу и ловкость.
Конь ужъ стоитъ и грызетъ удила, обливая ихъ пѣной.
Сбрую наборную онъ на коня надѣваетъ, а послѣ
Ящики съ грузомъ сокровищъ съ обоихъ боковъ прикрѣпляетъ;
Также беретъ онъ для долгой дороги немного припасовъ.
Въ правую руку дѣвицѣ влагаетъ поводья Вальтари;
Самъ онъ, гиганту подобный, ужъ панцырь надѣвши, съ султаномъ
Краснымъ изъ перьевъ на голову шлемъ надѣваетъ желѣзный,
Поножи также одѣлъ золотыя на мощныя ноги;
Слѣва онъ привѣсилъ мечъ у бедра двухсторонній,
Справа же сабля была у него, по обычаю гунновъ.
(Это оружье одной стороной лишь ударъ наносило).
Пику взявъ въ правую руку и къ лѣвой свой щитъ прикрѣпивши,
Робко пустился онъ въ путь, ненавистную землю кидая.
Рядомъ коня вела дѣва, несущаго много сокровищъ;
Гибкій держала въ рукахъ она прутъ, на которомъ
Былъ рыболовный привязанъ крючокъ, опускаемый въ воду,
Чтобы голодная рыба глотала его вмѣстѣ съ пищей.
Весь съ головы вѣдь до ногъ былъ оружьемъ Вальтари обвѣшанъ
И нападенія могъ ожидать онъ во время пути постоянно.—
Двигались быстро они по ночамъ; но лишь первые только
Фебъ ярко-красный лучи посылаетъ на землю, тотчасъ-же
Въ лѣсъ они скрыться спѣшатъ или ищутъ тѣнистыхъ убѣжищъ.
Страхъ бѣглецовъ одолѣлъ и въ мѣстахъ безопасныхъ смущалъ ихъ.
Женское сердце настолько встревожено было, что всякій
Шумъ, поднимаемый вѣтромъ, его заставлялъ содрагаться;
Птицы пугали Гильдгунду и шорохъ колеблемыхъ вѣтокъ.
Къ плѣну — ненависть, къ отчизнѣ — любовь бѣглецовъ подгоняли.
Мѣстъ населенныхъ боятся они и полей, гдѣ все видно;

http://rcin.org.pl

Путь свой они пролагаютъ въ лѣсистыхъ горахъ по тропинкамъ,
Вьющимся въ чащѣ, и робко шагаютъ, тропу потерявши.
Жители города спали, виномъ опьяненные крѣпко.
Полдень грядущаго дня всѣхъ засталъ еще въ сонномъ молчаньи.
Вотъ ужъ они поднялись и отыскивать стали Вальтари,
Чтобы излить благодарность ему и почтить похвалою.
Вотъ и Аттила выходитъ изъ спальни; руками больную
Голову обнявъ, къ себѣ призываетъ Вальтари, желая
Скорбію съ нимъ подѣлиться своей отъ попойки вчерашней.
Слуги ему отвѣчаютъ, что всюду искали Вальтари,
Но отыскать все не могутъ. Аттила рѣшаетъ, что витязь
Спитъ до сихъ поръ, растянувшись, вкушая покой безмятежный,
Уголъ сыскавши укромный, чтобъ сна не могли потревожить.
Долго Оспиринъ прождавши, чтобъ платье несла ей Гильдгунда,
Какъ это было обычно,—рѣшила, что нѣтъ ея вовсе;
Громко стеная отъ сильной печали Аттилѣ сказала:
„Проклятъ да будетъ тотъ пиръ, наслаждались которымъ вчера мы!
Гибнетъ, вино, отъ тебя благородное племя паннонцевъ.
То, что предвидя впередъ, я Аттилѣ давно говорила,
Нынѣшній день показалъ, и поправить мы дѣло безсильны.
Рушилась нынѣ основа могучаго вашего царства.
Знайте вы это: такъ сила и громкая слава погибли.
Свѣточъ Панноньи Вальтари отсюда ушелъ, насъ покинувъ.
Вмѣстѣ увелъ онъ Гильдгунду, питомицу мнѣ дорогую“.
Сильно былъ царь огорченъ; онъ исполнился яростью страшной.
Прежнее сердца веселье смѣнилось печалью глубокой;
Царское платье свое разрываетъ отъ плечъ онъ до низу;
Мечется духъ его мрачный, и нѣтъ той печали исхода.
И, какъ песокъ, воздымаемый бурей, проносится вихремъ,
Такъ-же въ душѣ у царя волновался рой мыслей различныхъ.
Много онъ думъ передумалъ; онѣ на лицѣ отражались:
Все выдавалось наружу, что въ сердцѣ его совершалось.
Ярость замкнула уста, и не въ силахъ промолвить онъ слово;
Къ пищѣ, питью тотъ день цѣлый не могъ прикоснуться онъ даже,
Думы при томъ не давали покоя желаннаго тѣлу.
Темная ночь наступила и мглою окутала землю.
Легъ на постель тогда царь, но, по-истинѣ, глазъ не смыкая:
Съ бока на бокъ все ворочался онъ и метался, какъ будто

http://rcin.org.pl

Дротикомъ острымъ насквозь ему сердце пронзили. Не могъ онъ
Мѣста найти головѣ, то туда, то сюда все метаясь,
То вдругъ, вскочивъ какъ безумный, садится на ложе. Все это
Не облегчаетъ страданій. Тогда онъ встаетъ и стремится
Въ городъ; обратно вернувшись, вновь ляжетъ и тотчасъ-же встанетъ.
Такъ ужъ всю ночь напролетъ, не заснувши, проводитъ Аттила.—
Вотъ, между тѣмъ подъ покровомъ ночной тишины подвигаясь,
Вмѣстѣ спѣшатъ бѣглецы ту враждебную землю покинуть.
Только забрежжилось утро, Аттила, собравши старѣйшинъ,
Имъ объявляетъ: „бѣжавшаго кто приведетъ мнѣ Вальтари,
Крѣпко связавши его, какъ негодную, злую собаку,—
Тотчасъ-же золотомъ кованымъ, чистымъ того я одѣну,
Ставши на землю, онъ былъ бы кругомъ весь осыпанъ настолько,
Чтобъ ему путь заградить совершенно казной отовсюду“.
Не было въ цѣлой странѣ той такого вельможи, иль графа,
Иль полководца, солдата-ль простого, слуги или пажа,
Кто, хоть желая свою доказать всѣмъ отвагу и силу,
Также и славу добыть вѣковѣчную подвигомъ храбрымъ,
Вмѣстѣ набить и карманы казной золотой неизсчетной,—
Не было вовсе такого,—кто гнѣвнаго смѣлъ-бы Вальтари
Въ боѣ открытомъ настигнуть, съ мечомъ обнаженнымъ увидѣть:
Храбрость его ужъ извѣстна и знаютъ всѣ, сколько нанесъ онъ
Страшныхъ ударовъ, а самъ безъ царапины вышелъ съ побѣдой.
Царь никого изъ мужей убѣдить былъ не въ силахъ, кто сталъ-бы
Царской награды искать, соблазнившись такимъ обѣщаньемъ.
Бѣглый Вальтари, какъ сказано, путь по ночамъ совершаетъ,
Дни-же проводитъ въ лѣсахъ, иль кустарникѣ, густо заросшемъ;
Птицъ здѣсь ловилъ онъ искусно, приманки устроивши хитро,
То заманивши на клей, то поймавши расколотой вѣткой.
Если дорóгой онъ рѣки встрѣчалъ, что текли извиваясь,
Тотчасъ, крючекъ свой закинувъ въ пучину, имѣлъ ужъ добычу.
Голода муки сумѣлъ избѣжать онъ усердно трудяся,
Все время бѣгства на дѣвичью честь покуситься не вздумалъ
Витязь достойный Вальтари.

http://rcin.org.pl

Ужъ сорокъ разъ ясное солнце
Бѣгъ круговой совершило со дня, когда бѣгство предпринявъ,
Вмѣстѣ съ Гильдгундой Вальтари покинулъ столицу паннонцевъ.
Дня сороковаго вечеръ застигъ ихъ надъ Рейномъ рѣкою.
Бѣгъ та рѣка направляетъ ко славному городу Вормсу,
Гдѣ былъ престолъ королевскій. И здѣсь перевозчику рыбой,
Пойманной прежде, герой заплатилъ вмѣсто денегъ; тотчасъ же
Былъ переправленъ имъ съ дѣвой Вальтари. Отсюда немедля
Дальше онъ шелъ торопливо, хотя утомленъ былъ не мало.
Утромъ, когда появившійся свѣтъ разогналъ тѣни мрачныя ночи,
Вставши отъ сна, перевозчикъ пришелъ въ упомянутый городъ;
Царскому повару,—былъ тотъ, конечно, изъ всѣхъ самымъ главнымъ,—
Снесъ онъ тѣхъ рыбъ, что вчерашній отдалъ ему путникъ, какъ плату.
Поваръ, къ столу приготовивши рыбу со всякой приправой,
Гунтеру подалъ царю. Съ изумленіемъ Гунтеръ замѣтилъ:
„Рыбы подобнаго рода во Франціи видѣть ни разу
Мнѣ не пришлось до сихъ поръ: иноземной ее я считаю.
Мнѣ отвѣчай ты немедля: кто далъ тебѣ рыбу такую?“
Поваръ царю объясняетъ, что рыбу принесъ перевозчикъ;
Царь отдаетъ приказанье представить его для допроса;
Этотъ-же, вскорѣ явившись, царю на вопросъ отвѣчая,
Вотъ что сказалъ, изложивъ по порядку, какъ было все дѣло:
„Вечеромъ прошлымъ я, долго у берега Рейна промѣшкавъ,
Путника видѣлъ, идущаго шагомъ поспѣшнымъ. Казалось,
Будто готовъ постоянно онъ къ бою, одѣтый въ доспѣхи:
Весь онъ закованъ былъ въ мѣдь, достославный король мой, Гунтеръ!
Шелъ со щитомъ на рукѣ и держалъ онъ блестящую пику.
Храбрый, должно быть, и сильный то мужъ и хоть тяжесть большую
Несъ на себѣ, но походкою двигался твердой. И тутъ-же
Дѣва со станомъ прелестнымъ, красы поражавшая блескомъ,
Шла по пятамъ за героемъ; сама-же вела за поводья
Сильную лошадь; довольно большіе два ящика были
Кладью для лошади той и навьючены были на спину.
Только лишь конь тотъ высокую выпрямитъ шею,

http://rcin.org.pl

Иль благородныя ноги согнетъ онъ, всѣмъ тѣломъ сжимаясь,
Въ ящикахъ звонъ раздавался, какъ бы драгоцѣнные камни
Въ нихъ ударялись о злато. Вотъ этотъ-то путникъ
Мнѣ вмѣсто денегъ вотъ этихъ далъ рыбъ, что изволите видѣть".
Гагенъ сидѣлъ за столомъ королевскимъ и только услышалъ
Этотъ разсказъ, какъ отъ сердца воскликнулъ въ восторгѣ:
„Прошу я,
Радость мою раздѣлите, что новость такую услышалъ:
Мой вѣдь товарищъ Вальтари вернулся изъ плѣна у гунновъ!"
Такъ онъ сказалъ, и ему отозвались всѣ въ залѣ тотчасъ-же.
Только лишь Гунтеръ король возражаетъ на это надменно:
„Радость мою раздѣлите, велю я,—что счастья дождался:
Тѣ вѣдь сокровища, что переслалъ ко владыкѣ востока
Гибихъ, теперь Всемогущій въ мои возвращаетъ предѣлы".
Съ рѣчью такою онъ столъ опрокинулъ ногою; вскочивши
Тотчасъ коня привести приказалъ онъ съ сѣдломъ драгоцѣннымъ:
Тутъ-же король выбираетъ двѣнадцать мужей изъ народа,
Самыхъ отборныхъ по силѣ, испытанныхъ въ мужествѣ также.
Съ ними-же вмѣстѣ велѣлъ отправляться и Гагену; этотъ,
Помня о вѣрности прежней и братскомъ союзѣ съ Вальтари,
Сильно старался царя отвратить отъ предпринятыхъ плановъ.
Но, ни на что не взирая, упорствуя, онъ объявляетъ:
„Къ дѣлу немедля, о мужи! И каждый пусть сильное тѣло
Сталью меча опояшетъ, чешуйчатый панцырь надѣнетъ.
Столько сокровищъ, ужели, изъ франкскихъ границъ увезетъ тотъ?"
Царь торопилъ къ выступленью. Оружье свое снарядивши,
Всѣ изъ воротъ выѣзжаютъ, желая Вальтари увидѣть
И, безъ сраженья, мечтая отнять его злато обманомъ.
Гагенъ, однако, старался царя отклонить отъ рѣшенья
Силами всѣми; но взяться за умъ не желаетъ несчастный.
Витязь отважный межъ тѣмъ, отъ рѣки направляясь все дальше,
Прибылъ къ горамъ, что тогда ужъ Вогезами звались.
Обширный
Лѣсъ росъ на нихъ, переполненный звѣремъ, и часто звукъ рога
Въ немъ раздавался, и лаяли громко собаки.—Отдѣльно
Здѣсь поднимались двѣ горныхъ вершины сосѣднихъ
И между ними лежала тутъ съ узкимъ проходомъ пещера.
Но не провалы ее породили, а скалъ разрушенье.
Славное было-бъ гнѣздо для разбойниковъ здѣсь кровожадныхъ.

http://rcin.org.pl

Свѣжая травка для пастьбы обильно росла въ этомъ мѣстѣ.
Уголъ такой увидавши, воскликнулъ тутъ юноша тотчасъ:
„Вотъ мы куда завернемъ, и расправить усталые члены
Будетъ пріятно намъ здѣсь“. Вѣдь покинувъ границы аваровъ,
Иначе сна не вкушалъ, какъ на щитъ оперщися, Вальтари:
Вѣжды едва могъ смыкать онъ и сномъ на минуту забыться.
Вотъ, наконецъ, онъ снимаетъ доспѣхи и голову дѣвѣ
Нѣжно кладетъ на колѣни, сказавши: „Смотри со вниманьемъ!
Если замѣтишь, Гильдгунда, ты черное облако пыли,
Тотчасъ меня ты толчкомъ разбуди осторожнымъ; хотя-бы
Видѣла ты, что толпа приближается даже большая,
Не пробуждай дорогая, меня ото сна слишкомъ быстро;
Издали можешь увидѣть отсюда людей приближенье
И потому постоянно осматривай окрестъ равнину“.
Давъ наставленье такое, сомкнулъ онъ блестящіе очи
И наслаждался покоемъ, котораго жаждалъ давно ужъ.
Гунтеръ, увидя слѣдовъ отпечатокъ на пыльной дорогѣ,
Шпорами острыми началъ коня понуждать ретивóго.
Радость въ душѣ ощущая напрасно, своимъ говоритъ онъ:
„Живо, друзья, торопитесь! Теперь вы его ужъ возьмете:
Рукъ не минуетъ сегодня онъ нашихъ съ похищеннымъ златомъ“.
Но знаменитый мужъ Гагенъ на это ему возражаетъ:
„Выслушай слово мое ты, царей всѣхъ храбрѣйшій! Вѣдь если
Столько-же разъ, сколько я, ты увидѣлъ-бы въ битвѣ Вальтари,
И, какъ онъ, ярости полный, враговъ другъ за другомъ сражаетъ,
Ты никогда-бы не думалъ, что просто его такъ ограбить.
Видѣлъ я войско паннонцевъ, когда велись страшныя войны
Съ сѣверомъ или-же съ югомъ: Вальтари, отвагой блистая,
Всюду врагамъ ненавистный являлся, друзей-же дивиться
Онъ заставлялъ, такъ какъ всякій, кто въ сѣчѣ ему попадался,
Тотчасъ-же видѣлъ тартáръ. И повѣрьте вы мнѣ, очевидцу,
Царь и товарищи—мужи, какъ онъ щитомъ управляетъ,
Сила какая видна въ немъ, когда онъ копьемъ поражаетъ“.
Но, между тѣмъ какъ упрямаго Гунтера Гагенъ напрасно
Дѣло оставить склонялъ, приближались они къ той пещерѣ,
Гдѣ бѣглецы укрывались.
Съ вершины Гильдгунда завидѣвъ
Облако пыли вдали и понявши, что движутся люди,
Легкимъ толчкомъ разбудила Вальтари, а этотъ, тревожно
Голову поднявъ, спросилъ, не подходитъ-ли кто-нибудь. Дѣва

http://rcin.org.pl

Тотчасъ сказала, что всадниковъ скачущихъ видитъ фалангу.
Вскорѣ Вальтари очнулся и, сонные очи протерши,
Оцѣпенѣлые члены одѣлъ постепенно въ желѣзо.
Снова тяжелый свой щитъ и копье подобралъ онъ для боя;
Прыгнувъ, пустое пространство желѣзнымъ копьемъ поражая,
Быстро предъ битвой жестокой военныя дѣлалъ движенья.
Вотъ ужъ вблизи различаетъ Гильдгунда блестящія копья
И, цѣпенѣя отъ страха: „Вотъ гунны предъ нами“,—сказала.
Павши на землю, въ отчаяньи рѣчь произноситъ такую:
„Голову мнѣ отруби, заклинаю тебя, господинъ мой,
Такъ какъ иному супругу живой не отдамся я въ руки,
Если судьбой не дано мнѣ женою твоей стать законной“.
Но, ей на это: „Ужели я кровью могу обагриться невинной?“
Юноша тутъ отвѣчалъ: —„и какъ можетъ случиться, чтобъ мечъ мой,
Только враговъ поражавшій, подруги столь вѣрной коснулся?
Просьбу такую оставь, да и страхъ твой изъ сердца ты выкинь.
Тотъ, кто меня постоянно изъ бѣдъ выводилъ невредимымъ,
Силой своею, я вѣрю, поможетъ враговъ уничтожить“.
Очи поднявши свои, обращается къ дѣвѣ онъ снова:
„Это совсѣмъ не авары, то франки: вѣдь здѣсь Нибелунги,
Жители этой земли“. И на Гагена шлемъ посмотрѣвши,
Тотчасъ прибавилъ со смѣхомъ, узнавши его: „Вотъ и Гагенъ,
Прежній мой другъ и товарищъ старинный, пришелъ со врагами“.
Вышелъ герой тутъ ко входу пещеры и къ дѣвѣ, стоящей
Въ самой ея глубинѣ, обращаетъ слова онъ такія:
„Я передъ этимъ ущельемъ готовъ похвалиться: никто пусть
Изъ непріятелей-франковъ не мыслитъ, что будетъ, вернувшись,
Дома женѣ говорить, какъ изъ этихъ сокровищъ безвредно,
Могъ унести хоть частицу“. И рѣчь не окончивъ, на землю
Палъ онъ, моля о прощеньи, что вырвалось слово такое.
Тотчасъ поднявшись и всѣхъ осмотрѣвъ испытующимъ взглядомъ:
„Я никого не боюсь здѣсь изъ всѣхъ, кого вижу“, сказалъ онъ:
„Кромѣ лишь Гагена: въ войнахъ успѣлъ научиться уверткамъ,
Мнѣ лишь извѣстнымъ; и самъ онъ владѣетъ искусствомъ изрядно.
Если-же, съ помощью Божьей, его превзойти мнѣ удастся,
Выйду тогда я, Гильдгунда желанная, цѣлымъ изъ битвы“.

http://rcin.org.pl

Гагенъ, увидя, что въ сильномъ стоитъ укрѣпленьи Вальтари,
Гордому тотчасъ владыкѣ даетъ наставленье такое:
„О, господинъ, перестань вызывать его къ бою, но прежде
Все пусть послы разузнаютъ: и родъ, и отечество, имя
Этого путника, землю какую онъ кинулъ. Узнать мы
Можемъ тогда изъ отвѣта, не хочетъ-ли мира безъ крови,
Выдавъ сокровище намъ; и вѣдь если въ пещерѣ—Вальтари
Той укрывается, можетъ случиться, —а мужъ онъ разумный,—
Что вашей чести уступитъ онъ, выдавши злато безъ боя“.
Витязю выступить царь повелѣлъ,—Камелонъ его имя;
Былъ онъ правителемъ Меца, назначенный Франціей славной;
Въ Вормсъ къ королю онъ явился съ дарами, какъ разъ накануиѣ
Дня, когда Гунтеръ узналъ о прибытіи Вальтари къ границамъ.
Вотъ Камелонъ, отпустивши поводья, стремительнымъ вихремъ
Перелетаетъ равнину и, къ юношѣ близко подъѣхавъ,
Рѣчь обращаетъ такую: „Скажи намъ, кто ты и откуда
Прибылъ сюда, и куда направляешь ты путь свой“? Отважный
Такъ отвѣчаетъ герой: „Я хотѣлъ-бы узнать по своей ли
Волѣ явился сюда, или посланъ другимъ ты кѣмъ-либо“.
Витязю съ видомъ надменнымъ тогда Камелонъ отвѣчаетъ:
„Знай-же, что Гунтеръ король, повелитель страны, меня выслалъ,
Чтобы, тебя разспросивъ, обо всемъ мы узнали подробно“.—
Этотъ услышавъ отвѣтъ, возражаетъ такъ юноша смѣло:
„Вовсе, признаться, не знаю, какая нужда здѣсь явилась
Путнику дѣлать допросъ; но отвѣтимъ мы вамъ не колеблясь:
Я называюсь Вальтари, а родомъ я изъ Аквитаньи:
Отданъ въ заложники гуннамъ родителемъ былъ еще съ дѣтства.
Тамъ я и жилъ, а теперь ту страну я покинулъ, желая,
Милыхъ увидѣть родныхъ и въ отечество вновь возвратиться“.
Вѣстникъ ему объявилъ: „Господинъ, о которомъ сказалъ я,
Требуетъ выдачи лошади съ кладью, а также дѣвицы.
Если все дашь добровольно, то жизнь онъ даритъ и свободу“.
Смѣло на это ему возражаетъ Вальтари: „Считаю,
Что никогда хитреца разсужденій глупѣй я не слышалъ.
Вотъ, говоришь ты, король, или кто тамъ—не знаю—
То посулилъ мнѣ, чѣмъ онъ не владѣлъ и владѣть вѣдь не будетъ.
Развѣ онъ Богъ, чтобы жизнь даровать мнѣ по праву онъ могъ-бы?

http://rcin.org.pl

Или въ рукахъ у него я? иль держитъ меня онъ въ темницѣ?
Или ужъ руки мои за спиною скрутилъ онъ цѣпями?
Слушай, однако: ужъ если меня онъ безъ битвы отпуститъ,—
Въ чемъ сомнѣваюсь, пришелъ онъ для боя, одѣтый въ желѣзо,—
Краснаго золота сотню запястьевъ ему передамъ я:
Этимъ, какъ путникъ, готовъ еще царское имя уважить“.
Вѣстникъ, такой получивши отвѣтъ и вернувшись обратно,
Всѣмъ остальнымъ сообщаетъ весь ходъ разговора; а Гагенъ
Тутъ-же къ царю обратился: „Прими ты сокровище это:
Можешь вѣдь имъ, о, отецъ, одарить своихъ спутниковъ знатно.
Во́ время ты постарайся не дать завязаться сраженью:
Ты вѣдь не знаешь Вальтари съ его непомѣрною силой.
Вѣщее ночью прошедшей меня посѣтило видѣнье,—
Будетъ оно не къ добру намъ, когда мы сраженье завяжемъ.
Видѣлось мнѣ, что съ медвѣдемъ боролся ты; этотъ-же послѣ
Долгаго боя, зубами кусая колѣно и голень
Вплоть до бедра отхватилъ тебѣ вовсе. Когда-же
Я прибѣжалъ и оружье принесъ, на меня устремившись,
Вырвалъ мнѣ глазъ одинъ вмѣстѣ съ зубами медвѣдь тотъ свирѣпый“.
Выслушавъ это, король восклицаетъ надменный: „Какъ вижу,
Сталъ ты похожъ на отца своего Гагатьена, который,
Мыслью всегда отличаясь трусливой и сердцемъ холоднымъ,
Много любилъ говорить, порицая войну и сраженья“.
Гнѣвомъ великимъ тогда воспылалъ справедливо нашъ витязь,
Хоть не прилично сердиться на старшаго, кто бы онъ ни былъ.
„Въ вашемъ оружьи теперь заключается все“, говоритъ онъ.
„Вотъ передъ вами противникъ и пусть съ нимъ сражается каждый.
Близко стоите къ нему и ужъ страхъ никого не колеблетъ.
Я-же увижу исходъ, но добычей дѣлиться не стану“.
Кончилъ онъ рѣчь и тотчасъ же на холмъ устремился сосѣдній.
Спрыгнувъ съ коня, здѣсь усѣлся и сталъ наблюдать онъ оттуда.
Гунтеръ тогда порученье даетъ Камелону: „поди-ка
И посовѣтуй ему цѣликомъ мнѣ сокровища выдать.
Если онъ въ этомъ замедлитъ,—я знаю, ты храбръ и отваженъ.—
Съ нимъ ты сразись, побѣди и немедля возьми всѣ доспѣхи“.
Вотъ Камелонъ, что изъ Меца, впередъ выступаетъ, сверкавшимъ
Русую голову шлемомъ и панцыремъ грудь защитивши.
Издали онъ закричалъ: „Эй, послушай, дружище! скорѣе

http://rcin.org.pl

Франковъ царю цѣликомъ выдай золото, если ты хочешь
Жизнь и здоровье свои сохранить". Помолчавши немного,
Сильнаго сталъ ожидать приближенья врага этотъ витязь.
Ближе затѣмъ подскакавши, онъ прежнюю рѣчь повторяетъ:
Франковъ царю цѣликомъ выдай злато"! Но юноша твердо
Такъ отвѣчаетъ на это: „Чего-же ты ищешь, однако?
Что возвратить принуждаешь меня ты такъ дерзко и нагло?
Развѣ укралъ я у Гунтера эти сокровища? или
Что нибудь далъ онъ въ награду такое, чтобъ могъ бы по праву
Подать такую заставить меня заплатить здѣсь? и развѣ
Путь свой чрезъ вашу страну пролагая, нанесъ я убытокъ,
Чтобъ справедливымъ казалось, что такъ меня грабить ты хочешь?
Если-жъ ненависть такую ко всѣмъ это племя питаетъ,
Что и на землю ступить никому не позволитъ здѣсь даже, —
Я покупаю дорогу: царю плачу двѣсти запястьевъ,
Миръ мнѣ пусть только онъ дастъ и пропуститъ безъ битвы свободно".
Съ яростью выслушалъ въ сердцѣ герой Камелонъ рѣчь такую.
„Долго еще увеличивать будешь подачку", сказалъ онъ:
„Ящикъ покуда откроешь. Однимъ я скажу тебѣ словомъ:
Или отдашь, что желаемъ, иль кровь изливая погибнешь".
Такъ говоритъ онъ и щитъ на рукѣ укрѣпляетъ трехрядный.
Тотчасъ копьемъ размахнувшись блестящимъ, всѣ силы напрягши,
Въ юношу бросилъ, но этотъ проворно успѣлъ уклониться:
Мимо копье пролетѣло и въ землю вонзилось безвредно.
Тутъ ужъ Вальтари сказалъ: „Если нравится такъ, то начнемъ-же".
Съ рѣчью такою копье онъ бросаетъ, и щитъ Камелона
Съ лѣвой оно стороны пробиваетъ и руку, которой
Выхватить мечъ онъ пытался, пронзило насквозь и воткнулось
Лошади въ спину, бедро пронизавши героя. Мгновенно
Въ бѣшенство конь богатырскій приходитъ, страдая отъ раны:
Сильнымъ хребтомъ потрясая, онъ всадника хочетъ на землю
Сбросить съ себя, но копьемъ пригвожденъ былъ тотъ крѣпко.
Выпустилъ щитъ между тѣмъ Камелонъ и старался, схватившись
Лѣвой рукой за копье, остріе онъ изъ правой исторгнуть.
Витязь прославленный, это увидя, къ нему подбѣгаетъ

http://rcin.org.pl

И, упершися ногою, клинокъ до эфеса вонзаетъ.
Вытащивъ мечъ свой изъ раны, копье тутъ-же разомъ извлекъ онъ.
Въ то-же мгновенье и всадникъ, и конь повалились на землю.
Здѣсь Камелона былъ родичъ, то—сынъ его брата родного,
Звался онъ Кимо, иные же звали его Скарамундомъ.
Этотъ увидѣвъ исходъ, онъ со стономъ, залившись слезами,
Полный печали къ другимъ обращаетъ слова: „О, увы мнѣ!
„Дѣла теченье такое всѣхъ раньше меня здѣсь задѣло:
Нынѣ за милаго друга отмщу я, иль вмѣстѣ погибну!“
Узкій проходъ былъ въ тѣснинахъ, двоимъ лишь сойтись было мѣсто,—
Больше никто ужъ не могъ подойти для защиты другого.
Вотъ Скарамундъ вылетаетъ несчастный, на смерть обреченный,
Дротиковъ парой махая съ широкимъ концомъ изъ желѣза.
Видя, что, словно приросши, безъ всякаго страха на прежнемъ
Мѣстѣ Вальтари стоитъ, онъ скрежещетъ зубами, и шлемомъ
Съ конскимъ хвостомъ потрясая, противнику такъ говоритъ онъ:
„Въ чемъ-же надежда твоя? На кого полагаться ты вздумалъ?
Требую я вѣдь уже не сокровищъ, не прочей добычи—
Въ жизни тобою убитаго родича дашь ты отвѣтъ мнѣ!..“
Витязь на это сказалъ: „Уличенъ если-бъ былъ я, что первый
Бой завязать постарался иль въ чемъ нибудь я провинился,
То справедливо я могъ потерпѣть бы, чтобъ дротикъ твой острый
Тотчасъ пронзилъ-бы меня“. Не окончилъ онъ рѣчи, какъ бросилъ
Дротикъ въ него Скарамундъ, что съ собою принесъ онъ для битвы,
Вслѣдъ-же за нимъ и другой. Уклонился отъ перваго, славный
Витязь; второй-же щитомъ отраженъ былъ горбатымъ. Тогда ужъ
Мечъ Скарамундъ обнаживши свой острый, на юношу прямо
Ринулся съ силой, желая чело раскроить ему сразу.
Но, на конѣ безъ узды слишкомъ близко подъѣхавъ къ Вальтари,
Въ голову раны нанесть онъ не могъ размахнувшись, и только
Въ шлемъ рукоятью меча онъ ударилъ, а шлемъ, отразивши
Этотъ ударъ, зазвенѣлъ, и забрызгали въ воздухѣ искры.
Но не успѣлъ Скарамундъ повернуть разъяренную лошадь,
Какъ вдругъ Вальтари ударомъ копья пронизалъ ему шею.
Тотчасъ, на смерть пораженный, съ высокаго рухнулъ сѣдла онъ.

http://rcin.org.pl

Голову, просьбы отвергнувъ, мечемъ ему рубитъ Вальтари,
Такъ же какъ дядю заставивъ лежать, обливаяся кровью.
Видя погибель его, преисполненный гордости Гунтеръ,
Снова сраженье начать призываетъ друзей раздраженныхъ:
„Станемъ теперь наступать мы и духъ перевесть не позволимъ,
Чтобъ, обезсиленный, онъ утомился, затѣмъ принужденъ былъ
Выдать сокровище намъ и за кровь понести наказанье“.
Третьимъ выходитъ Вургардъ и на битву врага вызываетъ.
Витязь отмѣнно стариннаго рода. Потомкомъ, а также
Былъ твоего онъ искусства любителемъ, мужъ знаменитый,
Па́ндаръ, который, приказъ получивши согласье нарушить,
Нѣкогда первый направилъ стрѣлу въ середину ахеянъ.
Копья Вургардъ презиралъ и принесъ съ собой лукъ свой
съ колчаномъ.
Издали началъ въ Вальтари онъ стрѣлы метать безъ успѣха.—
Этотъ-же бодро держался; закрывшись щитомъ седмирядньмъ,
Ловко сумѣлъ избѣжать онъ ударовъ: смотря на летящія
стрѣлы
Въ сторону то онъ отпрыгнетъ, то щитъ подставляя подъ вѣтеръ,
Стрѣлы разящія имъ отражалъ и всегда такъ успѣшно,
Что ни одна не могла нанести ему раны, коснувшись.
Послѣ того, какъ потомокъ Пандара увидѣлъ, что даромъ,
Стрѣлы свои всѣ растратилъ, онъ въ ярости, мечъ обнаживши,
Слово такое бросаетъ, къ врагу подскакавши поближе:
„Если надъ легкимъ полетомъ стрѣлы ты, хитрецъ, издѣвался,
Можетъ отъ сильной руки ты ударъ ужъ получишь хорошій!“
Такъ отвѣчаетъ ему тутъ со смѣхомъ веселымъ Вальтари:
„Долго довольно вѣдь жду я начать поединокъ серьезный.
Ну, торопись-ка! за мной остановки не будетъ навѣрно“.
Такъ говоря и всѣмъ тѣломъ напрягшись, копье онъ бросаетъ:
Быстро желѣзо несется и лошади въ грудь проникаетъ.
Поднялся конь на дыбы, копытами по воздуху бьетъ онъ:
Всадника сбросивъ съ себя, на него и самъ валится сверху.
Юноша тутъ подбѣжалъ и у павшаго мечъ вырываетъ.
Шлемъ раздробивши ему и схвативши за русыя кудри,
Такъ, лепетавшему просьбы, герой говоритъ безпощадно:
„Прежде слова не такія бросалъ мнѣ въ лицо ты!“ и тутъ-же,
Горло ему разрубивъ, изувѣченнымъ трупъ онъ оставилъ.
Видомъ трехъ труповъ не былъ устрашенъ еще Гунтеръ
безумный

http://rcin.org.pl

Прочимъ велитъ другъ за другомъ итти поскорѣй на погибель.
Вотъ Экеврилъ, изъ Саксоніи родомъ, четвертымъ рѣшился
Счастья въ борьбѣ попытать. За убійство кого-то изъ знатныхъ
Долженъ былъ бѣгствомъ спастися во Францію онъ, какъ изгнанникъ.
Конь его несъ темно-рыжаго въ яблокахъ цвѣта. Увидя
Къ бою готовымъ Вальтари: „Скажи: обладаешь ли тѣломъ,
Онъ говоритъ,—настоящимъ, котораго можно коснуться?
Или же, бѣсъ ты проклятый, обманчивый образъ воздушный?
Кажешься ты мнѣ на фавна похожимъ, лѣсного владыку“.
Громко смѣясь, отвѣчаетъ Вальтари: „Твой выговоръ кельтскій
Выдалъ, что ты происходишь изъ этого племени: больше
Прочихъ природа его надѣлила лукавымъ кривляньемъ.
Но, если ближе придешь и рукою тебя я достану,
Вскорѣ за этимъ саксонцамъ разсказывать будешь, что призракъ
Фавна ты видѣлъ въ Вогезахъ“. — Но тутъ Экевридъ со словами:
„Ну-ка, попробую, что ты на дѣлѣ такое!“ бросаетъ съ усильемъ
Дротикъ съ желѣзнымъ концомъ и привязаннымъ ремнемъ.
Въ крѣпкій ударившись щитъ, онъ сломался. Вальтари немедля
Съ силой бросаетъ копье и врагу отвѣчаетъ: „тебѣ вотъ
Этотъ подарокъ здѣсь фавнъ-лѣсовикъ преподноситъ. Смотри-же,—
Можетъ быть, глубже оружіе наше проникнуть сумѣетъ“.
Щитъ деревянный пробивши, обтянутый кожей бычачьей,
Также и панцырь разсѣкши, копье утвердилося въ легкомъ.
На-земь свалился несчастный и, крови ручьи изливая,
Смерть онъ нашелъ, убѣжать отъ которой стремился. Вальтари
Лошадь его на траву за пещерой отвелъ и вернулся.
Пятымъ бойцомъ Гадавартъ выступаетъ. Съ насмѣшкою, гордый,
Требуетъ щитъ онъ Вальтари у Гунтера. Витязь отважный
Отдалъ копье свое, въ бой отправляясь, товарищамъ, взявши
Мечъ лишь съ собою одинъ, на него полагаясь напрасно.
Видя, что трупы лежащіе всю заградили дорогу
Такъ, что коню перейти невозможно, онъ, спѣшившись, въ бой выступаетъ.
Вотъ ужъ стоитъ при оружьи проворный Вальтари и хвалитъ
Витязя, что для сраженія равные жребьи доставилъ.

http://rcin.org.pl

Но обращаетъ къ нему Гадавартъ свое слово такое:
„О ты, коварная гадина, ловкая въ хитростяхъ всякихъ!
Члены всѣ прятать привыкши свои подъ чешуйчатой броней
И, какъ бы змѣй собираться въ клубочекъ единый, умѣя,—
Столько оружья избѣгнуть успѣлъ ты безъ раны малѣйшей!
Даже и стрѣлъ зачарованныхъ смѣхомъ полетъ ты встрѣчаешь!
Развѣ ужъ ты полагаешь, что хитрость спасетъ отъ удара,
Даннаго съ вѣрнымъ размахомъ десницей, стоящаго близко?
Этотъ не будетъ метать въ тебя стрѣлокъ, что ранить лишь могутъ.
Слушай совѣтъ: разукрашенный щитъ свой отдай мнѣ немедля:
Доля моя въ дѣлежѣ онъ, и царь обѣщанье мнѣ далъ ужъ;
Я не хочу повредить его даже—онъ такъ мнѣ по вкусу пришелся.
Если-бъ случилось иное и жизни меня ты лишилъ-бы,—
Много здѣсь есть вѣдь друзей у меня, также близкихъ по роду:
Выйти свободно тебѣ ужъ они не позволятъ, хотя-бы
Птицѣ подобенъ ты сталъ или крылья себѣ прицѣпилъ-бы“.
Витязь Вальтари, ничуть не смутившись, на это отвѣтилъ:
„Объ остальномъ я молчу, но свой щитъ уберечь позабочусь.
Вѣрь мнѣ, должникъ я его: сослужилъ онъ хорошую службу.
Часто собой онъ меня прикрывалъ, отъ враговъ защищая,
И принималъ тѣ удары, что мнѣ причинили-бы раны.
Самъ-же ты видишь, насколько мнѣ онъ пригодился сегодня:
Если-бъ не щитъ мой, едва-ли съ Вальтари теперь говорилъ ты.
(Тутъ онъ къ себѣ говоритъ:) Изо всей защищайся ты силы,
Чтобы десница врага у тебя не отняла оплота,—
Ручку щита изъ слоновой кости удержать постарайся
Пальцами лѣвой руки ты, словно приклеивъ ихъ крѣпко.
Здѣсь-ли ты сложишь ту ношу, что долгой и трудной дорогой
Несъ изъ высокихъ селеній аваровъ?“ Но врагъ возражаетъ:
„Сдѣлаешь такъ по неволѣ, когда добровольно не хочешь!
Выдашь не только вѣдь щитъ, но и лошадь, дѣвицу и злато
И ужъ тогда за свои преступленія поплатишься мукой!“
Это сказавши, онъ выхватилъ мечъ изъ ноженъ свой надежный.
Вотъ два сошлися героя, рожденные въ странахъ различныхъ.
Въ страхѣ стояли Вогезы при блескѣ оружья ужасномъ.
Сильные духомъ герои въ тяжелыхъ, громадныхъ доспѣхахъ,—
Пылкій Вальтари съ копьемъ и на мечъ его врагъ положившись,—

http://rcin.org.pl

Въ жаркую битву другъ съ другомъ вступили, всѣ силы напрягши.
Шлемы звенѣли и стукъ по щитамъ ихъ казался сильнѣе
Треска, съ какимъ темный рушится дубъ отъ ударовъ сѣкиры.
Франки дивятся, что витязь Вальтари все силъ не утратилъ,
Такъ какъ ему не давали для отдыха даже минуты.
Вормскій горячій боецъ вдругъ стремительно прыгнулъ къ Вальтари,
Мечъ высоко свой занесши, надѣясь сразить безъ препятствій:
Этимъ ударомъ онъ думалъ покончить сраженье, но ловкій
Юноша, пику подставивъ, врага отразилъ наступленье.
И оробѣвшаго мечъ уронить заставляетъ ударомъ.
Издали мечъ заблестѣлъ межъ кустовъ. Гадавартъ-же, увидѣвъ,
Что дорогого меча своего онъ лишился, стремился
Бѣгствомъ спастися, достигнувъ кустарника. Но сынъ Альфера
Быстро за нимъ побѣжалъ и настигъ съ молодою отвагой.
Такъ говоря: „Ты куда убѣгаешь? свой щитъ захвати-ка!“
Тотчасъ копье поднимаетъ двумя онъ руками и сильно
Имъ ударяетъ врага; тотъ свалился, а сверху огромный
Щитъ загремѣлъ при паденьи. Тутъ юноша долго не мѣшкалъ:
Ногу на горло поставивъ, врага онъ къ землѣ пригвождаетъ.
Щитъ пронизавши копьемъ. И закрывши глаза, онъ скончался.
Вышелъ шестымъ Патавридъ. (Появился на свѣтъ онъ, рожденный
Гагена милой сестрою). Увидя, что онъ выступаетъ,
Дядя пытается просьбой его удержать и мольбами,—
Онъ восклицаетъ: „Куда ты стремишься? Взгляни на усмѣшку
Смерти. Оставь! Вотъ послѣднюю парки ужъ нить допрядаютъ.
Мужество, о дорогой мой племянникъ, тебя ослѣпляетъ.
О, перестань! Наконецъ, ты Вальтари и силой не равенъ“.
Но выступаетъ несчастный, совѣты всѣ прочь отвергая:
Въ юношѣ этомъ желанье стяжать похвалу возгорѣлось.
Тяжкій у Гагена вырвался вздохъ изъ груди отъ печали.
Рѣчь произнесъ онъ, истекшую изъ глубины его сердца:
„Міра пучина ты, о ненасытная жажда добычи:
Алчности омутъ и всяческихъ золъ здѣсь причина!
О, если-бъ бездна, разверзшись, со златомъ другія богатства
Разомъ пожрала-бы всѣ, лишь людей безъ вреда отпустивши.
Но ты. по волѣ превратной судьбы, раздуваешь лишь пламя
Въ людяхъ и каждому мало того, что имѣетъ. И вотъ ужъ
Встрѣтиться съ лютою смертью не страшно имъ ради наживы:

http://rcin.org.pl

Жажда стяжанья пылаетъ сильнѣе, чѣмъ больше добыто.
Люди то силой, то кражей чужимъ овладѣть все стремятся
И, хоть стенаетъ ихъ жертва и слезы прольетъ передъ ними,
Небомъ рожденныя души, они отсылаютъ въ геенну.
Вотъ, здѣсь племянника я не могу удержать дорогого,
Такъ ты его разжигаешь, о, лютая алчность! Спѣшитъ ужъ
Онъ, ослѣпленный тобою, отвѣдать ужаснѣйшей смерти
И ради суетной славы вотъ хочетъ спуститься къ тѣнямъ онъ!
Матери что передашь ты погибшій,—увы мнѣ!—племянникъ?
Кто молодую утѣшитъ супругу, о милый, которой
Ты не оставилъ надежды твоимъ любоваться сыночкомъ?
Что за свирѣпость въ тебѣ? и откуда неистовство это?"
Такъ говорилъ онъ и слезы на грудь его брызнули градомъ.
„Ахъ,—произнесъ онъ съ рыданьемъ: навѣки прощай, мой красавецъ!"
Издали, можетъ быть, видѣлъ Вальтари, что грустенъ товарищъ.
Вмѣстѣ и громкія жалобы къ уху его донеслися,—
Къ всаднику, въ бой выступавшему, онъ обращается съ рѣчью:
„Юноша храбрый, прими-же совѣтъ мой: себя сберегая
Лучшимъ воспользуйся въ жизни удѣломъ; теперь перестань-же,—
Пылкое вѣдь упованье на силы тебя обольщаетъ.
Витязей столько убито,—взгляни и оставь поединокъ,
Чтобъ не увидѣлъ ты смерти, а мнѣ-бы враговъ не прибавилъ".
„Что за забота о смерти моей?" Патавридъ отвѣчаетъ:
„Долженъ сражаться ты, а не болтать по пустому, разбойникъ!"
Такъ говоря, онъ бросаетъ въ врага суковатую пику,
Но отразилъ ее витязь копьемъ, отшатнувшись, а пика,
Будучи брошена съ бѣшеной силой и вѣтромъ несома,—
Прямо влетѣла въ пещеру и въ землю вонзилась предъ дѣвой.
Страхъ охватилъ тутъ Гильдгунду и громко она закричала.
Послѣ того, какъ ей мужество въ сердце вернулося снова,
Смотритъ она съ опасеніемъ смутнымъ: герой еще живъ-ли?...
Витязь отважный тогда еще разъ посовѣтовалъ франку
Бой прекратить, но онъ съ яростью, мечъ обнаживъ, устремился
Прямо къ Вальтари и сверху ударить пытался съ размаха.
Но сынъ Альфера, щитомъ потрясая прекраснымъ, безмолвно
Ждалъ, скрежеща лишь зубами, какъ вепрь, испускающій пѣну.
Франкъ-же, стремясь поразить его, сталъ для удара открытымъ.
Витязь Вальтари при этомъ, щитомъ прикрываясь, согнулся,
Тѣломъ своимъ весь собравшись. И вотъ, презирая опасность,

http://rcin.org.pl

Юноша вдругъ неразумный напалъ, и ужъ былъ-бы конецъ тутъ,
Если-бы воинъ искусный Вальтари къ землѣ не склонился.
Быстро согнувши колѣни, оружье щитомъ прикрывая,
Тотчасъ-же витязь поднялся; оправился врагъ въ то-же время.
Щитъ, трепеща, онъ скорѣе къ себѣ прижимаетъ и битву
Вновь завязать попытался, но тщетно: Альферомъ рожденный,
Пику воткнувъ свою въ землю, съ мечемъ нападаетъ мгновенно:
Страшнымъ ударомъ меча половину щита отсѣкаетъ.
Панцырь любимый разсѣкши, ему распоролъ и животъ онъ.
Палъ Патавридъ тутъ несчастный, утробу свою созерцая.
Звѣрю лѣсному онъ тѣло оставилъ, а душу геен1ѣ.
Мстить за него обѣщая, Гервикъ выступаетъ. Приблизясь,
Прямо на рѣзвомъ конѣ онъ летитъ черезъ трупы сраженныхъ,
Такъ какъ они весь проходъ завалили на узкой тропинкѣ.
Вотъ между тѣмъ, какъ Вальтари лежащему голову рубитъ,
Франкъ подскакалъ и топоръ двухсторонній въ лицо ему бросилъ:
Этого рода оружье тогда ужъ у франковъ водилось.
Витязь проворно подставилъ свой щитъ и ударъ обезсилилъ.
Быстро отпрыгнувъ назадъ и схвативъ свою добрую пику,
Мечъ окровавленный бросилъ онъ прочь на роскошную зелень.
Можно тогда было видѣть мужей здѣсь ужасную битву.
Хоть-бы одно проронилъ изъ нихъ кто-нибудь слово, настолько
Заняты были ихъ мысли тогда столкновеньемъ враждебнымъ.
Съ яростью бьется одинъ, ради мести за кровь своихъ близкихъ,
Всѣ напрягаетъ усилья другой для спасенія собственной жизни:
Если-же выпадетъ случай,—стяжаетъ онъ пальму тріумфа.
Тотъ нападаетъ, другой отступилъ, вотъ и самъ поражаетъ ударомъ...
Этотъ теперь отразилъ: сочеталась отвага съ удачей.
Длиннымъ копьемъ защищался Вальтари; оружьемъ короткимъ.
Франкъ обладалъ и коня своего заставлялъ онъ кружиться,
Думая этимъ движеньемъ его утомить и осилить.
Страшнымъ все больше тогда подавляемый гнѣвомъ Вальтари
Нижній конецъ вдругъ щита у Гервика копьемъ отодвинувъ,
Сразу пробилъ ему пахъ, и бедро пронизало желѣзо.
Вотъ, опрокинувшись нá спину, жалобный крикъ издавая.
Землю ногами онъ бьетъ, ужъ охваченный смертной печалью.
Трупъ его также съ разрубленной шеей Вальтари оставилъ.

http://rcin.org.pl

Въ области Вормса обширной при жизни онъ графомъ считался...
Франковъ дружина впервые тогда въ колебанье приходитъ;
Молитъ она господина оставить побоище это.
Но, ослѣпленный, въ неистовствѣ къ нимъ обращаетъ онъ слово:
„Души испытанной вѣрности, витязи, васъ умоляю:
Пусть это дѣло не страхъ, но у каждаго гнѣвъ возбуждаетъ.
Что мнѣ останется, если съ Вогезовъ уйду такъ безславно?
Каждый души пусть моей состоянье представитъ. Теперь ужъ
Раньше готовъ умереть я, чѣмъ послѣ того, что здѣсь было
Въ Вормсъ возвратиться. А этотъ съ побѣдой достигнетъ отчизны,
Капли крови не проливши? Доселѣ стремились вы злато
Взять у него, а теперь пусть горитъ въ васъ желанье расплаты
Здѣсь за пролитую кровь, ибо смерть искупается смертью,
Кровью смывается кровь. Онъ, убійца друзей, да погибнетъ!“
Рѣчью такою безумецъ въ нихъ мужество вновь зажигаетъ
Такъ, что забыть ихъ заставилъ о собственной жизни и благѣ:
Будто-бы взапуски, каждый спѣшитъ ужъ на смерть отправляться.
Но, какъ сказалъ я ужъ выше, тропинка была такой узкой,
Что только двумъ было можно въ кровавомъ сойтись поединкѣ.
Славный герой, замѣшательство видя во вражескомъ станѣ,
Снялъ съ головы своей шлемъ и повѣсилъ на деревѣ ближнемъ;
Воздухъ вдыхая всей грудью, измученный, потъ вытиралъ онъ.
Вдругъ вотъ внезапно Рандольфъ, позади всѣхъ оставивши прочихъ,
Къ витязю дерзко на рословъ конѣ подскакавши, тотчасъ-же
Пику съ желѣзной оковкою въ грудь ему бросилъ подъ сердце.
Если-бы тутъ не мѣшала кольчуга работы Вѣланда,
Былъ-бы насквозь онъ пронизанъ этой пикою крѣпкой Рандольфа.
Страхомъ мгновенно охвачено было тутъ сердце Вальтари,
Но, овладѣвши собою, твердыню щита онъ подставилъ,—
Шлемъ-же схватить и надѣть на себя не успѣлъ онъ.—Однако,
Яростный франкъ, потерявши копье, уже мечъ обнажаетъ
И съ головы аквитанца двѣ пряди волосъ отсѣкаетъ,
Самой-же кожи случайно ему не удáлось затронуть.
Снова, неистовый, сверху наноситъ ударъ онъ, но прямо
Въ щитъ, что Вальтари подставилъ, вонзаетъ клинокъ свой съ размаха

http://rcin.org.pl

Такъ, что, стараясь всей силою, стали ужъ вырвать не могъ онъ.
Быстро тогда, словно молнья, отпрыгнулъ назадъ сынъ Альфера.
Съ силою страшной Рандольфа на землю сваливши; а самъ же
Сталъ на него, наступивши на грудь, со словами: „за то, что
Лысину сдѣлалъ ты мнѣ, головы я тебя тутъ лишаю.
Чтобъ надо мной ты не могъ похваляться предъ милой“. Сказавши.
Франка, молившаго жизнь пощадить, онъ тотчасъ обезглавилъ.
Вышелъ девятымъ Гельмнодъ, для сраженья принесши трезубецъ;
Крѣпко къ нему привязалъ онъ тройную веревку; ее-же
Ставъ позади за Гельмнодомъ союзники также держали.
Было у нихъ рѣшено, чтобы дружно тянуть всѣмъ веревку,
Только лишь въ витязя щитъ острія попадуть и вонзятся
Такъ, хоть чтобъ этимъ сразить разъяреннаго битвой Вальтари:
Вѣрную здѣсь полагали они на побѣду надежду.
Сказано, сдѣлано. Силы собравши, Гельмнодъ съ напряженьемъ
Бросилъ въ врага свой трезубецъ и громко ему закричалъ онъ:
„Въ этомъ желѣзѣ, плѣшивый, конецъ твой!“ Оружье
Воздухъ собой разсѣкало, какъ дротикъ летящій блистая,
Змѣю подобно, который съ высокаго дерева вихремъ
Съ силой слетаетъ такою, что все на пути сокрушаетъ.
Медлю къ чему-жъ я? Трезубецъ Гельмнода, разсѣкши покрышку,
Крѣпко въ щитѣ утвердился. А франки тутъ крикъ поднимаютъ,—
Эхо въ горахъ имъ вторило,—одинъ за другимъ, упираясь,
Разомъ всѣ тянутъ веревку: и даже король, не колеблясь,
Взялся за эту работу. Рѣкою съ нихъ потъ уже льется.
Витязь межъ тѣмъ устоялъ, словно дубъ многолѣтній, который
Къ звѣздамъ вершиной кудрявой стремится настолько-жъ, какъ въ тартаръ
Корни свои простираетъ и, шумныя вѣтровъ усилья
Всѣ презирая, стоитъ неподвижно. Враги-же старались
И ободряли другъ друга, чтобъ, если не смогутъ на землю
Витязя такъ повалить, то хоть щитъ у него имъ отнять-бы:
Щитъ-же отнявши, легко вѣдь живымъ захватить его можно.
Всѣхъ, кто остался въ живыхъ, назову я, тянувшихъ веревку:
Вотъ имена ихъ: Гельмнодъ, по прозванью Елевтеръ, девятымъ

http://rcin.org.pl

Былъ здѣсь бойцомъ по порядку; изъ Страсбурга Трогунтъ—десятымъ:
Дальше скажу о Танастѣ—изъ сильнаго города Шпейра:
Гагена здѣсь исключая, двѣнадцатымъ царь былъ по счету.
Къ цѣли одной здѣсь стремятся, изъ силъ выбиваясь, четыре
Названныхъ выше героя съ ужаснѣйшимъ шумомъ и крикомъ.
Гнѣвъ возбудилъ этотъ трудъ безполезный у сына Альфера.
Снялъ онъ шеломъ еще раньше; оставшись съ главой непокрытой,
Бросилъ онъ щитъ; на копье полагаясь и панцырь лишь крѣпкій.
Разомъ обрушился весь на Елевтра Вальтари. Ударомъ
Шлемъ онъ на немъ раздробляетъ и черепъ, и шею, и даже
Надвое грудь разсѣкаетъ несчастному. Въ то-же мгновенье
Жизненный жаръ покидаетъ его трепетавшее сердце.
Витязь тогда устремился къ Трогунту; а этотъ запутанъ
Былъ въ злополучной веревкѣ.—Смущенный внезапною смертью
Павшаго друга и страшнаго видя врага предъ собою,
Въ бѣгство пуститься пытался напрасно, а также хотѣлъ онъ
Снова оружье собрать, чтобъ опять завязать поединокъ.
(Всѣ за веревку схватившись, щиты побросали и копья).
Но величайшій герой оказался настолько храбрѣе,
Сколько-жъ проворнѣе былъ: за врагомъ побѣжавши вдогонку,
Икры ему онъ мечемъ отсѣкаетъ; когда тотъ замедлилъ,
Щитъ его витязь унесъ, напередъ забѣжавши; Трогунтъ-же
Хоть и страдая отъ раны,—однако, отвагой пылая,
Камень огромный увидѣвъ, схватилъ и бросаетъ внезапно
Прямо въ врага; этотъ камень отъ верха до самаго низа
Щитъ раздробляетъ его, и лишь кожа, которою сверху
Онъ былъ обтянутъ, держала его деревянную крышку.
Тотчасъ-же, ставъ на колѣно, свой мечъ онъ съ травы поднимаетъ:
Въ воздухѣ грозно мечемъ потрясая и ярости полный,
Хоть и не могъ ужъ на дѣлѣ онъ храбрость свою обнаружить,
Все-же лицомъ и осанкой выказывалъ мужество сердца.
Смерти онъ духовъ не видя еще, восклицаетъ отважно:
„Если-бы щитъ у меня былъ, о, если-бы другъ былъ надежный!
Случай тебѣ надо мной далъ побѣду—не славная доблесть.
Если ужъ щитъ ты мой взялъ, то и мечъ отобрать попытайся!"

http://rcin.org.pl

Витязь на это: „Иду ужъ!“ ему отвѣчаетъ со-смѣхомъ.
Быстро къ врагу подбѣжавъ, разъяренному правую руку
Онъ отсѣкаетъ. Съ плеча замахнулся вторично Вальтари,
Чтобъ отворить для упрямой души уже выходъ на волю,
Вдругъ подбѣгаетъ Танастъ, вмѣстѣ съ Гунтеромъ взявшій оружье.
И надъ соратникомъ щитъ простираетъ, ударъ отвращая.
Тутъ на него устремился пылающій гнѣвомъ Вальтари.
Сильнымъ ударомъ ему онъ плечо отдѣлилъ отъ ключицы
Такъ, что мечомъ черезъ бокъ у Танаста онъ внутренность вырвалъ.
Падая, пролепеталъ онъ: „прощай!“—обращаясь къ Трогунту.
Этотъ, по смерти товарища, просьбы презрѣвъ о пощадѣ,
Ѣдкою бранью,—быть можетъ, надежду утративъ, иль можетъ,
Мужествомъ духъ возбужденъ былъ,—зажегъ побѣдителя ярость.
Витязь—„умри!“ говоритъ, „и съ собой это въ адъ захвати-ка!..
Тамъ-же друзьямъ разскажи ты, что знатно за нихъ отомстилъ мнѣ!“
Тутъ—онъ златой удавилъ его гривной, висѣвшей на шеѣ.
Вотъ ужъ сраженные вмѣстѣ друзья всѣ валяются въ прахѣ,
И оскверненную землю ногами лишь бьютъ, умирая.
Это увидя, вздохнулъ и пустился бѣжать изъ всей мочи
Гунтеръ несчастный; на лошадь съ роскошнымъ убранствомъ вскочивши,
Быстро тотчасъ поскакалъ онъ къ печальному Гагену. Тутъ ужъ
Просьбами всякими витязя сильно склонить онъ старался,
Чтобы, отправившись съ нимъ, завязалъ вновь сраженье. Но этотъ
Такъ отвѣчаетъ: „Отцовъ моихъ подлое племя сражаться
Мнѣ запрещаетъ, а хладная кровь отнимаетъ умѣнье.
Безъ содроганья отецъ мой не могъ вѣдь оружія видѣть.
И порицалъ онъ, трусливый, рѣчами обильными битвы.
Это когда говорилъ ты, о царь, средь дружины, конечно,
Помощь моя для тебя была только постыдной и лишней“.
Царь, не смотря на отказъ, настоятельно Гагена проситъ,
Гнѣвнаго все-же стараясь склонить тутъ рѣчами такими:
„Я умоляю тебя, небожителей ради, оставь свою злобу,
Гнѣвъ отложи, что воздвигнутъ виной былъ моею. Ужъ если
Я по добру-по здорову домой возвращусь съ тобою,—
Эту вину искупить постараюсь дарами большими.

http://rcin.org.pl

Развѣ не стыдно тебѣ отвернуться, когда ужъ убито
Столько родныхъ и друзей тутъ? Какъ вижу я, душу
Можно скорѣе затронуть словами, чѣмъ гнуснымъ поступкомъ.
Съ бóльшимъ-же правомъ на злого убійцу, который сегодня
Міра главу обезславилъ одинъ, ты разгнѣваться могъ-бы!
Витязей гибель столькихъ вѣдь уронъ нанесла намъ не малый:
Франція, знай, никогда не потерпитъ такого безчестья!
Всѣ, надъ кѣмъ мы возвышались доселѣ, злорадно воскликнуть:
Франковъ вотъ цѣлое войско какимъ-то однимъ проходимцемъ
Было избито, а онъ не наказанъ—позоръ небывалый!“
Гагенъ еще колебался и думалъ онъ много о клятвѣ,
Въ вѣрности, данной Вальтари; себѣ по порядку представилъ
Въ мысляхъ онъ все, что случилось, а также исходъ тѣхъ событій. –
Но неотступно его умоляетъ король несчастливый....
Тронутъ былъ Гагенъ тогда униженною Гунтера просьбой:
Онъ покраснѣлъ отъ стыда,—прояснилось лицо господина,
Къ чести то витязя было: она-бъ омрачилась, конечно,
Если-бъ себя пощадилъ онъ въ такомъ положеніи трудномъ.
Всталъ, наконецъ, онъ и голосомъ твердымъ царю отвѣчаетъ:
„О, повелитель! куда ты меня призываешь? куда-же
Слѣдовать мнѣ за тобою, о славный владыка? Надежда
То обѣщаетъ вѣдь сердцу, чему невозможно случиться:
Кто и когда безразсуденъ настолько, что прыгнетъ нарочно
Въ пропасть отверстую? Знаю, Вальтари столь въ битвѣ ужасенъ,
Что въ укрѣпленіи этомъ равно не боится толпы онъ,
Какъ одного человѣка. И если-бъ все пѣшее съ коннымъ
Выслала Франція войско, то съ нимъ онъ бы сдѣлалъ, что съ тѣми.
Но, разъ я вижу, что ты огорчаешься больше позоромъ,
Нежели смерти добычей и такъ ты уйти не согласенъ.—
Горе твое раздѣляю. Печаль принося свою въ жертву
Чести царя, я къ успѣху найти попытаюсь дорогу.
Явится намъ-же она, наконецъ, иль найдемъ ее сами.
Ради племянника мнѣ дорого, сознаюсь, владыка,
Я-бъ не нарушилъ законовъ обѣщанной вѣрности клятвой,
Но за тебя, о король, я подвергнусь опасности явной:
Знаешь вѣдь ты хорошо, что отъ битвы я здѣсь уклонялся.
Должно теперь отойти намъ, открывъ ему путь въ выступленью;
Скроемся сами въ ущельяхъ, покормимъ коней нашихъ пашней,

http://rcin.org.pl

Лагерь пока не оставитъ онъ тѣсный спокойно, надѣясь
На отступленіе наше. И только въ открытое поле
Выйдетъ онъ,— снявшись, ударимъ мы съ тыла нежданно:
Такъ только можемъ дождаться плода мы отъ доблести нашей:
Въ этомъ вѣрнѣйшая наша надежда въ сомнительномъ дѣлѣ.
Будешь сражаться и ты, если мужество въ сердцѣ имѣешь.
Онъ никогда, хоть насъ двое, конечно, бѣжать ужъ не станетъ,
Такъ что должны непремѣнно бѣжать мы, иль храбро сражаться".

Планъ этотъ царь одобряетъ и Гагена, обнявъ, цѣлуетъ,
Чтобы задобрить его, а затѣмъ удаляются оба.
Выбравши мѣсто, вполнѣ для засады пригодное, тутъ-же
Сѣли они, отпустивши коней на зеленую травку.—

Фебъ между тѣмъ обращается къ западнымъ странамъ, прощальнымъ
Свѣтомъ своимъ озаряя Исландіи берегъ знакомый
И позади ужъ оставивъ предѣлы Ибéровъ и Скоттовъ.
Вотъ, когда, капля за каплей, согрѣлъ онъ волну Океана
И къ авзонійскимъ землямъ обратила луна свои рожки,—
Сталъ про себя размышлять разсудительный витязь, сидѣть-ли
Въ лагерѣ крѣпкомъ ему при спокойствіи полномъ, иль дальше
Двинуться въ путь по пустыннымъ полямъ и долинамъ широкимъ.
Думъ безконечный потокъ волновался въ душѣ его; зрѣло
Взвѣсивши все, разсуждалъ онъ, какъ лучше всего поступить здѣсь.
Гагенъ ему подозрѣнье внушавшимъ казался и это лобзанье,
Что наградилъ его царь, обнимая. Не могъ онъ придставить,
Что замышляютъ враги, какъ задумали планъ нападенья:
Въ городъ вернуться-ль оставленный, чтобы, тамъ за ночь собравши
Больше дружины, быть утромъ опять на-готовѣ и снова
Бой завязать здѣсь безчестный,—иль, можетъ, вдвоемъ лишь оставшись,
Сѣли въ засаду они и укрылись по близости хитро?
Путь черезъ лѣсъ незнакомый въ тропахъ перекрестныхъ казался
Страшнымъ: наткнуться онъ могъ на опасное мѣсто, въ терновникъ,
Также на дикаго звѣря, и тамъ потерять могъ невѣсту.
Все это такъ разобравъ и обдумавъ, герой произноситъ:

http://rcin.org.pl

„Ну, какъ бы ни было дѣло, я здѣсь отдохну, пока небо,
Путь совершивъ круговой, не вернетъ намъ любезнаго свѣта.
Пусть-же не скажетъ спесивый король, что, какъ воръ-де,
Ночью, ударившись въ бѣгство, отчизны границъ я достигнулъ“.
Такъ порѣшивши, со всѣхъ онъ боковъ укрѣпляетъ оградой
Узкій проходъ, нарубивши колючаго терна съ шипами.
Къ трупамъ затѣмъ обратившись со вздохомъ тяжелымъ, немедля
Къ каждому тѣлу его-же онъ голову къ шеѣ приставилъ;
Самъ на колѣняхъ, къ востоку лицомъ, и впередъ протянувши
Руку съ мечемъ обнаженнымъ, молился такими словами:
„Міра зиждителю, кто управляетъ на свѣтѣ всѣмъ сущимъ,
Безъ попущенья чьего или воли ничто не бываетъ,
Я возношу благодарность за то, что отъ злого оружья
Стан враговъ и безчестія также меня оградилъ онъ.
Но съ сокрушеннымъ я сердцемъ прошу милосерднаго Бога,
Такъ какъ не грѣшныхъ людей, но грѣхи истребить онъ желаетъ.
Чтобы мнѣ этихъ позволилъ увидѣть въ селеньяхъ небесныхъ“.
Кончивъ молиться и вставши, немедля въ кружокъ онъ поставилъ
Шесть лошадей и связалъ ихъ бечевкой, сплетенной изъ прутьевъ.
(Только ихъ шесть и осталось: двѣ копьями были убиты,
Трехъ увелъ Гунтеръ съ собою). Устроивъ все это,
Латы съ себя и доспѣхи снимаетъ Вальтари: горячіе члены
Этимъ весьма облегчилъ онъ отъ тяжести страшной.
Словомъ веселымъ тогда ободривши печальную дѣву,
Принялся тотчасъ онъ ѣсть, подкрѣпляя усталое тѣло:
Былъ утомленъ онъ сраженьемъ. И вотъ, на щитѣ растянувшись,
Стражемъ быть перваго сна поручаетъ онъ дѣвѣ, а самъ-же
Взялъ на себя караулить отъ ранняго утра, считая
Время опаснѣе это. Тогда, наконецъ, онъ заснулъ ужъ.
У головы его сидя, она караулила крѣпко,
Пѣньемъ стараясь дремоту прогнать, что смыкала ей очи.—
Только лишь витязь проснулся и, сонъ отряхнувши, поднялся,
Тотчасъ Гильдгундѣ велитъ онъ ложиться на отдыхъ и тутъ-же
Самъ, опершись на высокую пику, и бодрый и сильный,
Такъ и провелъ остальную часть ночи; обходъ совершая,

http://rcin.org.pl

То къ лошадямъ подойдетъ онъ, то къ валу; свой слухъ напрягая.
Свѣта и солнца сіянья желалъ для земли онъ возврата.
Ясный Люциферъ межъ тѣмъ на Олимпъ поднимался блестящій;
Островъ на крайнемъ востокѣ увидѣлъ ужъ свѣтлое солнце:
Часъ былъ, когда орошаетъ холодная землю денница.
Юный Вальтари тогда обратился къ убитымъ, желая
Снять съ нихъ доспѣхи, а также уборы; оставивъ лишь платье,
Взявъ медальоны, браслеты, мечи съ поясами и шлемы.
Панцыри тоже съ нихъ снявъ, четырехъ лошадей онъ навьючилъ
Этимъ добромъ, а затѣмъ, подозвавши невѣсту, на лошадь
(Пятую счетомъ) ее посадилъ и вскочилъ на шестую.
Изгородь тутъ разобравши, онъ первый ее переѣхалъ
И, подвигаясь по узкой тропинкѣ въ ущельи, вокругъ онъ
Зоркіе взоры бросалъ, наблюдая внимательно мѣстность.
Уши свои навострилъ онъ по вѣтру, нельзя-ли услышать
Чей-нибудь шепотъ вдали, иль, быть можетъ, шаговъ приближенье,
Или бряцанье уздечекъ у всадниковъ гордыхъ, а также
Звука отъ кованыхъ ногъ лошадиныхъ ужъ нѣтъ-ли. Когда-же
Онъ убѣдился, что тихо кругомъ, то впередъ посылаетъ
Вьюки несущихъ коней, поручивъ наблюденье Гильдгундѣ;
Самъ-же коня своего, что несъ ящики, велъ онъ.—И такъ вотъ
Путь свой начать онъ рѣшился, одѣтый въ доспѣхи, съ оружьемъ.
Тысячу, можетъ, шаговъ онъ проѣхалъ, какъ вдругъ тутъ Гильдгунда,
Слабый вѣдь полъ ея душу заставилъ тревожиться страхомъ,
Взоръ обративши назадъ, увидала, что два человѣка
Быстро спускаются съ холма и мчатся впередъ что есть мочи.
Витязю,—онъ позади былъ,—она, поблѣднѣвъ, закричала:
„Вотъ нашъ конецъ ужъ пришелъ: убѣгай, господинъ,—они близко!“
Онъ, обернувшись, взглянулъ и, узнавъ ихъ, тотчасъ-же сказалъ ей:
„Руки мои знать напрасно столь многихъ враговъ сокрушили,
Если съ послѣдними только не будетъ мнѣ славы,—позоръ лишь.
Смерти искать подъ ударами лучше прекрасной, конечно,

http://rcin.org.pl

Чѣмъ, потерявъ все свое, ускользнуть самому и скрываться.
Вѣрно тому не настолько отчаяться можно въ спасеньи,
Кто ужъ и прежде видалъ вѣдь опасности, этихъ страшнѣе.
Льва, нагруженнаго златомъ возьми подъ уздцы ты спокойно
И поскорѣй отправляйся, чтобъ скрыться тамъ, въ рощѣ сосѣдней.
Я-жь у подошвы горы предпочту оставаться и ждать тутъ
Этихъ событій исхода, привѣтствовавъ славно пришельцевъ“.
Было исполнено знатною дѣвою то приказанье.
Щитъ свой прижавши, Вальтари копьемъ потрясаетъ, желая
Лошади нравъ неизвѣстной узнать подъ оружьемъ для боя.
Гунтеръ безумный со спутникомъ вмѣстѣ къ нему приближаясь,
Издали, слишкомъ кичливо съ такой обращается рѣчью:
„Врагъ безпощадный, презрѣвшій всѣ наши усилья! Отсюда
Та далеко вѣдь нора, изъ которой, подобно собакѣ
Бѣшеной, лаять привыкъ ты, со скрежетомъ зубы оскаливъ.
Ну-ка, въ открытое поле не хочешь-ли выйти сразиться,
Чтобъ попытать, не сравняется-ль, можетъ, конецъ ужъ съ началомъ.
Знаю вѣдь я, что удачу своимъ батракомъ ты считаешь
Вотъ почему презираешь и бѣгство, равно какъ и сдачу“.
Слóва на это царю не отвѣтилъ наслѣдникъ Альфера,
Будто оглохъ тутъ на мѣстѣ; къ другому онъ рѣчь обращаетъ:
„Гагенъ! Съ тобой говорить я хочу, подожди-ка немного.
Что измѣнило столь быстро мнѣ вѣрнаго друга, который
Такъ вѣдь недавно едва могъ, казалось, со мною разстаться,
Нѣжно меня обнимая предъ бѣгствомъ,—скажи мнѣ,—теперь вотъ
Онъ-же оружьемъ грозитъ, хоть ничѣмъ я его не обидѣлъ?
Думалось мнѣ,—признаюсь я тебѣ, но, увы, обманулся,—
Что, лишь узнавъ о моемъ возвращеньи изъ плѣна, поспѣшно
Выйдешь на встрѣчу ты мнѣ и раскроешь объятья и даже
Станешь просить погостить, и, доставивши отдыхъ пріятный,
Честно прикажешь меня проводить до отцовскаго царства.
Много раздумывалъ я: принимать-ли такія услуги?
Въ странахъ чужихъ пролагая свой путь, говорилъ я: изъ франковъ
Я не боюсь никого, ибо Гагенъ защитникомъ будетъ!
Гагенъ! опомнись, тебя заклинаю я дружбою дѣтства,
Памятью лѣтъ этихъ юныхъ, когда мы согласно и дружно

http://rcin.org.pl

Въ играхъ и дѣтскихъ забавахъ досуги свои проводили!
Гдѣ-же дѣвалось согласье то славное наше, съ которымъ
Дружба была неразрывной и въ битвахъ, и въ жизни домашней?
Видъ твой мнѣ даже съ отцомъ облегчалъ вѣдь разлуку,—
Вмѣстѣ съ тобой находясь, забывалъ я о родинѣ милой.
Гагенъ! зачѣмъ разрываешь ты дружбу, столь крѣпкую долго?
Я умоляю пресѣчь это зло: не завязывай боя—
Вѣчно да будетъ союзъ нашъ съ тобой нерушимымъ.
Если согласенъ на это, уйдешь ты отсюда богатымъ:
Щедро тебя одарю я и золотомъ щитъ твой наполню".
Съ мрачнымъ лица выраженіемъ рѣчью такою на это
Гагенъ отвѣтилъ, и гнѣвъ его рвался наружу: „Вальтари!
Силу испробуй сначала, потомъ уже будешь мудрить ты!
Ты у меня на глазахъ, ты вѣдь первый, согласье разрушилъ,
Столько товарищей здѣсь уложивъ и родныхъ моихъ близкихъ.
Нѣтъ для тебя оправданья, что, дескать, не зналъ ты, что здѣсь я:
Если лицо было скрыто, знакомые видѣлъ ты латы.
Также, однако, легко могъ узнать ты меня и по виду;
Впрочемъ, я все-бы оставилъ, когда-бъ не одно мое горе:
Мнѣ дорогой чрезвычайно, прелестный цвѣтокъ златоцвѣтный,
Нѣжный, безцѣнный, скосилъ ты мечомъ твоимъ острымъ.
Вотъ почему за союзъ никакихъ не возьму я сокровищъ.
Ты-ли одинъ лишь отваженъ въ сраженьи, узнать я желаю
И расквитаться съ тобой за убійство племянника жажду.
Вотъ иль умру я сейчасъ, или нѣчто свершу, что достойно
Памяти будетъ въ грядущемъ".
Сказавши, онъ съ лошади спрыгнулъ.
Также и Гунгеръ; не менѣе ловко то сдѣлалъ Вальтари.
Вотъ всѣ готовы для пѣшаго боя. Стоитъ уже каждый
Зорко себя ограждая отъ быстрыхъ какъ вѣтеръ ударовъ.
Бьются сердца за щитами, пылая воинственнымъ жаромъ.
Часъ ужъ второй наступилъ, когда трое героевъ сошлися.
Противъ врага одного тутъ оружье двоихъ сочеталось.
Силы собравши, вотъ Гагенъ копье вредоносное бросилъ.
Первый, и миръ былъ расторгнутъ. Тогда сынъ Альфера, увидя,
Что устоять онъ не сможетъ,—съ такой быстротою и свистомъ
Страшнымъ копье то летѣло,—сумѣлъ увернуться искусно,
Выпуклый щитъ свой подставивъ; копье, до него долетѣвши,
Будто-бы мраморомъ гладкимъ—щитомъ тутъ отброшено было,
Съ силой ударилось въ гору, и въ землю глубоко вонзилось.

http://rcin.org.pl

Тотчасъ съ отвагой великою въ сердцѣ, но съ малою силой,
Гунтеръ кичливый бросаетъ изъ ясеня сдѣланный дротикъ.
Въ щитъ онъ Вальтари воткнулся у нижняго края, но этотъ
Сильно щитомъ потрясая, изъ дерева выпасть принудилъ
Слабо сидѣвшее въ щели желѣзо. Печальные франки,
Съ сердцемъ смущеннымъ такою примѣтой, мечи обнажаютъ,—
Въ гнѣвъ ихъ печаль обратилась,—и тотчасъ, закрывшись щитами,
Взапуски на аквитанца напасть они оба стремятся.
Мощный, однако, боецъ отражалъ ихъ копьемъ своимъ крѣпкимъ,
Грознымъ лицомъ и оружіемъ въ страхъ приводя нападавшихъ.
Гунтеръ тогда затѣваетъ одно безразсудное дѣло:
Хочетъ поднять воровски, незамѣтно подкравшись, копье онъ,
Что было брошено раньше и на-земь упало,—теперь-же
Передъ ногами героя отдѣльно безъ пользы валялось.
Дѣло вѣдь въ томъ, что они не могли приближаться къ Вальтари
Только съ мечами въ рукахъ, какъ съ оружіемъ слишкомъ короткимъ;
Этотъ-же издали могъ поражать ихъ, копьемъ управляя.
Глазомъ моргнувши, царь знакъ подаетъ къ наступленью вассалу,
Чтобъ подъ защитой его это дѣло удáлось исполнить.
Гагенъ, немедля впередъ выступая, врага вызываетъ;
Царь же влагаетъ въ ножны изукрашенный мечъ свой, надѣясь
Правой рукою свободной ту кражу свершить безопасно.
Что-же случилось? Онъ руку къ копью протянулъ, наклонившись,
И ужъ рукой ухвативши, почти его поднялъ, желая
Лучшей удачи; однако, Вальтари, боецъ знаменитый,
Въ битвѣ всегда успѣвалъ все отлично предвидѣть: быстрѣе,
Нежели часа одно протекаетъ мгновенье, замѣтивъ,
Что наклонился ужъ Гунтеръ, не могъ онъ снести, чтобъ случилось,
Дѣло такое; и Гагена вдругъ отразивъ нападенье,
Даже заставивъ его отступить, чтобъ избѣгнуть удара,—
Прыгнулъ стремительно онъ, на копье наступивши ногою.
Тутъ на царя, что съ поличнымъ былъ пойманъ, онъ такъ напустился,
Что у того подъ ударомъ копья подогнулись колѣни.

http://rcin.org.pl

Тотчасъ Вальтари предалъ-бы его вѣчно-жаждущей смерти,
Если-бъ не подалъ поспѣшно тутъ помощи Гагенъ отважный
И не прикрылъ господина, подставивши щитъ свой; врагу-же
Прямо въ лицо онъ направилъ меча конецъ грознаго острый.
Вотъ, пока витязь ударъ отражалъ, подпимается Гунтеръ;
Въ страхѣ стоитъ онъ дрожащій, едва лишь избѣгнувши смерти.
Тотчасъ безъ отдыха сѣча опять начинается злая:
То вотъ одинъ за другимъ, то вдвоемъ вдругъ они нападаютъ;
И лишь съ однимъ наступавшимъ врагомъ онъ столкнется отважный,
Тутъ ужъ съ другой стороны подбѣгаетъ второй и ударъ отражаетъ.
Такъ-же медвѣдь нумидійскій,—когда онъ охотой застигнутъ
И окруженъ ужъ собаками,—грозно стоитъ ощетинясь,
Голову съ тихимъ ворчаньемъ пригнувши. И только охотникъ
Ближе къ нему подойдетъ, какъ ужъ стонетъ въ объятіяхъ страшныхъ.
Близко кругомъ тогда скачутъ и бѣшенно лаютъ собаки,
Но запрещаетъ имъ страхъ подойти къ разъяренному звѣрю.
Длилось сраженіе такъ до девятаго часа. Здѣсь разомъ
Витязей три донимали напасти: боязнь передъ смертью,
Трудность жестокаго боя и жаръ отъ палящаго солнца.
Вотъ между тѣмъ вспало нѣчто на умъ тутъ Вальтари, который
Въ сердцѣ своемъ подавляетъ молчаньемъ сужденье такое:
„Если пути своего здѣсь судьба не измѣнитъ, то эти
Скоро поддѣнутъ меня, утомивши игрою безплодной“.
Тотчасъ, возвысивши голосъ, онъ къ Гагену рѣчь обращаетъ:
„Эй ты, репейникъ зеленый! умѣешь ты ловко колоться.
Прыгая, хочешь меня одурачить ты хитрою штукой,
Но уже стану на мѣстѣ, чтобъ ты подошелъ не промѣшкавъ.
Вотъ гдѣ свои покажи,—вѣдь я знаю,—великія силы:
Мнѣ надоѣло ужъ тратить здѣсь столько трудовъ безполезно“.
Это сказавши и прыгнувъ, копье онъ въ него вдругъ бросаетъ.
Щитъ пронизавши, и въ немъ оставаясь, копье то пробило
Панцырь насквозь, и слегка оцарапало мощное тѣло:
Онъ вѣдь блисталъ, весь одѣтый въ доспѣхи отмѣнныхъ достоинствъ.
Витязь Вальтари, метнувши копье, тутъ бѣгомъ устремился
Прямо къ царю и напалъ вдругъ съ мечемъ обнаженнымъ отважно.
Съ правой тогда стороны онъ у Гунтера щитъ разрубаетъ

http://rcin.org.pl

И съ удивительной силой наноситъ ударъ: имъ колѣно и голень
Вплоть до бедра онъ царю отхватилъ совершенно. И тотчасъ
Гунтеръ свалился на щитъ предъ стопами Вальтари. Когда-же
Палъ господинъ, какъ мертвецъ поблѣднѣлъ его храбрый защитникъ.
Вновь мечъ кровавый заноситъ Альферомъ рожденный, пылая
Жаждой его поразить ужъ смертельнымъ ударомъ, но Гагенъ
Вовсе презрѣвши опасность, ему угрожавшую смертью,
Гордую голову самъ подъ ударъ подставляетъ, нагнувшись.
Тутъ ужъ не могъ удержать занесенную руку Вальтари;
Принялъ, однако, ударъ шеломъ Гагена, кованый долго
И закаленный на-диво: онъ искрами въ воздухѣ брызнулъ,—
Мечъ-же, твердыней его сокрушенный, со звономъ распался.
Въ воздухѣ и на травѣ ужъ сверкаютъ обломки. О, горе!
Былъ раздосадованъ крѣпко воитель, увидя остатки
Сломанной стали; неистовый, страшнымъ исполнившись гнѣвомъ,
Онъ, не владѣя собою, отбросилъ тутъ прочь рукоятку,—
Что безъ клинка оставалась, хоть славной отдѣлкой блистала
И благороднымъ металломъ,—печальную память презрѣвши.
Только поднялъ лишь случайно онъ правую руку высо́ко,
Гагенъ ей кисть отсѣкаетъ, счастливый, что ранить удалось.
Сильная вотъ уже лежитъ между ними десница, что прежде
Страхъ наводила на много племенъ и народовъ надменныхъ,
Также и славой блистала побѣдъ и трофеевъ безсчетныхъ.
Витязь отваги отмѣнной, легко отступать не привыкшій,
Твердостью духа успѣвши страданія тѣла осилить,
Не потерялся; и даже лица не скрививши отъ боли,
Щитъ надѣваетъ тогда онъ на руку съ зіявшею раной;
Быстро затѣмъ ужъ здоровой рукою вдругъ выхвативъ саблю,
Что опоясанъ былъ справа (о ней упомянуто выше),—
Тутъ-же за рану врагу отплатилъ онъ жестокою местью:
Въ бѣшенствѣ Гагену правый онъ саблею глазъ вышибаетъ,
Также и челюсть разсѣкши, и губы ему раскроивши,
Разомъ врагу изо рта шесть зубовъ боковыхъ выбиваетъ.
Подвигомъ этимъ покончено было сраженье. Рѣшаетъ
Каждый, больной и усталый, ужъ раной заняться своею,
Также сложить и доспѣхи. Ушелъ-ли отсюда кто цѣлымъ?
Витязей двое могучихъ,—настолько-же равные мощью,
Сколько и пылкостью духа,—въ грозѣ боевой выступали.

http://rcin.org.pl

Вотъ и конецъ наступилъ, но слѣды оставались отъ боя:
Тамъ и нога короля, и Вальтари рука вѣдь лежала,
Также трепещущій гагеновъ глазъ находился здѣсь рядомъ.
Такъ-то они подѣлили аваровъ запястья златыя!
Двое сидѣли еще, но лежалъ уже третій—безногій;
Льющейся крови потоки они унимали травою.
Громко межъ тѣмъ призываетъ тутъ робкую дѣву Вальтари.
Тотчасъ она, подойдя, наложила повязки на раны.
Съ этимъ покончивши, такъ отдаетъ ей женихъ приказанье:
„Дай-ка скорѣе вина! поднеси-же ты Гагену прежде:
Добрый онъ воинъ, когда сохраняетъ такъ вѣрности клятву;
Далѣе мнѣ поднеси, ибо мнѣ больше всѣхъ здѣсь досталось;
Гунтеръ-же пьетъ пусть послѣднимъ,—хочу такъ,—за то, что онъ вялымъ
Былъ средь ужаснаго боя героевъ и въ марсовомъ дѣлѣ
Велъ себя слишкомъ трусливо, при томъ оказался безсильнымъ“.
Все, какъ приказано было, тутъ Геррика дочь исполняетъ.
Франкъ-же, хоть мучился жаждой,—но только вино получилъ онъ
„Прежде“,—сказалъ,—„поднеси жениху твоему и владыкѣ,
Сыну Альфера, о, дѣва! Признáюсь, меня онъ храбрѣе,
Даже не только меня, но и всѣхъ превосходитъ отвагой“.
Тутъ-же боецъ аквитанскій и Гагенъ суровый, герои
Непобѣдимые духомъ, но тѣломъ усталые сильно,
Послѣ всѣхъ ужасовъ битвы и смертью грозящихъ ударовъ,
Въ шутку веселый ведутъ поединокъ словесный за чашей.
Франкъ говоритъ: „съ этихъ поръ за оленями станешь гоняться,
Чтобъ изъ ихъ кожи надѣлать перчатокъ безъ счета, дружище!
Но, я совѣтую, правую мягкимъ ты пухомъ наполни,
Такъ, чтобъ хоть видомъ руки ты незнающихъ могъ одурачить.
Ба! Но что скажешь, когда ты обычай народа всеобщій
Явно нарушишь и мечъ свой на правомъ бедрѣ ужъ привѣсишь,
Или супругу свою,—если надобность въ этомъ случится,—
Лѣвой рукой обоймешь, исказивъ до смѣшного объятья?
Что-же молчу? Вотъ теперь, если что-нибудь сдѣлать придется,
Лѣвая трудится пусть“.—Возражаетъ на это Вальтари:
„Франкъ одноглазый! зачѣмъ ты городишь все это безъ толку?
Если ужъ стану охотиться я на оленей, то будешь

http://rcin.org.pl

Ты избѣгать вѣдь кабаньяго мяса. Теперь навсегда ужъ
Страннымъ покажешься ты приближеннымъ, привѣтствуя толпы
Витязей славныхъ со взоромъ, на бокъ обращеннымъ. Но, помня,
Прежнюю дружбу межъ нами, тебѣ посовѣтую дѣло:
Если когда-либо будешь въ отчизнѣ и явишься въ домъ свой,
Жирную дѣлай себѣ изъ пшена съ молокомъ ты похлебку:
Будетъ тебѣ это пищей служить и лѣченіемъ разомъ“.
Такъ говоря, они вновь заключили союзъ дружбы прежней.
Поднявши царя, удрученнаго болью, на лошадь
Витязи вмѣстѣ его примостили и такъ разошлися:
Франки вернулися въ Вормсъ, поспѣшилъ аквитанецъ въ отчизну.
Встрѣченъ Вальтари былъ здѣсь съ торжествомъ и почетомъ великимъ
И всенародно отпраздновалъ свадьбу съ Гильдгундой, какъ должно.
Послѣ того, какъ отецъ его умеръ, онъ, всѣми любимый,
Тридцать лѣтъ правилъ народомъ счастливо. Но сколько въ то время
Войнъ заводилъ и какихъ достигалъ въ нихъ всегда онъ тріумфовъ.—
Все это стиль притупленный теперь описать отказался.

---

http://rcin.org.pl

INSTYTUT
BADAŃ LITERACKICH PAN
BIBLIOTEKA
00-330 Warszawa, ul. Nowy Świat 72
Tel. 26-68-63

http://rcin.org.pl

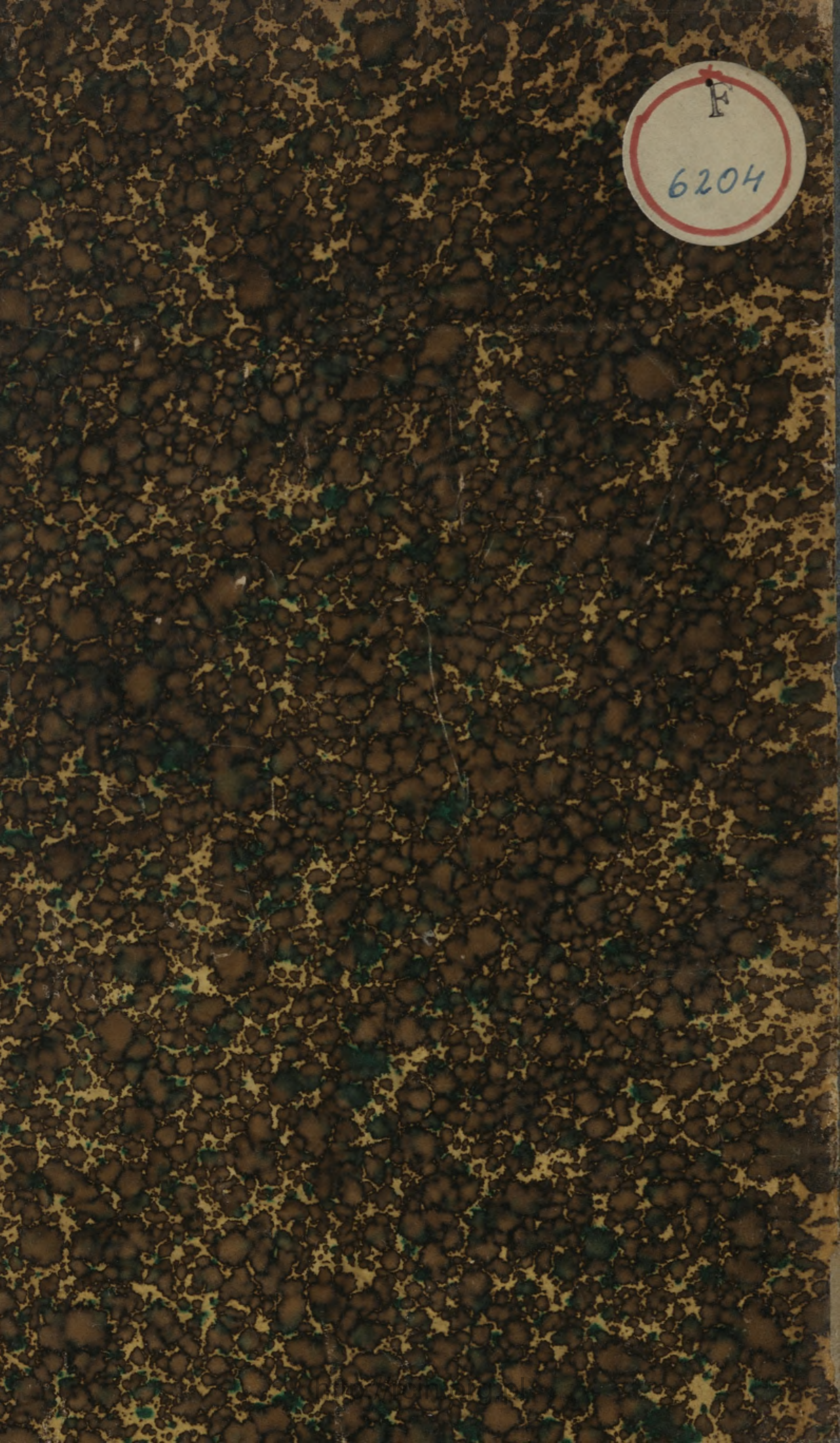
http://rcin.org.pl

http://rcin.org.pl

http://rcin.org.pl

http://rcin.org.pl

http://rcin.org.pl

F
6204